

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Забайкальский государственный университет»

ISSN 2227-9245
ISSN 2500-1728 (on-line)
DOI: 10.21209/2227-9245-2018-24-3

ВЕСТНИК

ЗАБАЙКАЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО

УНИВЕРСИТЕТА 2018

Том 24. № 3

TRANSBAIKAL STATE UNIVERSITY JOURNAL

Чита
Забайкальский государственный университет
2018

Основан
в 1995 г.

Учредитель и издатель: **ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет»**

Юридический адрес: 672039, Забайкальский край, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30

Адрес редакции: 672039, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30, каб. 320 редакция журнала «Вестник ЗабГУ»

Тел.: +7 (3022) 21-88-73
E-mail: rik-romanova-chita@mail.ru
Web-сайт: <http://zabvestnik.com>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-71265 от 17.10.2017 г.

Периодичность издания: 10 номеров в год

Журнал «Вестник Забайкальского государственного университета» до № 8 (87) 2012 г. выходил под названием «Вестник Читинского государственного университета»

Журнал рекомендован ВАК РФ для публикации результатов исследований на соискание ученой степени кандидата и доктора наук

Научные направления журнала:

- науки о Земле;
- политология;
- экономические науки

Журнал включен в:

- систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ);
- базу данных ВИНТИ РАН;
- НЭБ «Киберленинка»;
- каталог периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory

Подписку на журнал «Вестник ЗабГУ» можно оформить в любом почтовом отделении. Подписной индекс по федеральному почтовому Объединенному каталогу «Пресса России» и интернет-каталогу «Российская периодика» – www.arpk.org: 82102.

Подписка осуществляется и через редакцию. Цена свободная.

Все материалы, опубликованные в научном журнале «Вестник ЗабГУ», являются авторскими и защищены авторскими правами. Перевод материалов и их переиздание в любой форме, включая электронную, возможны только с письменного разрешения редакционной коллегии.

Авторы несут полную ответственность за подбор и изложение фактов, содержащихся в статьях, высказываемые взгляды могут не отражать точку зрения редакции

Качество иллюстраций соответствует качеству представленных оригиналов

DOI: 10.21209/2227-9245

DOI: 10.21209/2227-9245-2018-24-3

ISSN 2227-9245

ISSN 2500-1728 (on-line)

Вестник ЗабГУ теоретический и научно-практический журнал

Редакционная коллегия

Главный редактор – Романова Н.П., д-р социол. наук, профессор;
Ответственный секретарь – Усова Л.П.;
Редактор перевода – Каплина С.Е., д-р пед. наук, профессор;
Литературный редактор – Рыжкова А.А.;
Технический редактор – Петрова И.В., канд. социол. наук

Редакционный совет

Председатель редакционного совета: С.А. Иванов, д-р техн. наук, профессор, ректор Забайкальского государственного университета;

Зам. председателя редакционного совета: А.Н. Хатькова, д-р техн. наук, профессор, проректор по научной и инновационной работе Забайкальского государственного университета

Члены редакционного совета

Науки о Земле

25.00.11 – Геология, поиски и разведка твердых полезных ископаемых, минерагения – И.В. Бычков, д-р техн. наук, профессор, академик РАН (Иркутск); В.Н. Опарин, д-р физ.-мат. наук, профессор, член-корр. РАН (Новосибирск); Ю.В. Павленко, д-р геол.-минер. наук, профессор (Чита); А.Г. Секисов, д-р техн. наук, профессор, ИГД СО РАН (Хабаровск); Д.М. Шестернев, д-р техн. наук, профессор (Якутск); Л.В. Шумилова, д-р техн. наук, профессор (Чита)

25.00.13 – Обогащение полезных ископаемых – А.Г. Кирдяшкин, д-р техн. наук, заслуженный деятель науки РФ, лауреат Государственной премии РФ (Новосибирск); В.П. Мязин, д-р техн. наук, Заслуженный профессор ЗабГУ (Чита); Н.Б. Попова, д-р геогр. наук, профессор (Новосибирск), А.Н. Хатькова, д-р техн. наук, профессор (Чита)

25.00.36 – Геоэкология (по отраслям) – В.Р. Алексеев, д-р геогр. наук, профессор, член-корр. Академии водного хозяйства, почетный член Русского географического общества (Якутск); В.Н. Макаров, д-р геол.-минер. наук, профессор (Якутск); А.Н. Новиков, д-р геогр. наук, доцент (Чита); В.Я. Потапов, д-р техн. наук, профессор кафедры горной механики (Екатеринбург); В.Г. Романов, д-р геол.-минер. наук, профессор (Чита); Г.В. Секисов, д-р техн. наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, член-корр. НАН КР (Хабаровск)

Политология

23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии – Т.Е. Бейдина, д-р полит. наук, профессор (Чита); Ю.П. Гармаев, д-р юрид. наук, профессор (Улан-Удэ); О.В. Омеличкин д-р полит. наук, профессор (Кемерово); Т.Б. Цыренова, д-р полит. наук, доцент (Улан-Удэ); Л.В. Шашкова, д-р полит. наук, профессор (Барнаул)

23.00.04 – Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития – В.В. Гриб, д-р юрид. наук, доцент (Москва); Е.В. Матвеева, д-р полит. наук, Заслуженный деятель науки и образования РАЕ (Кемерово); И.Ф. Покровский, д-р юрид. наук, профессор (Санкт-Петербург); В.Ф. Печерица, д-р ист. наук, профессор (Владивосток); И.В. Романова, д-р социол. наук, профессор (Чита); Ю.Н. Туганов, д-р юрид. наук, профессор (Москва)

23.00.05 – Политическая регионалистика. Этнополитика – А.Д. Воскресенский, д-р полит. наук, профессор (Москва); А.В. Жуков, д-р филос. наук, профессор кафедры философии (Чита); Ю.А. Зуляев, д-р истор. наук, профессор (Иркутск); А.А. Протасевич, д-р юрид. наук, профессор (Иркутск); А.С. Чесноков, д-р полит. наук, доцент, Первый секретарь Посольства РФ в Республике Кении (Екатеринбург)

Экономические науки

08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством – К.К. Ильковский, д-р экон. наук (Москва); Е.А. Малышев, д-р экон. наук, профессор (Чита); М.С. Оборин, д-р экон. наук, профессор кафедры экономического анализа и статистики (Пермь)

08.00.10 – Финансы, денежное обращение и кредит – Е.С. Вылкова, д-р экон. наук, профессор (Санкт-Петербург); И.П. Глазырина, д-р экон. наук, профессор (Чита); Л.В. Кох, д-р экон. наук, профессор (Санкт-Петербург); О.П. Санжина, д-р экон. наук, профессор (Улан-Удэ)

08.00.14 – Мировая экономика – Н.И. Атанов, д-р экон. наук, профессор (Улан-Удэ); С.А. Городкова, д-р экон. наук, доцент (Чита); Е.Л. Дугина, д-р экон. наук, профессор (Улан-Удэ)

Члены международного редакционного совета

Науки о Земле: В.Р. Алабьев, д-р техн. наук (Украина); О. Бааст, д-р геогр. наук (Монголия); В.С. Волошин, д-р техн. наук, профессор (Украина); К.Ч. Кожоголов, д-р техн. наук, профессор (Кыргызская Республика); Ч.В. Колев, профессор (Болгария); Нгуен Хоай Тьяу, д-р, профессор (Вьетнам)

Политология: Ан Сен Ир, профессор (Китай); Ван Чжи Хуа, д-р юрид. наук, профессор (Китай); З. Шмыт, профессор (Польша)

Экономические науки: Х.З. Барабанер, д-р экон. наук, профессор (Эстония); Мауи Michigami, д-р экон. наук, профессор (Япония); Л. Оюунцэцэг, д-р экон. наук, профессор (Монголия); L.G. Hassel, д-р экон. наук, профессор (Швеция); К.К. Шебеко, д-р экон. наук, профессор (Беларусь)

Ответственный за выпуск Н.П. Романова, главный редактор, д-р социол. наук, профессор

Drafting committee

Editor-in-chief	– Romanova N.P., scientific editor, doctor of sociological sciences, professor;
Assistant editor	– Usova L.P.;
Editor of translation	– Kaplina S.E., doctor of pedagogical sciences, professor;
Literary editor	– Ryzhkova A.A.;
Technical editor	– Petrova I.V., candidate of sociological sciences

Editorial board

Chairman of editorial board: S.A. Ivanov, doctor of technical sciences, professor, rector, Transbaikal State University;

Vice chairman of editorial board: A.N. Khatikova, doctor of technical sciences, professor, prorector on scientific and innovative work, Transbaikal State University

Members of editorial board

Earth sciences

25.00.11 – Geology, prospecting and exploration of minerals, minerageny – I.V. Bychkov, doctor of technical sciences, professor, academician RAS (Irkutsk); V.N. Oparin, doctor of physical and mathematical sciences, professor, corresponding member RAS (Novosibirsk); Yu.V. Pavlenko, doctor of geological and mineralogical sciences, professor (Chita); A.G. Sekisov, doctor of technical sciences, professor, IMA SB RAS (Khabarovsk); D.M. Shesternev, doctor of technical sciences, professor, (Yakutsk); L.V. Shumilova, doctor of technical sciences, professor (Chita)

25.00.13 – Processing of minerals – D.G. Kirdyashkin, doctor of technical sciences, Honored Scientist of the Russian Federation, laureate of the State Prize of the Russian Federation (Novosibirsk); V.P. Myazin, doctor of technical sciences, Honored Professor of ZabSU (Chita); N.B. Popova, doctor of geographical sciences, professor (Novosibirsk), A.N. Khatikova, doctor of technical sciences, professor, (Chita)

25.00.36 – Geocology (in branches) – V.R. Alekseev, doctor of geographical sciences, professor, corresponding member, Academy of Water Management, honorary member of the Russian Geographical Society (Yakutsk); V.N. Makarov, doctor of geological and mineralogical sciences, professor (Yakutsk); A.N. Novikov, doctor of geographical sciences, associate professor (Chita); V.Ya. Potapov, doctor of technical sciences, professor, Mining Mechanics department (Yekaterinburg); V.G. Romanov, doctor of geological and mineralogical sciences, professor (Chita); G.V. Sekisov, doctor of technical sciences, professor, honoured worker of the RF, corresponding member of National Academy of Sciences of Kyrgyzstan (Khabarovsk)

Politics

23.00.02 – Political institutions, processes and technologies – T.E. Beydina, doctor of political sciences, professor (Chita); Yu.P. Garmayev, doctor of law sciences, professor (Ulan-Ude); O.V. Omelychkin, doctor of political sciences, professor (Kemerovo); T.B. Tserenova, doctor of political sciences, associate professor (Ulan-Ude); L.V. Shashkova, doctor of political sciences, associate professor (Barnaul)

23.00.04 – Political problems of international relations, global and regional development – V.V. Grib, doctor of law sciences, associate professor (Moscow); E.V. Matveeva, doctor of political sciences, Honored Worker of Science and Education RAE (Kemerovo); I.F. Pokrovsky, doctor of law sciences, professor (St. Petersburg); V.F. Pecheritsa, doctor of historical sciences, professor (Vladivostok); I.V. Romanova, doctor of sociological sciences, professor (Chita); Yu.N. Tuganov, doctor of law sciences, professor (Moscow)

23.00.05 – Political regionalism. Ethnopolitics – A.D. Voskresensky, doctor of political sciences, professor (Moscow); A.V. Zhukov, doctor of philosophical sciences, professor, Philosophy department (Chita); Yu.A. Zulyar, doctor of historical sciences, professor (Irkutsk); A.A. Protosevich, doctor of law sciences, professor (Irkutsk); A.S. Chesnokov, doctor of political sciences, associate professor, First Secretary of the Embassy of the Russian Federation in the Republic of Kenya (Yekaterinburg)

Economics

08.00.05 – Economy and management of national economy – K.K. Ilkovsky, doctor of economic sciences (Moscow); E.A. Malyshev, doctor of economic sciences, professor (Chita); M.S. Oborin, doctor of economic sciences, professor, Economic Analysis and Statistics department (Perm)

08.00.10 – Finance, monetary circulation and credit – E.S. Vylkova, doctor of economic sciences, professor (St. Petersburg); I.P. Glazyrina, doctor of economic sciences, professor (Chita); L. Kokh, doctor of economic sciences, professor (St. Petersburg); O.P. Sanzhina, doctor of economic sciences, professor (Ulan-Ude);

08.00.14 – World economy – N.I. Atanov, doctor of economic sciences, professor (Ulan-Ude); S.A. Gorodkova, doctor of economic sciences, associate professor (Ulan-Ude); E.L. Dugina, doctor of economic sciences, professor (Ulan-Ude)

Members of international editorial board

Earth sciences: V.R. Alabiev, doctor of technical sciences (Ukraine); O. Baast, doctor of geographical sciences (Mongolia); V.S. Voloshin, doctor of technical sciences, professor (Ukraine); K.Ch. Kozhugulov, doctor of technical sciences, professor (Kirghiz Republic); Ch.V. Kolev, professor (Bulgaria); Nguen Khoay Tiyau, doctor, professor (Vietnam)

Politics: An Sen Ir, professor (China); Van Chzhi Khua, doctor of law sciences, professor (China); Z. Shmyt, professor (Poland)

Economics: Kh. Z. Barabaner, doctor of economic sciences, professor (Estonia); Mayu Michigami, doctor of economic sciences, professor (Japan); L. Oyuntsetseg, doctor of economic sciences, professor (Mongolia); L.G. Hassel, doctor of economic sciences, professor (Sweden); K.K. Schebeko, doctor of economic sciences, professor (Belorussia)

Responsible for the issue N.P. Romanova, editor-in-chief, doctor of sociological sciences, professor

Founder and editor FSBE HE
«**Transbaikal State University**»

Legal address: 672039, Transbaikal
region, Chita
Aleksandro-zavodskaya, str. 30

Editorial address: 672039, Chita,
Aleksandro-Zavodskaya str., 30,
study 320, Editorial Board
of the Bulletin of ZabGU

Tel.: +7 (3022) 21-88-73

E-mail: rik-romanova-chita@mail.ru

Web-site: <http://zabvestnik.com>

The Journal is registered by Federal
Service for Supervision in the Sphere of
Communications, Information Technology and
Mass Communications (Roskomnadzor)
Certificate of registration in Mass Media
PI № FS 7771265 dated by 17.10.2017

Frequency of publication:
10 issues per year

The Transbaikal State University Journal up to
the number 8 (87) 2012 was published under
the title «Bulletin of the Chita State University»
The Transbaikal State University

**Journal is recommended by the High
Certification Commission for the
publication of research for the degrees
of doctor and candidate of sciences**

Research directions of the Journal:

- Earth sciences;
- Politics;
- Economics

The journal is included into:
– the system of the Russian index of scientific
citation (RISC);
– the database of VINITI RAN;
– SEL «Ciberleninka»;
– the catalogue of periodicals Ulrich's
Periodicals Directory

Subscription to the Transbaikal State Uni-
versity Journal can be registered at any post
office. Index is in accordance with the federal
postal general catalogue «The Russian Press»
and internet-catalogue «Russian periodicals»
www.arpk.org: 82102.

Subscription can be also registered by means
of editorship. The price is free

All materials published in the scientific journal
«Transbaikal State University Journal» have
intellectual property rights and are protected
by copyright. Translation of the materials
and their republication in any form, including
electronic one, cannot be performed without
written consent with the editorial board.

Authors are fully responsible for the choice
and presentation of facts contained in the
articles, the expressed views do not
necessarily reflect the views
of the editorial board

Quality of the pictures correspond to
the quality of the originals submitted

DOI: 10.21209/2227-9245

DOI: 10.21209/2227-9245-2018-24-3

ISSN 2227-9245

ISSN 2500-1728 (on-line)

ОЦЕНКА ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПОТЕНЦИАЛЬНЫХ ПРИРОДНЫХ ЛЕЧЕБНЫХ РЕСУРСОВ В КУРОРТНО-РЕКРЕАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕГИОНА

POSSIBILITY ASSESSMENT OF USING POTENTIAL OF NATURAL CURATIVE RESOURCES IN THE RESORT AND RECREATIONAL ACTIVITIES OF THE REGION

*М. С. Оборин, Пермский институт (филиал) Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, г. Пермь
recreachin@rambler.ru*

M. Oborin, Perm Institute (branch) of the Russian Economic University named after G.V. Plekhanov, Perm

Описаны потенциальные природные ресурсы региона, которые могут использоваться в курортной медицине и усиливать туристско-рекреационную специализацию территории. Представлен анализ ресурсного потенциала, положительно влияющего на формирование санаторно-курортного комплекса региона, развитие дополнительных лечебно-оздоровительных профилей, актуализацию потребностей населения и повышения доступности услуг для различных возрастных категорий. Выявлена взаимосвязь наличия природных лечебных ресурсов и стратегического отраслевого планирования в курортно-рекреационной сфере. В качестве основных методов исследования выбраны экспертный опрос, сравнительный анализ, моделирование социально-экономических процессов.

Определена конкурентоспособность потенциальных природных лечебных ресурсов, обоснована их высокая роль в стратегическом развитии курортно-рекреационной специализации региона. В статье приведены данные экспертного опроса о роли, перспективах и направлениях использования потенциальных природных лечебных ресурсов. В первую очередь показано соответствие количественной емкости предложения на рынке (количество санаторно-курортных организаций), возможных направлений физиотерапевтического и бальнеологического применения лечебных минеральных вод и грязей. Данные исследования представлены по каждому из перспективных месторождений природных лечебных ресурсов Пермского края в количестве шести источников.

Автором дана подробная бальнеологическая и лечебная характеристика природных минеральных вод и грязей, определен профиль заболеваний, которые могут успешно лечиться потенциальными ресурсами перспективных месторождений в соответствии со специализацией санаториев и курортов Пермского края. Сделан вывод о экономической целесообразности разработки и применения ресурсов, основанных в том числе на противопоказаниях к применению в лечебно-оздоровительных процедурах

Ключевые слова: потенциал; природные лечебные ресурсы; курортно-рекреационная специализация; лечение; медицинское использование; санаторно-курортный комплекс; бальнеология; грязелечение; лечебные процедуры; физиотерапия; стратегическое планирование

The subject of research is the potential natural resources of the region, which can be used in resort medicine and strengthen the tourist and recreational specialization of the territory. The article presents the analysis of the resource potential that positively affects the formation of the health resort complex in the region, development of additional health profiles, updating the needs of the population and improve the availability of services for different age categories. The purpose of the article is to identify the relationship between the availability of natural healing resources and strategic sectoral planning in the resort and recreational sector. As the main research method to achieve this goal an expert survey, comparative analysis, simulation of socioeconomic processes were selected.

The results of the work are to identify the competitiveness of potential natural healing resources, substantiate their high role in the strategic development of resort and recreational specialization of the region. The article presents the data of the expert survey on the role, prospects and directions of the use of potential natural healing resources. Firstly, possible areas of physiotherapy and balneology of the use of mineral therapeutic waters and mud are presented under the quantitative capacity of supply in the market (the number of sanatorium and resort institutions). These studies are presented for each of the promising deposits of natural healing resources of the Perm region in the amount of six sources.

The main conclusions are the detailed balneological and therapeutic characteristics of natural mineral waters and mud; determining the profile of diseases that can be successfully treated with potential resources of promising fields, in accordance with the specialization of sanatoriums and resorts of the Perm region. An important conclusion of the experts is the question of economic feasibility of the development and use of resources, based, inter alia, on contraindications to the use in medical and recreational procedures

Key words: potential; natural healing resources; resort and recreation specialization; medical treatment; medical use; spa complex; balneology; mud therapy; spa treatments; physiotherapy; strategic planning

Введение. Потенциал территории является определяющим в развитии ее специализации. Регионы с туристско-рекреационной направленностью характеризуются высоким уровнем инфраструктуры лечебно-оздоровительного туризма и курортной медицины, однако в сложных условиях обострения конкуренции необходим анализ стратегических возможностей и перспектив.

Первый аспект заключается в определении потребности в дополнительных санаторно-курортных организациях в случае освоения потенциальных природных ресурсов. Второе направление связано с усилением медицинской специализации региона, основанной на качестве и лечебно-оздоровительных свойствах минеральных вод, лечебных грязей и рассолов.

Развитие курортно-рекреационной деятельности на основе природных лечебных ресурсов рассматривалось отечественными и зарубежными авторами (И. П. Бобровницкий [1], Е. Р. Мингазина [4], М. С. Оборин [4], А. Н. Разумов [7], В. И. Покровский [7], В. В. Adams [8], S. W. Burg [9], M. J. Humann [10]).

Методы исследования. Экспертный опрос позволяет повысить качество оценки стратегических перспектив развития санаторно-курортного комплекса (СКК) и лечебно-оздоровительного туризма на базе потенциальных природных лечебных ресурсов Пермского края.

Сравнительный анализ предоставляет базу для обоснованных выводов по составу

и качеству лечебных грязей, минеральных вод и рассолов, позволяет сравнить наиболее перспективные месторождения с потребностями рекреантов.

Моделирование социально-экономических процессов повышает качество выводов о развитии санаторно-курортного комплекса по основным показателям, характеризующим состояние отрасли: количество санаторно-курортных организаций, доходы и прибыль, рост платежеспособного спроса.

Результаты работы и область их применения. Пермский край располагает разнообразными природными лечебными ресурсами, что предопределило возникновение крупных курортов и санаториев, известных в России и за рубежом: «Усть-Качка», «Ключи», «Демитково». Обострение конкурентной среды, которое сложилось в силу геополитических факторов, привело к необходимости стратегического планирования, обоснованной научной оценке перспектив развития имеющихся отраслей. Значимым фактором влияния можно назвать присоединение Республики Крым, которая является крупнейшим регионом с курортно-рекреационной специализацией и благоприятным климатом, что усиливает позиции Южного федерального округа в области курортной медицины, лечебно-оздоровительного туризма [1].

В связи с этим необходим анализ потенциальных природных лечебных ресурсов с целью определения перспектив развития санаторно-курортного комплекса:

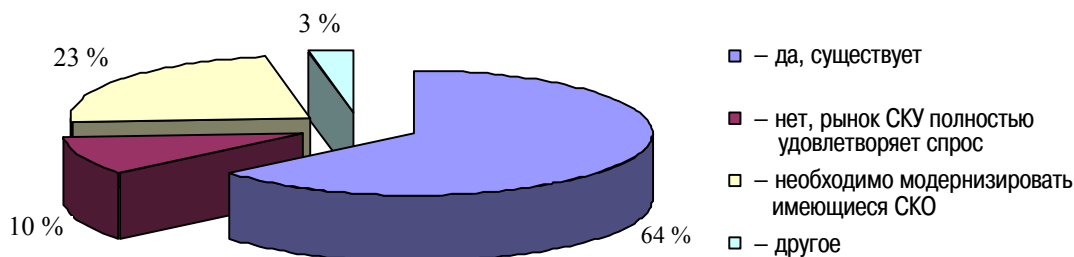
– усиление лечебно-оздоровительной специализации региона, которая заключается в перспективе открытия новых санаториев и курортов на базе месторождений природных лечебных ресурсов, повышение доли рынка России;

– сохранение существующего уровня специализации и количества отраслевых субъектов в связи с тем, что новые месторождения не будут оказывать значительного влияния на санаторно-курортный комплекс;

– снижение уровня конкурентоспособности в силу незначительного влияния либо его отсутствия на показатели деятельности профильных лечебно-оздоровительных предприятий [2].

В качестве основного метода использован экспертный опрос по вопросам развития и вовлечения потенциальных курортно-рекреационных ресурсов Пермского края в лечебно-оздоровительную деятельность санаторно-курортных организаций (эксперты в количестве тридцати человек).

В первую очередь следовало выяснить, существует ли необходимость расширения перечня санаторно-курортных организаций (СКО) Пермского края за счет освоения новых потенциальных курортно-рекреационных ресурсов региона. Так, 64 % респондентов считают, что открытие новых санаторно-курортных организаций необходимо для развития курортного дела в Пермском крае. Предполагается, что новые организации будут открыты на базе новых потенциальных курортно-рекреационных ресурсов региона. На необходимость развития и модернизации уже имеющихся санаторно-курортных организаций указали 23 % опрошенных; 10 % респондентов полагают, что нет необходимости в создании новых санаторно-курортных организаций, так как существующий рынок санаторно-курортных услуг полностью удовлетворяет потребителей. Удельный вес ответов экспертов о необходимости расширения перечня санаторно-курортных организаций Пермского края представлен на рисунке.

Удельный вес ответов экспертов о необходимости расширения перечня СКО с учетом освоения потенциальных рекреационных ресурсов в Пермском крае (составлено по [4]) / The share of experts' answers on the need to expand the list of sanatorium organizations taking into account the development of potential recreational resources in the Perm region

Проанализированы шесть объектов потенциальных курортно-рекреационных ресурсов региона (табл. 1).

Источник 1. Участок «Новые Ключи», Суксунский район, пос. Суксун.

Природные ресурсы: БЛ, 275...310 г/дм³, крепкие хлоридные кальциево-натриевые бромные железистые рассолы Вг 1,2...1,35 г/дм³; Fe²⁺+Fe³⁺ 0,2 г/дм³.

Отметим, что 27,7 % респондентов считают природные ресурсы пригодными для лечения заболеваний сердечно-сосудистой системы, 23,4 % – для лечения заболеваний органов центральной и периферической нервной системы; 17 % опрошенных обратили внимание на лечение заболеваний кожи.

Таблица 1 / Table 1

Краткая гидрогеологическая характеристика изучаемых курортно-рекреационных ресурсов Пермского края* / Brief hydrogeological characteristics of the studied resort and recreational resources of the Perm region

Номер объекта	Наименование объекта / Name of the object	Характеристика природных ресурсов / Characteristics of natural resources
Источник 1** / Source 1	Участок «Новые Ключи», Суксунский район, пос. Суксун / Site "New Keys", Suksun district, Suksun settlement	БЛ, 275-310 г/дм ³ , крепкие хлоридные кальциево-натриевые бромные железистые рассолы, Br 1,2-1,35 г/дм ³ ; Fe ²⁺ +Fe ³⁺ 0,2 г/дм ³ / BL, 275-310 g/dm ³ , strong calcium chloride-sodium bromine brines ferrous, Br 1,2-1,35 g/dm ³ ; Fe ²⁺ +Fe ³⁺ 0,2 g/dm ³
		ЛП, СТ 2,2 г/дм ³ , маломинерализованная сульфатная магниевая (Краинский тип) / PL, PT, 2,2 g/dm ³ , low-mineralized sulphate magnesium-calcium (Krainsky type)
		БЛ, 271-275 г/дм ³ , крепкие хлоридные натриевые бромные сульфидные рассолы, H ₂ S – 260-360 г/дм ³ / BL, 271-275 g/dm ³ , strong chloride sodium bromine sulfide brines, H ₂ S-260-360 g/dm ³
Источник 2 / Source 2	Кунгурское месторождение, Кунгурский район, г. Кунгур / Kungur deposit, Kungur district, Kungur city	БЛ, 6,5-7,4 г/дм ³ , крепкие маломинерализованные сульфатно-хлоридные кальциево-натриевые сероводородные воды, H ₂ S 70-134 мг/дм ³ / BL, 6,5-7,4 g/dm ³ , strong low mineralized sulphate-chloride calcium-sodium hydrogen sulfide waters, H ₂ S 70-134 mg/dm ³
		БЛ, 269-292 г/дм ³ , крепкие хлоридные кальциево-натриевые бромные сероводородные йодные рассолы, Br 570-780; H ₂ S 180-217; J – 4-10 мг/дм ³ / BL, 269-292 g/dm ³ , strong calcium and sodium chloride bromine iodine hydrogen sulfide brines, Br 570-780; H ₂ S 180-217; J-4-10 mg/dm ³
Источник 3 / Source 3	Участок скв. № 13, Чернушинский район, г. Чернушка / Site of the drill hole № 13, Chernushinsky area, Chernushka	БЛ, 240-285 г/дм ³ , крепкие хлоридные натриевые (кальциево-натриевые) бромные рассолы, Br 600-750 мг/дм ³ ; J – 5-10 г/дм ³ / BL, 240-285 g/dm ³ , strong chloride sodium (calcium-sodium) bromine brines, Br 600-750 mg/dm ³ ; J – 5 to 10 g/dm ³
Источник 4 / Source 4	Говыринское месторождение минеральных вод, Нытвенский район, вблизи бывшего с. Говырино / Garinskoye deposit mineral water, Nytvensky district, near the former village Guarino	ЛП, 2,5-3,6 г/дм ³ , минеральная сульфатная магниевая-кальциевая воды (Смоленский тип) / PL of 2,5-3,6 g/dm ³ , mineral sulphate magnesium-calcium water (Smolensk type)
		Л, 10,7-11,3 г/дм ³ , минеральная сульфатная натриевая вода (Буйский тип) / L, 10,7-11,3 g/dm ³ , mineral sulphate sodium water (Buysky type)
Источник 5 / Source 5	Верхне-Курьинское месторождение минеральных вод, г. Пермь / Top-Kur mineral water deposit Perm	БЛ, 250-290 г/дм ³ , крепкие хлоридные натриевые бромные рассолы / BL, 250-290 g/dm ³ , strong chloride-sodium bromine brines
Источник 6 / Source 6	Лечебные грязи Суксунского пруда, Суксунский район, п. Суксун / Therapeutic mud pond Suksun Suksun district, village Suksun	Грязь лечебная, 1,5-2,5 г/дм ³ , иловые сульфидные аллювиальные грязи, торф / Curative mud, 1,5-2,5 g/dm ³ , silt sulfide alluvial mud, peat

Примечание: *составлено по [7]; ** под источником понимаются перспективные месторождения природных лечебных ресурсов / Note: * compiled according to [7]; ** the source is understood as perspective deposits of natural curative resources.

Природные ресурсы: ЛП, СТ 2,2 г/дм³, маломинерализованная сульфатная магниевая-кальциевая (Краинский тип).

Экспертами определено следующее медицинское использование этих вод:

1) лечение заболеваний системы органов пищеварения (по мнению 66,7 % опрошенных);

2) лечение заболеваний, связанных с нарушением обмена веществ (ожирение,

сахарный диабет) (по мнению 28,6 % респондентов).

Один из экспертов обратил внимание на необходимость проведения дополнительных исследований рассматриваемых природных ресурсов.

Природные ресурсы: БЛ, 271...275 г/дм³, крепкие хлоридные натриевые бромные сульфидные рассолы, H₂S – 260...360 г/дм³.

Выявлено, что 21,4 % опрошенных считают необходимым использование природных ресурсов для лечения заболеваний органов центральной и периферической нервной системы, 18 % – органов опорно-двигательного аппарата человека и заболеваний кожи; 14,3 % респондентов высказались о положительном лечении заболеваний органов сердечно-сосудистой системы.

Из-за необходимости в сильном разведении рассола 10,7 % респондентов решили, что экономически нецелесообразно разрабатывать данные природные ресурсы; 7,1 % опрошенных указали на присутствие широкого перечня противопоказаний в использовании данного природного ресурса.

Источник 2. Кунгурское месторождение, Кунгурский район, г. Кунгур.

Природные ресурсы: БЛ, 6,5...7,4 г/дм³, крепкие маломинерализованные сульфатно-хлоридные кальциево-натриевые сероводородные воды, H₂S, 70...134 мг/дм³.

Согласно проведенному опросу, более 25,7 % респондентов предполагают использование ресурсов для лечения заболеваний кожи; 23 % опрошенных утверждают, что использование рассматриваемых природных ресурсов положительно отразится на здоровье людей, страдающих заболеваниями органов опорно-двигательного аппарата; 17,1 % считают, что в лечении заболеваний органов сердечно-сосудистой системы положительного эффекта можно добиться при помощи бальнеологических процедур. На наличие множества противопоказаний обратили внимание два эксперта (5,7 %) [6].

Природные ресурсы: БЛ, 269...292 г/дм³, крепкие хлоридные кальциево-натриевые бромные сероводородные йодные рассолы Br, 570...780; H₂S, 180...217; J – 4...10 мг/дм³.

По мнению 23,3 % респондентов, благодаря указанным природным ресурсам можно добиться положительного эффекта в лечении заболеваний органов сердечно-сосудистой системы; 20 % опрошенных обратили внимание на необходимость лечения заболеваний кожи; 13,3 % заявили о нецелесообразности разработки рассматриваемых природных ресурсов, так как присутствует множество медицинских противопоказаний в их использовании.

Источник 3. Участок скв. № 13, Чернушинский район, г. Чернушка.

Природные ресурсы: БЛ, 240...285 г/дм³, крепкие хлоридные натриевые (кальциево-натриевые) бромные рассолы Br, 600...750 мг/дм³; J – 5...10 г/дм³.

О необходимости использования природных ресурсов при лечении заболеваний органов сердечно-сосудистой системы заявило 23,5 % респондентов; органов опорно-двигательного аппарата человека – 17,6 % опрошенных; почек – 11,8 %. Экономически нецелесообразными данные природные ресурсы сочли 11,8 % респондентов, так как требуется сильное разведение рассола.

Источник 4. Говыринское месторождение, Нытвенский район, вблизи бывшего с. Говырино.

Природные ресурсы: ЛП, 2,5...3,6 г/дм³, минеральная сульфатная магниевое-кальциевая вода (Смоленский тип).

Больше половины опрошенных (52 %) полагают, что минеральная вода может успешно использоваться для лечения заболеваний органов пищеварительной системы; 33,3 % респондентов – для лечения заболеваний, связанных с нарушением обмена веществ (ожирение, сахарный диабет).

Природные ресурсы: Л, 10,7...11,3 г/дм³, минеральная сульфатная натриевая вода (Буйский тип).

Исходя из результатов опроса экспертов, можно выделить три направления использования природного ресурса:

- 1) лечение заболеваний пищеварительной системы (43,6 %);
- 2) лечение заболеваний, связанных с нарушением обмена веществ (ожирение, сахарный диабет) (30,8 %);

3) лечение заболеваний почек (20,5 %).

Источник 5. Верхне-Курьинское месторождение, г. Пермь, пос. Верхняя Курья.

Природные ресурсы: БЛ, 250...290 г/дм³, крепкие хлоридные натриевые бромные рассолы.

Согласно проведенному опросу, более 29 % респондентов полагают, что использование ресурсов для лечения заболеваний органов сердечно-сосудистой системы позволит достичь положительных результатов; 22,6 % опрошенных утверждают, что использование рассматриваемых природных ресурсов положительно отразится на здоровье людей, страдающих заболеваниями органов опорно-двигательного аппарата и заболеваниями кожи; 9,7 % считают, что в лечении заболеваний женских половых органов можно добиться положительного эффекта при помощи бальнеологических процедур [7].

По мнению 6,5 % респондентов, экономически нецелесообразно разрабатывать данные природные ресурсы, так как необходимо сильное разведение рассола.

Источник 6. Лечебные грязи Суксунского пруда, Суксунский район, п. Суксун.

Природные ресурсы: грязь лечебная, 1,5...2,5 г/дм³, иловые сульфидные аллювиальные грязи, торф.

По рассматриваемым природным ресурсам, экспертами приведен широкий перечень заболеваний, в лечении которых следует использовать лечебную грязь.

Применение природных лечебных ресурсов для улучшения здоровья населения Пермского края и регионов России в санаторно-курортной практике представлено по каждому объекту.

Источник 1. Участок «Новые Ключи», Суксунское месторождение, Суксунский район, пос. Суксун.

Природные ресурсы: БЛ, 275...310 г/дм³, крепкие хлоридные кальциево-натриевые бромные железистые рассолы Br, 1,2...1,35 г/дм³; Fe²⁺+Fe³⁺ 0,2 г/дм³.

Необходимость использования природных ресурсов и их положительный эффект

для здоровья человека отметили 86,7 % респондентов. Затруднились ответить 13,3 % опрошенных. Из числа положительно оценивших использование природных ресурсов 100 % респондентов указали бальнеологические процедуры (бассейн с минеральной водой, ванны, душ, аппликации, орошение).

Природные ресурсы: ЛП, СТ 2,2 г/дм³, маломинерализованная сульфатная магниевое-кальциевая (Краинский тип).

Большинство экспертов (90 %) положительно оценили использование природных ресурсов. Три эксперта (10 %) затруднились оценить необходимость разработки и использования природных ресурсов.

По оценке всех экспертов, указанные природные ресурсы следует использовать при питьевом лечении.

Природные ресурсы: БЛ, 271...275 г/дм³, крепкие хлоридные натриевые бромные сульфидные рассолы, H₂S, — 260...360 г/дм³.

Большая часть респондентов (76,7 %) полагает, что использование природных ресурсов благоприятно отразится на здоровье человека. Неблагоприятный эффект отметили 16,7 % опрошенных. Способ использования — ванны с раствором.

Источник 2. Кунгурское месторождение, Кунгурский район, г. Кунгур.

Природные ресурсы: БЛ, 6,5...7,4 г/дм³, крепкие маломинерализованные сульфатно-хлоридные кальциево-натриевые сероводородные воды, H₂S, 70...134 мг/дм³.

Согласно проведенному опросу, более 83 % респондентов заявляют о необходимости использования ресурсов для лечения, при этом 10 % опрошенных утверждают, что использование рассматриваемых природных ресурсов неблагоприятно отразится на здоровье человека.

Из числа положительно оценивших использование природных ресурсов 100 % респондентов указали способ — бальнеологические процедуры (ванны, душ).

Природные ресурсы: БЛ, 269...292 г/дм³, крепкие хлоридные кальциево-натриевые бромные сероводородные йодные рассолы Br, 570...780; H₂S, 180-217; J — 4...10 мг/дм³.

О целесообразности использования природных ресурсов с учетом медицинских противопоказаний заявили 80 % опрошенных. Из их числа 100 % респондентов указали способ использования природных ресурсов – бальнеологические процедуры (ванны, душ, аппликации, орошение).

Источник 3. Участок скв. № 13, Чернушинский район, г. Чернушка.

Природные ресурсы: БЛ, 240...285 г/дм³, крепкие хлоридные натриевые (кальциево-натриевые) бромные рассолы Br, 600...750 мг/дм³; J – 5...10 г/дм³.

Большинство экспертов (80 %) считает, что применение в лечебно-оздоровительной деятельности природных ресурсов благоприятно отразится на здоровье человека. Использовать рассматриваемые природные ресурсы необходимо в бальнеологических целях.

Источник 4. Говыринское месторождение, Нытвенский район, вблизи бывшего с. Говырино.

Природные ресурсы: ЛП, 2,5...3,6 г/дм³, минеральная сульфатная магниевая-кальциевая воды (Смоленский тип).

Большинство опрошенных (90 %) полагает, что минеральная вода может успешно использоваться для лечения. Способ использования – бутилирование воды, питьевой бювет.

Природные ресурсы: Л, 10,7...11,3 г/дм³, минеральная сульфатная натриевая вода (Буйский тип).

Согласно опросу, 83,3 % респондентов считают разработку и последующее вовлечение природных ресурсов в санаторно-курортную деятельность необходимыми. Рассматриваемые природные ресурсы можно использовать в смешанной форме (бальнеологические процедуры, бассейн, питье).

Источник 5. Верхне-Курьинское месторождение, г. Пермь, пос. Верхняя Курья.

Природные ресурсы: БЛ, 250...290 г/дм³, крепкие хлоридные натриевые бромные рассолы.

Большинство респондентов (90 %) считает, что присутствует необходимость разработки природных ресурсов, так как их применение в лечении может благоприятно повлиять на здоровье человека. Рассматриваемые природные ресурсы можно использовать в бальнеологии.

Источник 6. Лечебные грязи Суксунского пруда, Суксунский район, п. Суксун.

Природные ресурсы: грязь лечебная, 1,5-2,5 г/дм³, иловые сульфидные аллювиальные грязи, торф.

Благоприятный эффект природных ресурсов при использовании в лечебно-оздоровительных процедурах отметили 93,3 % респондентов. Основные способы использования: бальнеологические процедуры, физиотерапевтические процедуры, грязелечение.

При помощи четырехбалльной системы оценки экспертам было предложено оценить перспективы разработки и вовлечения в процесс реализации лечебно-оздоровительных услуг новых объектов лечебных природных ресурсов Пермского края. Данная система оценки включает выставление оценки по каждому критерию:

- оценка «отлично» подразумевает положительные перспективы;
- критерию, перспектива которого оценена как «хорошая», присваивается четыре балла из пяти возможных;
- удовлетворительная оценка определенного критерия оценивается в три балла из пяти возможных;
- критерию, получившему оценку «неудовлетворительно», присваивается два балла из пяти возможных;
- если эксперт затрудняется оценить критерий, то выставляется один балл.

На основе полученных результатов рассчитаны значения средней оценки каждого критерия по семи новым объектам лечебных природных ресурсов (табл. 2).

Таблица 2/ Table 2

Результаты оценки перспектив разработки и вовлечения новых природных лечебных объектов* / Results of prospects assessment of development and involvement of new natural curative facilities

Критерий / Criterion	Источник 1 / Source 1	Источник 2 / Source 2	Источник 3 / Source 3	Источник 4 / Source 4	Источник 5 / Source 5	Источник 6 / Source 6
Уникальность и отсутствие аналога в регионе / Uniqueness and absence of analogue in the region	4,14	3,81	3,69	3,69	3,54	4,74
Широта перечня заболеваний, рекомендованных к лечению / Range of diseases list, recommended for treatment	3,71	4,11	3,69	4,36	3,69	4,84
Удачное географическое местоположение / Good geographical location	4,00	3,53	3,23	3,38	3,85	4,47
Транспортная доступность / Transport accessibility	3,94	3,60	3,31	3,46	4,00	4,37
Возможность эффективного лечения жителей Пермского края / Possibility of effective treatment of residents of the Perm region	4,20	4,18	4,08	4,43	4,51	4,9
Лечение жителей России / Treatment of Russian residents	4,04	3,78	3,72	3,98	3,96	4,58
Необходимость создания на его основе СКО / The need to create on its base recreation and resort organizations	1,71	1,60	3,12	4,13	2,23	3,22
Комплексная оценка конкурентоспособности / Complex assessment of competitiveness	3,68	3,52	3,55	3,92	3,68	4,44

Примечание: *составлено по [5; 6] / Note: * compiled according to [5; 6].

По мнению экспертов, разработка природных ресурсов источника 1 и их последующее вовлечение в оказание санаторно-курортных услуг (лечебного профиля) позволят повысить эффективность лечения отдыхающих на курортах Пермского края. Комплексная оценка конкурентоспособности объекта № 1 – 3,68 балла.

Показатели экспертной оценки по источнику 2 превышают четыре балла по критериям «широта перечня заболеваний» и «эффективность лечения жителей Пермского края», при этом ряд экспертов считает, что нет необходимости в создании санаторно-курортной организации на их основе.

Месторождение природных ресурсов источника 3, находящегося в г. Чернушка, оценено экспертами по всем критериям не достаточно высоко, при этом актуальность его разработки и вовлечения в оздоровительный процесс не снижается. Значение

общей средней оценки объекта – 3,55 балла.

Комплексная оценка конкурентоспособности источника 4 составила 3,92 балла. Эксперты отметили необходимость создания на его основе санаторно-курортной организации, ориентированной на лечение широкого перечня заболеваний.

На втором месте по показателю комплексной оценки находится Верхне-Курьинское месторождение г. Пермь (источник 5). Эксперты отметили его главные преимущества: транспортная доступность места добычи природных лечебных ресурсов; возможность эффективного лечения жителей Пермского края и других регионов Российской Федерации.

Респонденты высоко оценили каждый критерий конкурентоспособности источника 6. Если рассматривать значение оценки конкурентоспособности, то месторождение

лечебной грязи Суксунского пруда (Суксунский район, п. Суксун) занимает лидирующую позицию (4,44 балла) среди всех новых объектов потенциальных природных ресурсов.

Необходимость создания дополнительных санаторно-курортных организаций на

базе объектов природных лечебных ресурсов эксперты оценили низко практически по всем показателям.

Рассмотрим тенденцию количественной динамики санаторно-курортных организаций Пермского края и соседних регионов (табл. 3).

Таблица 3 / Table 3

Динамика численности санаторно-курортных организаций Пермского края и соседних регионов* / Dynamics of the number of sanatorium organizations of the Perm region and neighboring regions

Регион / Region	2002 г.	2006 г.	2010 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	Темп роста, % (2016 г. к 2002 г.) / Growth rate, % (2016 to 2002)
Республика Башкортостан / Republic of Bashkortostan	79	80	79	82	78	76	74	73	93,7
Республика Татарстан / Republic of Tatarstan	57	52	48	47	46	45	45	45	78,9
Удмуртская Республика / Udmurt Republic	33	32	32	33	32	31	29	28	87,8
Пермский край / Perm Krai	74	58	48	46	45	43	38	37	51,3
Кировская область / Kirovsk region	30	21	17	17	17	17	16	16	53,3

Примечание: * составлено по данным [6] / Note: * compiled from the data [6].

Темпы прироста во всех регионах отрицательные, что говорит о существующих проблемах развития санаторно-курортного комплекса. В Пермском крае и Кировской области количество здравниц сократилось практически вдвое за исследуемый период.

Выводы. Анализ объективных данных и экспертных оценок позволяет сделать вывод, что расширение численности санаторно-курортных организаций является нерентабельным, несмотря на то, что потенциальные природные ресурсы высоко оценены, факторы внешней среды оказывают негативное влияние. В первую очередь следует отметить ухудшение платежеспособности населения, снижение реальных доходов, рост задолженности физических лиц перед финансовой системой, что способствует направлению денежных

средств на первоочередные нужды. К факторам второго порядка относятся высокие цены на лечебно-оздоровительные услуги, появление регионов с благоприятными природно-климатическими условиями и дешевым пляжным отдыхом (Республика Крым), которые составляют конкуренцию существующим курортам.

Потенциальные природные лечебные ресурсы необходимо использовать для усиления курортно-рекреационной специализации региона на основе комплексных продуктов, сочетающих лечебно-оздоровительные услуги, сельский и экологический туризм. Территории Пермского края отвечают потребностям населения России в активно развивающихся видах активного отдыха и оздоровления.

Список литературы

1. Бобровницкий И. П. Разработка и внедрение инновационных технологий восстановительной медицины в практику здравоохранения Российской Федерации // Восстановительная медицина и реабилитация. Системная реабилитация. 2010. Т. 1. С. 56-67.
2. Зырянов А. И., Мищенко М. И. Проект развития туристско-рекреационных зон Пермского края. Пермь: ПГУ, 2010. 87 с.
3. Левченко Т. П., Янюшкин В. А., Рябцев А. А. Управление инвестиционной привлекательностью в туристско-рекреационной сфере. М.: ИНФРА-М, 2012. 162 с.
4. Мингазинова Е. Р., Оборин М. С. Развитие санаторно-курортных услуг как составляющей социально-экономического потенциала Пермского края // Современная экономика: проблемы и решения. 2013. № 2. С. 59-68.
5. Особо охраняемые природные территории Пермской области: реестр. Пермь: Кн. мир, 2002. 464 с.
6. Показатели развития санаторно-курортной деятельности [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.fedstat.ru/indicators/themes.do> (дата обращения: 15.12.2017).
7. Разумов А. Н., Покровский В. И. Здоровье здорового человека. Научные основы восстановительной медицины. М.: РАМН РНЦ ВМК, 2007. 258 с.
8. Adams B. B. *The New Agritourism: Hosting Community and Tourists on Your Farm*. Auburn: New World Publishing, 2008.
9. Burr S. W., Zeitlin J., Chase L., Ramaswamy V., Green G., Dougherty M. *Resources for Agritourism Development* [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.extension.usu.edu/iort/htm/publications/publication=10492> (дата обращения: 23.12.2017).
10. Humann M. J., Ellis T. M., Lee B. C. *Agritourism Health and Safety Guidelines for Children* [Электронный ресурс]. Marshfield: Marshfield Clinic, 2016. Режим доступа: http://www.marshfieldclinic.org/nccrahs/default.aspx?page=nccrahs_ag_tourism (дата обращения: 14.12.2017).

References

1. Bobrovnikitsky I. P. *Vosstanovitel'naya meditsina i reabilitatsiya. Sistemnaya reabilitatsiya* (Rehabilitation medicine and rehabilitation. Systemic rehabilitation). 2010. Vol. 1. P. 56–67.
2. Zyryanov AI, Mishchenko MI *Proekt razvitiya turistsko-rekreatsionnykh zon Permskogo kraja* (The project of tourist-recreational zones development of Perm Kraja). Perm: PSU, 2010. 87 p.
3. Levchenko T.P, Yanushkin VA, Ryabtsev AA *Upravlenie investitsionnoy privlekatel'nostyu v turistsko-rekreatsionnoy sfere* (Management of investment attractiveness in the tourist-recreational sphere). Moscow: INFRA-M, 2012. 162 p.
4. Mingazinova E.R., Oborin M.S. *Sovremennaya ekonomika: problemy i resheniya* (Modern economics: problems and solutions). 2013, no. 2, pp. 59–68.
5. *Osobo ohranyaemye prirodnye territorii Permskoy oblasti: reestr* (Specially protected natural territories of the Perm Region: Registry). Perm: Book. World, 2002. 464 p.
6. *Indicators of the development of sanatorium and resort activities* (Indicators of the development of sanatorium and resort activities). Available at: <http://www.fedstat.ru/indicators/themes.do> (Date of access: 15.12.2017).
7. Razumov AN, Pokrovsky VI *Zdorovie zdorovogo cheloveka. Nauchnye osnovy vosstanovitel'noy meditsiny* (Health of a healthy person. Scientific fundamentals of reconstructive medicine). Moscow: RAMS RSC VMK, 2007. 258 p.
8. Adams B. B. *The New Agritourism: Hosting Community and Tourists on Your Farm* [The New Agritourism: Hosting Community and Tourists on Your Farm]. Auburn: New World Publishing, 2008.
9. Burr S. W., Zeitlin J., Chase L., Ramaswamy V., Green G., Dougherty M. *Resources for Agritourism Development* [Resources for Agritourism Development]. Available at: <http://www.extension.usu.edu/iort/htm/publications/publication=10492> (Date of access: 23.12.2017).
10. Humann M. J., Ellis T. M., Lee B. C. *Agritourism Health and Safety Guidelines for Children* [Agritourism Health and Safety Guidelines for Children]. Available at: http://www.marshfieldclinic.org/nccrahs/default.aspx?page=nccrahs_ag_tourism (Date of access: 14.12.2017).

Коротко об авторе

Briefly about the author

Оборин Матвей Сергеевич, д-р экон. наук, профессор кафедры экономического анализа и статистики, Пермский институт (филиал) Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова; профессор кафедры мировой и региональной экономики, экономической теории, Пермский государственный национальный исследовательский университет; профессор кафедры менеджмента, Пермский государственный аграрно-технологический университет им. академика Д. Н. Прянишникова, г. Пермь, Россия; профессор кафедры управления и технологий в туризме и сервисе, Сочинский государственный университет, г. Сочи, Россия. Область научных интересов: региональная экономика, сельский туризм, экономика курортного дела, экономика АПК, устойчивое развитие региона, сфера услуг, социально-экономическая география, георелятивистика и геоэкология
recreachin@rambler.ru

Matvey Oborin, doctor of economic sciences, professor, Economic Analysis and Statistics department, Perm Institute (branch) of the Plekhanov Russian University of Economics, Perm, Russia; professor, World and Regional Economics, Economic Theory department, Perm State National Research University, Perm, Russia; professor, Management department, Perm State Agrarian and Technological University named after academician D. N. Pryanishnikov, Perm, Russia; professor, Management and Technology in Tourism and Service department, Sochi State University, Sochi, Russia. Sphere of scientific interests: regional economy, rural tourism, economy of resort business, agribusiness economy, sustainable development of the region, services, social and economic geography, geo-relativistics and geoecology

Образец цитирования

Оборин М. С. Оценка возможности использования потенциальных природных лечебных ресурсов в курортно-рекреационной деятельности региона // Вестн. Забайкал. гос. ун-та. 2018. Т. 24. № 3. С. 4–14. DOI: 10.21209/2227-9245-2018-24-3-4-14.

Oborin M. Possibility assessment of using potential of natural curative resources in the resort and recreational activities of the region // Transbaikal State University Journal, 2018, vol. 24, no. 3, pp. 4–14. DOI: 10.21209/2227-9245-2018-24-3-4-14.

Статья поступила в редакцию: 28.02.2018 г.
Статья принята к публикации: 14.03.2018 г.

УДК 550.2

DOI: 10.21209/2227-9245-2018-24-3-15-25

ПРИРОДНЫЕ ПОЛИМЕРЫ: НОВАЯ ПАРАДИГМА ЭВОЛЮЦИИ ЗЕМЛИ

NATURAL POLYMERS: A NEW PARADIGM OF THE EARTH EVOLUTION

*Ю. В. Павленко, Забайкальский государственный университет, г. Чита
payurva@mail.ru*

Yu. Pavlenko, Transbaikal State University, Chita

Представлена новая парадигма эволюции природных полимеров как ещё одного удивительного свойства преобразования самовозбуждающейся скрытой материи Вселенной. Особое внимание уделено неорганическим полимерам, слагающим земную кору. Расшифровка длительного и сложнейшего пути формирования и преобразования этих полимеров составляет большую и весьма перспективную научно-практическую проблему, поскольку в процессе термодинамической эволюции Земли неорганические полимеры прямо проявляют себя в генетических особенностях формирования и самой планеты, и эндогенного оруденения. При рассмотрении известных научных положений о полимерах обращено внимание на химические реакции поликонденсации и полимеризации, которые своеобразно перестраивают, преобразуют, наращивают атомы, исходные мономеры в сложные гигантские цепочки, формируют новое вещество с оригинальными физико-химическими свойствами. Применительно к меняющимся термодинамическим условиям полимеры образуют аморфную (термопластичную) или кристаллическую (термореактивную) структуру. Аморфные органические разности полимеров свойственны холодным космическим войдам. Они образуются в гигантских водородных облаках из лёгких органогенных химических элементов при активном участии в качестве катализатора электромагнитного излучения. Сложнейшие процессы медленного преобразования этих полимеров привели к формированию некоторого объёма полимеров в виде плотного аморфного вещества, которое активно участвовало в процессах аккреции при формировании и эволюции галактик, звёзд и планет. Эти предположения впервые объясняют путь превращения преобладающей газовой составляющей открытого космоса в твёрдое вещество галактик. Кристаллические неорганические полимеры, синтезированные в земной коре, представлены высокотемпературными полимерами, образованными при существовании большего давления. Это относительно молодые полимеры нескольких поколений. Первоначально под воздействием жёсткого электромагнитного и радиоактивного излучения эти полимеры формировались в облаках шаровых звездных скоплениях, рассеянных скоплениях спиральных ветвей нашей Галактики, затем под воздействием эндогенного тепла ядра Земли в её мантии и преобразовывались, совершенствуясь, в процессах образования земной коры. Изучая неорганические полимеры, наука способна познать особенности материального мира, проливающие свет на истинную его природу

Ключевые слова: парадигма; эволюция; органические, элементоорганические, неорганические полимеры; аморфные, кристаллические структуры; поликонденсация; полимеризация; Вселенная; войды; Галактика; Земля

A new paradigm of natural polymers evolution as another surprising property of transformation of the self-excited hidden matter of the Universe is presented. Particular attention is paid to inorganic polymers that make up the earth's crust. Decoding the long and difficult way of formation and transformation of these polymers is a big and very promising scientific and practical problem, because in the process of thermodynamic evolution of the Earth, inorganic polymers directly manifest themselves in the genetic features of the planet formation and endogenous mineralization. When considering the known scientific statements about the polymer, the attention is drawn to chemical reactions of polycondensation and polymerization, which is kind of a rebuild, transform, increasing the atoms of the original monomers in a complex of giant chains, to form a new substance with the original physico-chemical properties. In relation to the changing thermodynamic conditions, polymers form an amorphous (ther-

moplastic) or crystalline (thermosetting) structure. Amorphous organic polymer differences are characteristic of cold space voids. They are formed in huge hydrogen clouds from light organogenic chemical elements with active participation as a catalyst of electromagnetic radiation. The most complicated processes of slow transformation of these polymers have led to the formation of a certain volume of polymers in the form of a dense amorphous substance, which actively participated in the accretion processes in the formation and evolution of galaxies, stars and planets. These assumptions explain for the first time the path of predominant gas component transformation of open space from the solid matter of galaxies. Crystalline inorganic polymers synthesized in the earth's crust are represented by high-temperature polymers formed at significantly higher pressure. These are relatively young polymers of several generations. Initially, under the influence of hard electromagnetic and radioactive radiation, these polymers were formed in clouds of spherical star clusters, scattered clusters of spiral branches of our Galaxy, then under the influence of endogenous heat of the Earth's nucleus in its mantle and transformed, being improved, in the processes of the earth's crust formation. By studying inorganic polymers, science is able to know the peculiarities of the material world, shedding light on its true nature

Key words: paradigm; evolution; organic, organometallic, inorganic polymers; amorphous and crystalline structures; polycondensation; polymerization; of the Universe; voids; Galaxy; Earth

Введение. Всем знакомое слово «полимеры» на самом деле олицетворяет современные выдающиеся достижения науки и техники. Полимеры являются новым источником доступного универсального сырья, способного заменить и превзойти по своим качествам металлы, древесину, олицетворяют новые материалы высокой прочности, твёрдости, жаростойкости, обладают прочими великолепными технологическими свойствами. Природные полимеры являются продуктами самоорганизации, самосовершенствования самой материи, широко используемыми с древних времен. Оригинальные свойства полимеров способны внести свой вклад в развитие фундаментальных и смежных с ними наук. Это касается совершенствования гипотез образования Вселенной галактик и нашей Земли, развития химии и физики космоса, а также участия полимеров в формировании современного мира.

Химия полимеров — новое научно-практическое направление, призванное на основе природных полимеров создавать новые разнообразные синтетические материалы или химически перерабатывать природные полимеры в искусственные полимеры с необычными свойствами. В удивительных преобразованиях полимеров отражаются еще неведомые черты истории развития материи. За разнообразием природных полимеров, их большой потребительской значимостью скрываются

процессы, среда их образования, т.е. их природа, сведения о которой недостаточно полно освещены в литературе. Полимеры, как самостоятельное направление развития материального мира, являются неизменными участниками эволюции и Вселенной, и нашей планеты.

Вселенная — это окружающий мир, бесконечный в пространстве, во времени, по многообразию форм заполняющего его вещества и его превращений. Химический состав Вселенной, %: H-75, He-23, O-1, C-0,5, средняя температура — 2,7 К, плотность — 10^{-29} г/см³, в том числе (%): темная энергия — 68,3, темная материя — 26,8, барионное вещество — 4,9 [1]. Традиционно известна только барионная форма, к которой относится и человек, остальные формы являются новыми, неизведанными. Получается, что сегодня мы не знакомы с основной частью материи Вселенной.

Метод исследования. Новые формы материи, природа и уровень познания её свойств открывают просторы для предсказания многих процессов формирования и «жизнедеятельности» нашей планеты. Научные достижения последнего полувека свидетельствуют о более сложном строении неоднородной Вселенной, чем ранее предполагалось. Новые, преимущественно физические данные о Вселенной активизировали эпоху гипотез, предположений, предсказаний. По мнению В. В. Белоусова, гипотеза — это необходимый методический

прием исследования, без которого мы потерялись бы среди массы наблюдаемых явлений [2]. Только проверкой гипотез можно приблизиться к выяснению и уточнению многих истинных свойств далеко не познанной природы, особенно на уровне элементарных частиц. Неизбежная череда гипотез – необходимый инструмент познания, отвечающий меняющемуся уровню развития науки. Проверка соответствия новых фактов, связей между явлениями, существующими гипотезами, концепциями указывает и предсказывает направление дальнейших исследований. Без этого наука бесплодна.

Использован метод теоретического моделирования. Он поднимает на более высокий научный уровень стратегические цели познания планеты. Метод базируется на универсальных законах и известных гипотезах образования планеты, на многочисленных новых фактах, не находящихся достаточного отражения в существующих теориях формирования и развития Земли. Они востребованы, прежде всего, геологами для решения стратегических задач прогнозирования, поисков, разведки месторождений различных полезных ископаемых, не вскрытых эрозионными процессами.

Результаты исследований и обобщения. Вселенной свойственна ячеистая структура, в которой стенки ячеек представлены сверхскоплениями галактик, а пустота ячеек – войдами. Все они непрерывно развиваются и видоизменяются по физическим законам. В составе галактик обнаружены тёмная материя, космические лучи, межзвёздный газ, шаровые скопления, рассеянные скопления, двойные звёзды, звёздные системы большей кратности, сверхмассивные чёрные дыры, чёрные дыры звёздной массы и, наконец, одиночные звёзды [1]. Природа их образования и развития представляет огромный научный и практический интерес. Множество разнообразной взаимодействующей материи Вселенной порождает множество загадочных явлений в звездах и межзвёздном пространстве, что требует своего объяснения.

Совсем недавно межзвёздное пространство представлялось пустотой. Не-

ожиданные и удивительно сложные пути развития новой науки – химии космического пространства – связаны с именем голландского студента Ван де Холста, который в период фашистской оккупации, исходя из периодического закона Д. И. Менделеева, определил самую длинную волну в спектре излучения водорода. Она равна 21 см и относится к коротким радиоволнам, в том числе излучаемым в условиях низких температур. Его предсказание о том, что присутствие водорода в космосе обнаруживается по этой волне, оправдалось. Это радиоволна постоянно посылает нам сообщение о водороде из дальних уголков Вселенной, об огромных невидимых глазу облаках космического водорода, их форме и размерах, связывающих разобщённые звёздные миры в единое целое. Более того, холодное излучение водорода абсолютно прозрачно, для него не существуют никаких преград, в том числе в виде непроницаемой космической пыли.

В космосе кроме протона – стабильной элементарной частицы с положительным зарядом, атомное ядро которого представляет самый распространённый изотоп водорода – протий, обнаружено много других элементов. Однако важнейшую роль в химии сверхвысокого вакуума играют атомарный водород и гелий (его в десять раз меньше), в малом количестве в вакууме присутствуют кислород, неон, азот, углерод, кремний. В войдах обнаружены органические молекулы более двадцати сложных химических соединений. Среди них молекулы цианоацетилена (HC_3N), муравьиной кислоты (HCOOH), формальдегида (HCHO), притом разного изотопного состава, аммиака (NH_3), неустойчивого к ультрафиолетовому излучению, формамида (HCONH_2), метилцианида (CH_3CN), сероуглерода (CS_2), сероокиси углерода (COS), окиси кремния (SiO). Эти элементы, соединения в сущности представляют природные органические полимеры. Не исключено, что и наша планета во время своего образования уже содержала органические соединения в форме полимеров – основы примитивных форм жизни (Петрянов, 1973). Как одна их форм эволюции

материи значимая часть «первородных» полимеров принимала активное участие в формировании вещества Вселенной.

К природным полимерам относятся РНК и ДНК, которые так важны для генов и процесса продолжения жизни. На самом деле РНК служит для передачи сигналов и благодаря ей существуют протеины, пептиды и ферменты. Ферменты способствуют протеканию химических процессов в живых организмах, а пептиды являются одними из наиболее интересных составляющих, образующих кожу, волосы и даже рога носорогов. Среди природных полимеров можно назвать полисахариды (полимеры сахара) и полипептиды, такие как шелк, кератин (волосы) [13–16].

Полимеры отличаются способностью образовывать гигантские цепочки атомов углерода, азота, водорода, серы, кислорода. На свойства полимеров существенно влияет не столько их состав, сколько размеры и строение «кирпичиков», звеньев, мономеров. Они связаны между собой двойными и даже тройными валентными связями. Часто в такие связи прорываются атомы иного или нескольких элементов с другим количеством связей, образуя большое разнообразие полимеров (рис. 1). При каждом изменении структуры существенно изменяются свойства полимеров. Все клетки живой материи состоят из молекул-цепочек, составляющих пищу, одежду, кровь и топливо человека.

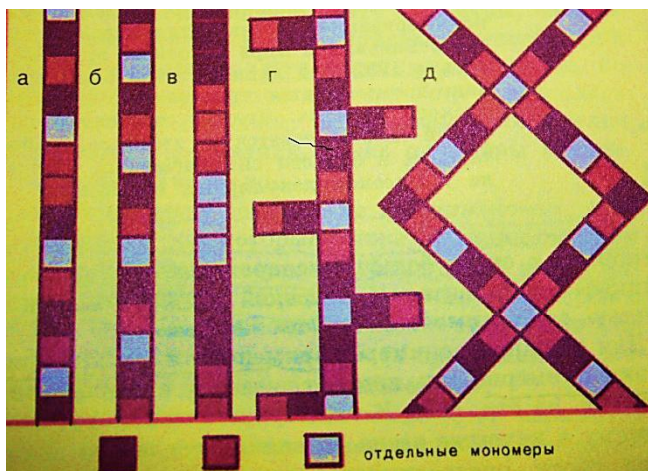

Рис. 1. Расположение мономеров в полимерных цепочках (Гладков, 1973): а – в полном беспорядке; б – в какой-либо строгой последовательности; в – группами (блоками); г – присоединением боковых цепочек; д – перекрещивающимися ветвями / Fig. 1. Arrangement of monomers in polymer chains [Gladkov, 1973]: a – in complete disarray; b – in any strict sequence; c – groups (blocks); d – joining side chains; e – crossing branches

В природе известны органические, элементоорганические и неорганические полимеры. Наиболее изученные органические полимеры состоят из биогенных элементов (углерод, водород, сера, кислород, фосфор, азот), элементоорганические – из неорганических (кремний, алюминий, титан) и органических элементов. К интересующим нас неорганическим полимерам относятся материалы, главная цепь и боковые ответвления которых неорганические, не являются углеводородными радикалами.

Разнообразие более трёх миллионов органических веществ обусловлено, прежде всего, особыми свойствами четырехвалентного углерода. Прочные химические соеди-

нения углеводов с другими элементами легко образуют линейные, кольцевые, сетчатые и прочие по форме полимерные цепи атомов различной длины. Цепи в разных местах могут включать атомы других элементов и однозвенные мономеры. Разнообразие также обусловлено способностью атомов углерода взаимодействовать друг с другом не одной, а двумя или тремя валентностями, а также формировать многовариантное пространственное расположение атомов. Цепочки полимеров могут быть атактическими (боковые мономеры направлены в разные стороны), изотактическими (мономеры образуют частично кристаллическую структуру) и синдиотак-

тическими (мономеры располагаются в определённом порядке) (Гладков, 1973).

Цепочки различных видов образуются в результате химических реакций поликонденсации и полимеризации в условиях низких и высоких температур, давлений и в присутствии катализаторов. В отличие от полимеризации, в процессе поликонденсации исходные вещества превращаются в безотходные конечные продукты. Поликонденсация — сравнительно медленный процесс получения прочных волокон, не создающий длинные молекулы. В реакции полимеризации, наоборот, образуются гигантские молекулы необычной прочности. Сочетание физических свойств обеспечивает полимерам упругость, свойственную газообразным веществам, текучесть и несжимаемость, присущую жидкостям, и сопротивляемость любому изменению формы, характерную для твердых тел.

В аморфных полимерах молекулярные цепочки причудливо переплетены друг с другом. При нагревании такие полимеры никогда не переходят в парообразное состояние. Кристаллические полимеры сочетают параллельное расположение коротких отрезков длинных молекул с аморфными участками, выполняющими роль своеобразного клея. Твердость таких полимеров зависит от количества кристаллических участков. Свойства и реакции полимеров свидетельствуют об их неограниченной способности изменять свойства и в зависимости от термодинамических условий получать самые разнообразные вещества.

В молекулах элементоорганических полимеров присутствуют кремний, алюминий, фтор, бор, кобальт. Наиболее распространённые кремнийорганические полимеры сочетают углеводородные и кислородные соединения кремния. Технология синтеза фторопласта, например, предусматривает замену при высоком давлении и в присутствии перекиси водорода (катализатор) атомов метана (CH_4) на фтор путём последовательного замещения атомов водорода атомами хлора (хлороформ CHCl_3), затем атомами фтористого водорода (дифторохлорметан CHF_2Cl) и удаления HCl .

Фторопласты — прекрасный диэлектрик, самое скользкое вещество в мире.

Неорганические полимеры природного происхождения широко распространены в атмосфере (до высоты 15–18 км), гидросфере и преобладают в верхней части литосферы, составляющих земную кору. Основными компонентами земной коры являются сложные неорганические полимеры оксидов кремния, алюминия и других металлов. Состоят полимеры из тетраэдров (SiO_4) и (AlO_4), октаэдров (AlO_6). Ионы ортосиликата могут объединяться за счёт общих атомов кислорода, образуя длинные цепи полисиликатов. Кремнекислородные тетраэдры SiO_4 могут образовывать одинарные или двойные цепи, слои, кольца или ионные связи с металлом. Наиболее распространены силикатные минералы сетчатой полимерной структуры, такие как полевой шпат, гранат и слюды. На них похожи соли металлов (оксиды) переменной валентности. Многие из них образуют кристаллы типа алмаза или кварца [5].

У минералов свойства полимеров прослеживаются в явлениях изоморфизма, в координационных и островных структурах (островные, кольцевые, цепочечные, ленточные, слоистые, каркасные), в структурных узлах — комплексах — радикалах с простыми и сложными связями атомов (узлов), в полиморфизме и политипии [12]. Кроме структуры минералов, особый интерес вызывает их кристаллохимическое разнообразие. По состоянию атомов, их сочетанию в зависимости от минералообразующих сред выделяются следующие неорганические минералы: простые вещества, сульфиды и близкие к ним минералы, кислородные соединения, галоиды [3; 4].

В неорганической природе кремний занимает такое же положение, как углерод в живой природе. Неорганические полимеры принципиально не отличаются от органических, что подчеркивает общность фундаментальных процессов, определяющих полимерную природу вещества [6]. Главные цепи этих полимеров построены из ковалентных или ионно-ковалентных связей, последние могут прерываться еди-

ничными сочленениями координационного характера. К неорганическим соединениям структурно-полимерного строения отдельных атомных группировок относятся также фосфаты, бораты, арсенаты, гидроокиси, карбиды, нитриды, силициды, арсениды и многие другие классы химических соединений. Типичными полимерами этого типа являются пироксеноидно-амфиболовые силикаты с полимерным строением их анионных группировок [7].

Для двуокиси кремния (SiO_2) характерны высокая температура плавления (1723°C), относительно большая плотность и твердость. Полимеры, построенные посредством межатомных связей, в отличие от молекулярных твердых соединений, всегда имеют кристаллическую структуру, атомные твердые вещества могут иметь кристаллическую или аморфную структуру. Металлы и ионные соединения кристаллической структуры в обычных условиях аморфных тел не образуют. Главным структурообразующим фактором для полимеров служат ковалентные связи, образующие одно-, двух- или трехмерные остовы – макромолекулярные части структуры полимерного материала с участием структурообразующего ван-дер-ваальсово-го фактора.

В первичной высокотемпературной силикатной магме, содержащей значительное количество газов, атомы кремния легко замещаются на алюминий, образуя алюмосиликаты. И силикатная матрица, и включения в ней содержат вещества преимущественно в полимерной форме, т. е. образуют гетероцепные неорганические полимеры. Поликонденсация гидратированных ионов характерна для Be, Sc, Zr, Hf, Cr, Mo, Co, Ni, Ru, Cu, Ga, In, Sn, Pb, Sb. Оксиды этих металлов являются полимерами. Известны также структурные единицы, отвечающие анионам фосфорной и других кислот в одной цепи (молибденовая H_2MoO_4 , вольфрамовая H_2WO_4 и др.) [11]. К природным полимером относятся также янтарь, глина, тальк, известь.

Для полимеров характерны набухание, большие вязкости растворов и распла-

вов, что способствует образованию гелей кремневой кислоты, гидроксидов алюминия и железа, полимеризации серы и т. д., явно участвующих в эндогенном рудообразовании. Гели образуются при коагуляции и последующей коалесценции (слияние частиц) зелей при понижении температуры, концентрировании или выделении новой дисперсной фазы из пересыщенных растворов. Удалением из гелей жидкой среды получают тонкопористые тела, в которых дисперсная фаза превращается в прочные адгезионные или фазовые (когезионные) пористые структуры. Гели термодинамически неустойчивы. Вследствие синерезиса дисперсная система может самопроизвольно разрушаться, выделять жидкую концентрированную фазу, уплотнять структурную сеть.

В свободном виде четырехвалентный кремний в природе не встречается, чаще он образует двуокись аморфной и кристаллической модификаций. В силикатах кремнекислородные цепочечные группировки связаны в кристаллической решетке посредством крупных катионов, причем главным образом ионными силами. У кристаллических силикатов атомы кислорода располагаются в вершинах правильного Si-тетраэдра. Определенная часть атомов кислорода в силикатах не насыщена валентностями, она может использоваться для связи изолированных анионных группировок в цепочки, ленты, слои и т. д. Кристаллические полимерные тела с регулярной трехмерной структурой макромолекул можно рассматривать как одну гигантскую макромолекулу, все атомы которой связаны ковалентными связями. Жесткий каркас химических связей придает исключительную твердость таким полимерам, как алмаз, бор, корунд, карборунд и т. п., а карбиду бора – исключительную химическую и термическую стойкость.

Неорганические полимеры свойственны элементам III–VI групп верхней части периодической таблицы, не обладающим ярко выраженными свойствами металлов. Внутри групп способность элементов к образованию атомных цепей резко убывает с увеличением номера ряда, галогены же (F,

Cl, Br, J), как и в органических полимерах, обрывают линейные, разветвленные, лестничные и сетчатые (двух- и трёхмерные) цепи. Длинные линейные атомные цепи без боковых групп могут образовывать только элементы VI группы (S, Se, Te), а также углерод, другие элементы этой способности лишены. Большинство минералов земной коры образуют сетчатые (двух- и трёхмерные) полимеры – кристаллы типа алмаза или кварца. В III группе лишь бор склонен к образованию гомоцепных полимеров, а в IV – этим свойством обладают C, Si, Ge, Sn; для углерода известны все три типа полимерных структур. Кремний, германий, олово образуют трехмерные полимерные тела со структурой, аналогичной алмазу. Для них характерен изоморфизм атомов кремния атомами алюминия. К трехмерным алюмосиликатам относятся и цеолиты – переходная разность между органическими и неорганическими полимерами [5; 8; 11]. Черный фосфор, серый мышьяк, серая сурьма и неметаллический висмут – тоже полимеры слоистой структуры.

Главные элементы структуры слоистых алюмосиликатов – кремнекислородный ион SiO_4 и алюмокислородный ион $\text{Al}(\text{O}, \text{OH})_6$ – образуют соответственно тетраэдрические и октаэдрические двумерные сетки. Ввиду близости размеров граней тетраэдрической и октаэдрической сеток они образуют слои из двух, трех, четырех и больше сеток (пакеты), составляющие основу композиционного материала [9].

Разнообразие видов полимеров, их свойств является важной характеристикой материи, которая знаменует путь её преобразования от первичного волнового, газового состояния до плотного барионного вещества. Можно предположить, что первичные органические полимеры образовались в жестких электромагнитных условиях открытого космоса. Интенсивное электромагнитное излучение способствовало формированию в условиях холодного синтеза и комплексных анионных групп, и великого разнообразия минералов, горных пород и воды, свойства которых сравнимы со свойствами полимеров.

Вода – бинарное неорганическое соединение с ковалентной связью атомов водорода и кислорода – также имеет признаки полимеров (Петрянов, 1973). Среди них:

– молекула воды – такой же оксид водорода (гидрид кислорода), как и оксиды металлов в полимерах;

– взаимное расположение положительных и отрицательных зарядов в её молекуле можно представить в виде тетраэдра, аналогичного тетраэдру природных силикатов (рис. 2);

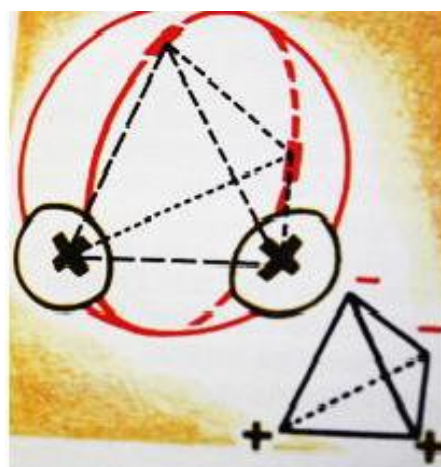

Рис. 2. Тетраэдрическая структура молекул воды. Плюс – водород, минус – кислород (Петрянов, 1973) / Fig. 2. Tetrahedral structure of water molecules. Plus-hydrogen, minus-oxygen (Petryanov, 1973)

– аналогично углероду и кремнию молекула воды соединена четырьмя водородными связями;

– молекулы в талой воде состоят из многих простых молекул-агрегатов, сохраняющих свойства льда, образуя сложные, ассоциированные молекулы, напоминающие полимерные цепи;

– среди преобладающего гексагонального типа льда встречаются разновидности пластинчатой, столбчатой, игольчатой структуры, аналогичные структурам полимеров;

– среди гидридов элементов VI группы (H_2Te , H_2Se , H_2S) аномально высокая температура кипения воды составляет 100°C вместо минус 80°C , что сравнимо со свойством аммиака и фтористого водорода, а

среди гидридов элементов IV группы температура плавления льда составляет $0\text{ }^{\circ}\text{C}$ вместо минус $100\text{ }^{\circ}\text{C}$;

– аналогично полимерам свойства воды изменяются с изменением строения атомов, изотопных соотношений кинетических и ядерных характеристик, расположения электрических зарядов в молекуле;

– лёд – самый прекрасный из всех минералов, как и полимеры, способен течь, прочен, долговечен, имеет шесть разновидностей, отвечающих различным давлениям; самая горячая – шестая разновидность, например, при давлении 3 ГПа плавится при температуре $190\text{ }^{\circ}\text{C}$;

– первые молекулы лёгкой воды в космосе конденсируются на частичках космической пыли при низких температурах, образуя таинственные серебристые облака. Однако тяжелые, радиоактивные и некоторые другие её разновидности образуются в процессе высокотемпературных термоядерных реакций;

– в природе вода представляет сложный раствор вод; вода в воде, образованная из больших ионов H_9O_4^+ и H_7O_4^- ; в присутствии порошка кремнистой кислоты становится сухой и сыпучей.

Известно 48 разновидностей вод, из них 39 – радиоактивных, 9 – стабильно устойчивых. С учетом сверхтяжелых изотопов водорода и возможных изотопов кислорода предполагается 135 типов различных вод. Обычная вода – это смесь различных молекул, неодинаковых по изотопному составу и различными реакциями изотопного обмена (Petryanov, 1973).

Несмотря на глубоко проникающие современные минералогические методы в познании основных свойств минералов и горных пород, их моделирования и синтеза, их полимерные свойства скрывают много слабоизученного, таинственного. Они представляют большой научный интерес в познании минерала как организма в естественной истории и законов, управляющих ростом его внешних форм и внутренней структуры. Это путь совершенствования знаний о только открывающихся генетиче-

ских особенностях этих важнейших образований материальных космических тел и нашей планеты.

Происхождение около 80 простых минералов связывается с дозвёздным и звёздным периодом эволюции материи Вселенной. Около 600 минералов, представленных преимущественно соединениями металлов с «полимерно-активной» серой, являются продуктами термоядерного синтеза звёзд. Многочисленные, разнообразные, широко распространенные минералы на «полимерно-активной» кремнекислородной матрице представлены 13 классами, из которых 8 полимерно ориентированных классов имеют эндогенное происхождение. Около 160 минералов, представленных галоидоводородными кислотами HF, HCl, HBr, HI, встречаются в виде вулканических газов, пегматит-пневматолитовых и гидротермальных (флюорит) образований.

Более 1000 наиболее представительных кремнекислородных полимеров в форме силикатов с ярко выраженным изоморфизмом слагают 90 % массы земной коры. Тетраэдрические сочетания атомов силикатов образуют моносилкаты SiO_2 , сложные кремнекислородные комплексы $[\text{Si}_2\text{O}_7]^{6-}$, $[\text{Si}_3\text{O}_9]^{6-}$, $[\text{Si}_4\text{O}_{12}]^{8-}$, $[\text{Si}_6\text{O}_{18}]$, кремнекислородные цепочки $[\text{SiO}_3]^{2-}$, $[\text{Si}_4\text{O}_{11}]^{6-}$, кремнекислородные листы $\langle \text{Si}_2\text{O}_5 \rangle^{2-}$, $\langle (\text{SiAl})_4\text{O}_{10} \rangle$, кремнекислородные каркасы $\{(\text{SiAl})_n\text{O}_{2n}\}$ (рис. 3). С большими полимеризованными кремнекислородными группами в силикатах энергетически сочетаются крупные по размеру низковалентные катионы, добавочные анионы OH^- , O_2^- , F^- , Cl^- , S^{2-} , комплексные группы $[\text{PO}_4]$, $[\text{SO}_4]$, $[\text{CO}_3]$ и др., а также кристаллизационная и цеолитовая вода. Силикаты являются сырьем для получения Ni, Be, Zr, Cs, Li, Pb, Zn, U, Th и других элементов и полезными ископаемыми в виде асбеста, глин (каолинит, монтмориллонит), слюды (мусковит, флогопит), граната, керамического сырья (полевые шпаты), драгоценных и поделочных камней, полифункционального (цеолиты), оптического (кварц, флюорит) и другого продукта.

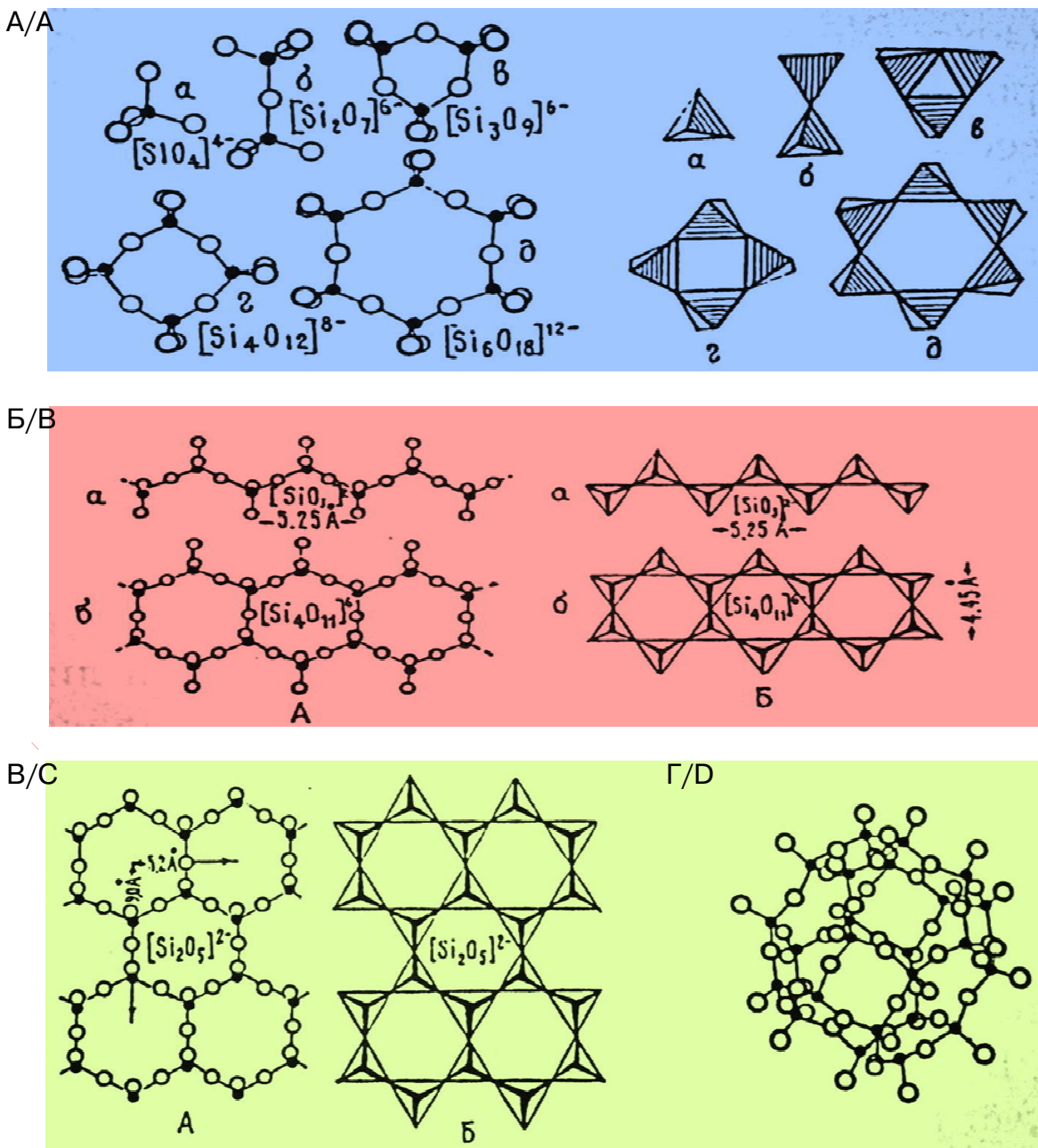

Рис. 3. Структуры силикатов [12] / Fig. 3. Structure of silicates [12]

A. Типы кремнекислородных тетраэдров (в двух изображениях): а – одиночный $[\text{SiO}_4]^{4-}$; б – двойной, связанный вершинами $[\text{Si}_2\text{O}_7]^{6-}$; в – тройной, связанный в кольцо $[\text{Si}_3\text{O}_9]^{6-}$; г – четвертной, связанный в кольцо $[\text{Si}_4\text{O}_{12}]^{8-}$; д – шестерной, связанный в кольцо $[\text{Si}_6\text{O}_{18}]^{12-}$ /
 A. Types of silicon oxygen tetrahedra (in two images): a – single $[\text{SiO}_4]^{4-}$; b – double linked vertices $[\text{Si}_2\text{O}_7]^{6-}$; c – triple associated to rings $[\text{Si}_3\text{O}_9]^{6-}$; d – quarter that is linked to a ring $[\text{Si}_4\text{O}_{12}]^{8-}$, e – gear, bound to the ring $[\text{Si}_6\text{O}_{18}]^{12-}$

Б. Типы цепочек кремнекислородных тетраэдров (в двух изображениях): а – одиночный $[\text{SiO}_3]^{2-}$; б – сдвоенный (лента) $[\text{Si}_4\text{O}_{11}]^{6-}$. Вершины тетраэдров направлены к наблюдателю, утолщены (Б) /
 B. Types of chains of silicon-oxygen tetrahedra (in two images): a – single $[\text{SiO}_3]^{2-}$; b – double (tape) $[\text{Si}_4\text{O}_{11}]^{6-}$. The vertices of the tetrahedra are directed to the observer, thickened (B)

В. Лист кремнекислородных тетраэдров / C. List of silica oxide tetrahedras

Г. Алюмокремнекислородный каркас / D. Alumosilicic oxygen frame

Выводы. 1. Полимеры являются ещё одним эволюционным свойством самовозбуждающейся материи, способным обеспечивать химические реакции поликонденсации и полимеризации, в результате которых атомы, исходные мономеры перестраиваются, преобразуются, наращиваются в сложные гигантские цепочки, формируя новое вещество с оригинальными физико-химическими свойствами.

2. Способность полимеров формировать аморфную (термопластичную) или кристаллическую (терморективную) структуру определяется термодинамической обстановкой.

3. В холодных (около 3 К) войдах открытого космоса в условиях низкого давления (около 10^{-29} г/см³) и господства электромагнитного излучения, выступающего, вероятно, в качестве катализатора, в безмерных водородных облаках лёгкие химические элементы образуют первичные органические полимеры. Сложные процессы медленного преобразования этих полимеров привели к формированию некоторого объёма полимеров в виде плотного аморфного вещества, которое активно уча-

ствовало в процессах аккреции при формировании и эволюции галактик, звёзд и планет.

4. Кристаллические неорганические полимеры, синтезированные в земной коре, представлены высокотемпературными полимерами, образованными при существенно большем давлении. Это относительно молодые полимеры нескольких поколений. Первоначально под воздействием жёсткого электромагнитного и радиоактивного излучения полимеры формировались в облаках шаровых звездных скоплений и в рассеянных скоплениях спиральных ветвей нашей Галактики, затем под воздействием эндогенного тепла ядра Земли в её мантии и преобразовывались, совершенствуясь, в процессах образования земной коры.

5. Длительный и сложнейший путь формирования и преобразования полимеров в процессе термодинамической эволюции Земли прямо проявляется в генетических особенностях формирования самой планеты и эндогенного оруденения. Расшифровка этих особенностей составляет перспективную научно-практическую проблему.

Список литературы

1. Вселенная [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 18.12.2017).
2. Белоусов В. В. Основные вопросы геотектоники. М.: Госгеолтехиздат, 1962. 608 с.
3. Лазаренко Е. К. Курс минералогии [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.studmed.ru/lazarenko-ek-kurs-mineralogii_a63fc2bc042.html (дата обращения: 28.12.2017).
4. Лазаренко Е. К. Опыт генетической классификации минералов. Киев: Наукова думка, 1979. 315 с.
5. Неорганические полимеры [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.dic.academic.ru/dic.nsf/enc_chemistry/2894 (дата обращения: 18.11.2017).
6. Неорганические полимеры [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.megabook.ru/article/> (дата обращения: 25.01.2018).
7. Новые неорганические полимеры – искусственные амфиболы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.fs.nashaucheba.ru/docs/2151/index-3688822.html> (дата обращения 17.01.2018).
8. Павленко Ю. В. Особенности формирования Вселенной // Вестник Забайкальского регионального отделения РАЕН. 2016. С. 20–24.
9. Полимер-силикатные композиты [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.chemiema-nia.ru/chemies-8438-1.html> (дата обращения: 12.01.2018).
10. Происхождение воды на планете [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 22.12.2017).
11. Семчиков Ю. Д. Неорганические полимеры [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pereplet.ru/obrazovanie/stsoros/183.html> (дата обращения: 14.01.2018).
12. Трубочёв А. И., Ожогина Е. Г. Основы кристаллографии, минералогии и петрографии. Чита: ЗабГУ, 2015. 260 с.
13. Mathias Lon J., Tarkin-Tas E., Lange C. A. Hydrogen-bonded supramolecular polymers from derivatives of α -amino- ϵ -caprolactam: a bio-based material // Journal of Polymer Science. 2011. No. 49. P. 2451–2460.

14. Mathias Lon J., Kaya E., Tarkin-Tas E., Osborn S., Ayotte R., Manning S. Preparation, characterization and copolymerization of the 12-membered cyclic diamide 1,6-diazacyclododecane-2,5-dione // *Journal of Polymer Science*. 2014. No. 52. P. 96–103.
15. Morris P. J. T. *Polymer pioneers: a popular history of the science and technology of large molecules*. Chemical Heritage Foundation, 2005. 88 p.
16. Strobl G. R. *The physics of polymers*. 3rd ed. Springer, 2007. 518 p.

References

1. *Vselennaya* (The Universe). Available at: <http://www.ru.wikipedia.org/wiki> (Date of access: 18.12.2017).
2. Belousov V. V. *Osnovnye voprosy geotektoniki* (The main issues of geotectonics). Moscow: Gogolotekh iz-dat, 1962. 608 p.
3. Lazarenko E. K. *Kurs mineralogii* (The course of Mineralogy). Available at: http://www.studmed.ru/lazarenko-ek-kurs-mineralogii_a63fc2bc042.html (Date of access: 28.12.2017).
4. Lazarenko E. K. *Opyt geneticheskoy klassifikatsii mineralov* (Experience of genetic classification of minerals). Kiev: Naukova Dumka, 1979. 315 p.
5. *Neorganicheskie polimery* (Inorganic polymers). Available at: http://www.dic.academic.ru/dic.nsf/enc_chemistry/2894 (Date of access: 18.11.2017).
6. *Neorganicheskie polimery* (Inorganic polymers) Available at: <http://www.megabook.ru/article/> (Date of access: 25.12.2018).
7. *Novye neorganicheskie polimery – iskusstvennye amfiboly* (New inorganic polymers - artificial amphiboles). Available at: <http://www.fs.nashaucheba.ru/docs/2151/index-3688822.html> (Date of access: 17.01.2018).
8. Pavlenko Yu. V. *Vestnik Zabaykalskogo regionalnogo otdeleniya RAEN* (Bulletin of the Zabaikalsky Regional Branch of the Russian Academy of Natural Sciences), 2016, pp. 20–24.
9. *Polimer-silikatnye kompozity* (Polymer-silicate composites). Available at: <http://www.chemieman.ru/chemies-8438-1.html> (Date of access: 12.01.2018).
10. *Proiskhozhdenie vody na planete* (Origin of water on the planet). Available at: <https://www.ru.wikipedia.org/wiki> (Date of access: 22.12.2017).
11. Semchikov Yu. D. *Neorganicheskie polimery* (Inorganic polymers). Available at: <http://www.pereplet.ru/obrazovanie/stsoros/183.html> (Date of access: 14.01.2018).
12. Trubachev A. I., Ozhogina Ye. G. *Osnovy kristallografii, mineralogii i petrografii* (Fundamentals of crystallography, mineralogy and petrography). Chita: ZabGU, 2015. 260 p.
13. Mathias Lon J., Tarkin-Tas E., Lange C. A. *Journal of Polymer Science* [Journal of Polymer Science], 2011, no. 49, pp. 2451–2460.
14. Mathias Lon J., Kaya E., Tarkin-Tas E., Osborn S., Ayotte R., Manning S. *Journal of Polymer Science* (Journal of Polymer Science), 2014, no. 52, pp. 96–103.
15. Morris P. J. T. *Polymer pioneers: a popular history of the science and technology of large molecules* [Polymer pioneers: a popular history of the science and technology of large molecules]. Chemical Heritage Foundation, 2005. 88 p.
16. Strobl G. R. *The physics of polymers*. 3rd ed. [The physics of polymers. 3rd ed.]. Springer, 2007. 518 p.

Коротко об авторе

Briefly about the author

Павленко Юрий Васильевич, д-р геол.-минер. наук, профессор, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия. Область научных интересов: мелко-среднемасштабное геологическое картирование, прогнозирование, поиски, разведка месторождений
pavurva@mail.ru

Yuriy Pavlenko, doctor of geological mineralogical sciences, professor, Transbaikal State University, Chita, Russia. Sphere of scientific interests: small-medium-scale geological mapping, forecasting, prospecting, exploration of deposits

Образец цитирования

Павленко Ю. В. *Природные полимеры: новая парадигма эволюции Земли* // *Вестн. Забайкал. гос. ун-та*. 2018. Т. 24. № 2. С. 15–25. DOI: 10.21209/2227-9245-2018-24-3-15-25.

Pavlenko Y. *Natural polymers: a new paradigm of the Earth evolution* // *Transbaikal State University Journal*, 2018, vol. 24, no. 2, pp. 15–25. DOI: 10.21209/2227-9245-2018-24-3-15-25.

Статья поступила в редакцию: 06.03.2018 г.
Статья принята к публикации: 18.03.2018 г.

УДК 504.062.2(630*182.21)

DOI: 10.21209/2227-9245-2018-24-3-26-31

МЕТОДИКА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ГЕМЕРОБНОСТИ ОЗЕЛЕНЕННЫХ ТЕРРИТОРИЙ

METHOD OF DETERMINING THE HEMERABILITY OF GREEN AREAS

*О. Е. Соколова,
Иркутский
государственный
университет,
г. Иркутск
sokolovvna@mail.ru*

*O. Sokolova,
Irkutsk State University,
Irkutsk*

*Е. В. Потапова,
Иркутский
государственный
университет,
г. Иркутск
e.v.potapova.isu@mail.ru*

*E. Potapova,
Irkutsk State University,
Irkutsk*

Отмечено, что озеленённые территории являются обязательной и необходимой составляющей поселений, они выполняют практически весь спектр экосистемных услуг. Для полноценного функционирования их содержание должно поддерживать высокий уровень жизнеспособности. Обеспечить оптимизацию устойчивого развития урбанизированных территорий в целом и их составных частей можно при наличии полноценных актуальных сведений о их структуре и состоянии. В результате анализа полевого материала 2530 озеленённых территорий нескольких городов России, собранного в 2015-2016 гг., авторами разработана методика определения уровня антропогенной трансформации в виде матрицы оценки состояния. Матрица состоит из 27 показателей, ранжированных по шести классам гемеробности и уровням геоэкологической напряжённости. Среди показателей можно отметить задернованность почвы, сомкнутость крон деревьев, высоту травянистого покрова, состояние подроста, мохово-лишайниковый покров, толщину подстилки, вытоптанность, одновременную рекреационную нагрузку, наезды автомобилей и др. Выбирая из представленного по итоговой сумме баллов, соответствующих классу состояния, получим класс гемеробности территории. Результаты расчета для 2530 озеленённых территорий показали, что 38,3 % относится к четвёртому классу гемеробности (критическое состояние), 32,4 % – к пятому классу (кризисное состояние), нулевой класс (нормальное состояние) от общего числа исследуемых озеленённых территорий составляет всего 0,5 %, всего 13 объектов, представленных рощами, участками водоохраных зон и пустырями. Хуже всего (3...5 класс) отмечено состояние для площадок по сбору мусора и санитарно-защитных зон

Ключевые слова: оценка состояния; антропогенное воздействие; класс; гемеробность; озеленённые территории; геоэкологическая напряжённость; методика; показатели

It is noted that the green territories are an obligatory and necessary component of settlements, they carry out practically all range of ecosystem services. Functioning requires their contents at the high level of viability. It is possible to provide optimization of sustainable development of the urbanized territories in general and their components in the presence of full urgent data on their structure and a state. According to the analysis of the field material, gathered in 2015-2016 by authors, 2530 of some cities of Russia, which constitute the green territory, the technique of anthropogenous transformation level determination in the form of a state assessment matrix is developed. The matrix consists of 27 indicators ranged on 6 hemerability classes and levels of geoecological tension. Among indicators it is possible to note soil turfiness, crowns' density, grassy cover height, subgrowth condition, moss and lichen cover, laying thickness, trampled, single recreational loading, arrivals of cars, etc. Choosing from presented, on a total amount of the points corresponding to a state class, the authors have received a territory hemerability class. The results of calculation for 2530 of the planted trees and shrubs territories have showed that 38,3 % belong to the fourth hemerability class (critical state), 32,4 % belong to the fifth class (a crisis state). Zero class (normal state) from total number of the explored planted trees and shrubs territories makes only 0,5 %, only 13 objects presented by groves, sites of the water protection zones and waste grounds. The state 3–5 class for platforms on collecting garbage and sanitary protection zones is noted

Key words: state assessment; anthropogenous influence; class; hemerability; gardened territories; geoecological tension; methodology; indicators

Введение. Крупные поселения, мегаполисы, в которых проживает более половины человечества, отличаются качеством среды, не соответствующим не только санитарным нормам, но и безопасности для жизни. Смог, замусоренность, аварии окружают жителей крупных поселений. Согласно докладу ООН «Распределение населения, урбанизация, внутренняя миграция и развитие», Россия входит в список 25 наиболее урбанизированных стран мира, занимая в нем шестое место [8]. Насаждения озеленённых территорий, которые должны минимизировать часть негативных факторов и улучшать многие характеристики качества среды, повреждаются, уничтожаются, страдают от заболеваний и переэксплуатации. Учёные разрабатывают методы исследования и классификации местообитаний, в том числе человеческих, с точки зрения степени измененности среды, её деградации — степени гемеробии [7; 9].

Гемеробность (от греч. *hemeros* — «ручной, культивируемый» и *bios* — «жизнь») — интегральный показатель результата суммарного воздействия человека на экосистему [1]. Ранее гемеробность определялась в зависимости от видов растений, произрастающих на анализируемой территории, которые подразделялись на агемеробные (неустойчивые к воздействию антропогенных факторов), олигогемеробные (малоустойчивые), мезогемеробные (среднеустойчивые) и эугемеробные (устойчивые). Это понятие используется в том числе для ранжирования состояния экосистем по интенсивности, продолжительности и диапазону антропогенных воздействий. В соответствии с классификацией Д. Яласа и Г. Зукотта, степень гемеробности экосистемы может быть оценена в процентах по площади, лишенной растительного покрова: естественные (антропогенное влияние не проявляется; оголенность почвы менее 50 %), метагемеробные (полностью урбанизированные территории, застройка, асфальтированные дороги) [10].

Методика исследования. По данным полевых обследований, более 2500 озеленённых территорий городов Иркутска, Ан-

гарска, Москвы, Владимира, Калининграда и проверки гипотез в нескольких других городах России на более 1000 озеленённых территориях авторами разработана матрица оценки класса гемеробности в ряду антропогенной трансформации. Матрица состоит из 27 показателей (бланк расчёта — три страницы А4, альбомный формат), ранжированных по шести классам гемеробности и уровням геоэкологической напряжённости. Например, задернованность почвы для нулевого класса должна быть «более 80 %», для первого класса — «50...80 %», для второго — «30...50 %», для третьего — «10–30 %», для четвертого — «менее 10 %», для пятого — «практически отсутствует» (табл. 1). Среди других показателей можно отметить сомкнутость крон деревьев, высоту травянистого покрова, состояние подроста, мохово-лишайниковый покров, толщину подстилки, наезды автомобилей и др. Выбирая соответствующий показатель из представленного в строке, получаем цифру, соответствующую номеру столбца — класс гемеробности, все выделенные показатели по классам суммируем и по итоговой сумме баллов (в сравнении с интегральным коэффициентом) получаем класс гемеробности территории, который можно привести к категории геоэкологической напряжённости: геоэкологическая норма при показателях — 0 и 1, геоэкологический риск — при 2 и 3, кризис — 4 и геоэкологическое бедствие — 5.

При анализе такой матрицы отмечают непосредственные значения признаков, которые характеризуют систему, и какие из них можно заменить, восстановить или планировать для изменения и возможного уменьшения класса гемеробности.

Результаты исследования. Типизация озеленённых территорий соответствует ГОСТ 28329-89. «Озеленение городов. Термины и определения» и дополнена авторами. Озеленённые территории классифицируются на категорию общего пользования (1...3), ограниченного пользования (4...7), специального назначения (8...10), четвёртая категория — резервные территории (11, 12) — предложена авторами, а также типы 4 и 11 (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Матрица для расчёта ранга преобразования территории (представлена часть матрицы, 10 показателей из 27) / Matrix for calculating of a rank of territory's transformation

Показатели системы / Indexes of system	Класс гемеробности / Class of hemerability					
	0	1	2	3	4	5
Количество ярусов / Number of tiers	Более 5 / More than 5	4-5	3-4	2-3	1	Практически не образуется / Practically not formed
Сомкнутость древесного полога / Density of tree canopy	Более 0,9 / More than 0,9	0,8-0,9	0,5-0,7	0,3-0,4	0,2 редко стоящие / 0,2 rarely standing	Единично стоящие / Single standing
Кустарники / Bushes	Образуют ярус / Form a layer of	Сомкнутость около 0,5 / Density about 0,5	Редко / Rarely	Единично / Single	Нет 2 / No 2	Нет / No
Высота травостоя, см / Height of grass, cm	Выше 100 / Above 100	50-100	30-50	10-30	Около 15 / About 15	До 10 / Up to 10
Проективное покрытие травостоя, % / Projective cover of grass, %	До 100 / Up to 100	Не менее 80 / Not less than 80	Больше 50 / More than 50	40-50	10-40	До 10 / Up to 10
Задернованность почвы, % / Soil turf, %	Более 80 / More than 80	50-80	30-50	10-30	Менее 10 / Less than 10	Единично / Single
Наезды автомобилей / Car collisions	Нет / No	Нет, но возможно / No, but possible	У края / At the edge	Не только у края, но и по участку / Not only at the edge, but also on the site	Проезды образуют колеи / Driveways form tracks	По всей территории / On all territory
Замусоренность / Littering, %	Нет / No	До 5 / Up to 5	До 10 / Up to 10	До 15 / Up to 15	Более 15 / More than 15	Более 20 / More than 20
Вытоптанность, % площади / Trampled area, %	До 5 / Up to 5	6-15	16-30	31-50	51 – 70	Более 70 / More than 70
Рекреационная нагрузка, чел/ч / Recreational load, person / hour	Нет / No	1-2	3-5	6-20	21–50	Более 50 / More than 50
...						
Сумма баллов при анализе / Total score of the analysis						
Интегральный коэффициент / Integral factor	32	63	94	125	156	186
Категория состояния / Status category	Нормальное, естественное / Normal, natural	Удовлетворительное / Satisfactory	Напряжённое / Tense	Критическое / Critical	Кризисное / Crisis	Катастрофическое / Catastrophic

Таблица 2 / Table 2

Результаты оценки 2530 озеленённых территорий / Results of 2530 green areas assessment

Тип озеленённой территории (шт.) / Type of green area (PCs.)	Класс гемеробности / Class of hemerability					
	0	1	2	3	4	5
	шт. / PCs. / %	шт. / PCs. / %	шт. / PCs. / %	шт. / PCs. / %	шт. / PCs. / %	шт. / PCs. / %
1. Парки / Parks (100)	0/0	20/0,8	30/1,2 ¹	26/1	17/0,7	5/0,2
2. Скверы, рощи / Squares, groves (200)	5/0,2	24/0,9	33/1,3	45/1,8	69/2,7	24/0,9
3. Бульвары / Boulevards (30)	0/0	0/0	3/1,1	5/0,2	9/0,4	13/0,5
4. При административных объектах / At administrative facilities (150)	0/0	0/0	9/0,4	31/1,2	68/2,7	42/1,7
5. При образовательных учреждениях / At educational institutions (250)	0/0	2/0,08	16/0,6	69/2,7	111/4,4	52/2
6. При учреждениях здравоохранения / At health institutions (200)	0/0	3/0,1	11/0,4	41/1,6	91/3,6	54/2,1
7. При жилой застройке / At residential development (550)	0/0	1/0,04	4/0,2	167/6,6	233/9,2	145/5,7
8. Санитарно-защитные зоны / Sanitary-protective zone (150)	0/0	0/0	0/0	8/0,3	51/2	92/3,6
9. Участки водоохранных зон / Areas of water protection zones (250)	6/0,2	2/0,08	16/0,6	71/2,8	101/4	54/2,1
10. Участки при автодорогах / Areas near the roads (400)	0/0	0/0	4/0,2	23/0,9	157/6,2	216/8,5
11. Пустыри / Deserts (150)	2/0,08	9/0,4	18/0,7	35/1,4	50/2	36/1,4
12. Площадки для сбора мусора / Waste collection sites (100)	0/0	0/0	0/0	0/0	13/0,5	87/3,4
Итого / Subtotal (2530)	13/0,5	61/2,4	144/5,7	521/20,6	970/38,3	820/32,4

Примечание: ¹ – курсивом отмечены наибольшие показатели для типа озеленённой территории / Note: ¹ – italicized the highest indicators for the type of green area.

Результаты расчёта класса гемеробности могут использоваться для определения экологической ёмкости, потенциала озеленённой территории и, как следствие, условной цены восстановления [2]. Приведение к уровню геоэкологической напряжённости может иметь значение при сопоставлении результатов для различных исследований [5].

Единого мнения относительно определения термина «ёмкость территории» нет. Понятие ёмкости территории, или потенциальной ёмкости, а также несущей способности обычно характеризует минимальные показатели, при которых возможно восстановление системы, количества особей организмов какого-либо вида, которые мо-

гут устойчиво существовать неопределенно долгое время [6; 9; 10]. Города и поселения характеризуются низкой экологической ёмкостью, т.к. априори все компоненты окружающей среды не просто изменены, а перегружены, но и они имеют свой запас прочности, обеспеченный длительным эволюционным этапом.

Состояние территорий и анализ литературных источников позволяют отнести выделенные классы гемеробности к категориям, применяемым в экологии, географии и других науках, для классификации территорий по состоянию их нарушенности, измененности: 1 – естественный, характеризуется условно не изменённым состояни-

ем, близким к естественным экосистемам; 2 – удовлетворительный; 3 – напряжённый; 4 – критический; 5 – кризисный; 6 – катастрофический [10].

Критическое состояние скверов и роц объясняется их обычной запущенностью, несанкционированным размещением мусора, отсутствием своевременного ухода и возобновления насаждений. Катастрофическая ситуация на большинстве бульваров и критическая для насаждений при административных объектах определяется тем, что за последние 15 лет в исследованных городах насаждения на этих озеленённых территориях практически полностью уничтожены, а участки заасфальтированы или застроены. Уничтожение насаждений и превращение озеленённых территорий либо в переуплотнённый, выкатанный до минерального слоя участок или имеющий искусственное покрытие характерно для озеленённых территорий в границах отво-

да автомобильных дорог, санитарно-защитных зон и на участках при жилой застройке (табл. 2). Из двенадцати типов представленных территорий катастрофическое состояние характерно для четырёх, а естественное – ни для одного типа.

Выводы. По результатам расчета матрицы оценки класса гемеробности в рядах антропогенной трансформации для 2530 озеленённых территорий 38,3 % относится к четвертому классу гемеробности и характеризуется высокой степенью геоэкологической напряжённости, что, безусловно, сказывается на их способности предоставлять экосистемные услуги; 32,4 % относится к пятому классу – находящиеся в кризисном состоянии, нулевой класс от общего числа исследуемых озеленённых территорий составляет всего 0,5 %, или 13 объектов. Хуже всего (3...5-й класс) отмечено состояние для площадок по сбору мусора и санитарно-защитных зон.

Список литературы

1. Антипина Г. С. Структура и динамика флористических комплексов урбанизированных экосистем Восточной Фенноскандии: автореф. дис. ... д-ра биол. наук: 03.00.16. Петрозаводск, 2003. 44 с.
2. Артемова С. Н. Оценка использования и экологического состояния городских ландшафтов (на примере города Пенза): автореф. дис. ... канд. геогр. наук: 11.00.11. М., 1997. 26 с.
3. Доклад конференции ООН по населённым пунктам (Хабитат-II) (Нью-Йорк, 17-18 сент. 2014 г.) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.unhabitat.org/wp-content/uploads/2014/07/Progress-to-date-outcome-Habitat-II-RUSSIAN1> (дата обращения: 20.11.2017).
4. Комплексная геоэкологическая оценка территорий. М.: ИГЭ РАН, 1997. 67 с.
5. Родман Б. Б. Поляризация ландшафта как средство сохранения биосферы и рекреационных ресурсов. М.: Наука, 1974. С. 150–162.
6. Смольянинов В. М. Научные основы комплексной региональной оценки антропогенного воздействия на земельные и водные ресурсы: автореф. дис. ... д-ра геогр. наук: 11.00.11. М., 1995. 45 с.
7. Щербатюк А. П. Зависимости развития опасных техноприродных процессов в условиях сложного ландшафта: оценка опасности и риска // Вестник Забайкал. гос. ун-та. 2016. Т. 22, № 5. С. 32–38.
8. Bos E. H., van der Meulen L., Wichers M., Jeronimus B. F. Pale yellow reduction of the way effects of age and paul in association between the green zone and mental health [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.mdpi.com> mode (дата обращения: 29.11.2017).
9. Bertiniya M. A., Rufinob R. R., Fushiteb A. T., Limak M. Public green areas and city ecological quality cities of San Carlos, São Paulo, Brazil [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.scielo.br/scielo.phpscript> (дата обращения: 02.12.2017).
10. Urban Parks/Institut of the University of California, Los Angeles of the Environment and Stability [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.ioes.ucla.edu/project> (дата обращения: 01.11.2017).

References

1. Antipina G. S. *Struktura i dinamika florigicheskikh kompleksov urbanizirovannykh ekosistem Vostochnoy Fennoskandii: avtoref. dis. ... d-ra biol. nauk: 03.00.16* (The structure and dynamics of floristic complexes of urbanized ecosystems of Eastern Fennoscandia: abstract. dis. ... dr. biol. sciences: 03.00.16). Petrozavodsk, 2003. 44 p.

2. Artemova S. N. *Otsenka ispolzovaniya i ekologicheskogo sostoyaniya gorodskih landshaftov (na primere goroda Penza): avtoref. dis. ... kand. geogr. nauk: 11.00.11* (Evaluation of use and ecological state of urban landscapes (on the example of the city of Penza): abstract. dis. ... cand. geogr. sciences: 11.00.11). Moscow, 1997. 26 pp.
3. *Doklad konferentsii OON po naseленным пунктам (Habitat-II) (Nyu-York, 17-18 sent. 2014 g.)* (Report of the United Nations Conference on Human Settlements (Habitat II) (New York, 17-18 September 2014)). Available at: <http://www.unhabitat.org/wp-content/uploads/2014/07/Progress-to-date-outcome-Habitat-II-RUSSIANS> (Date of access: 20.12.2017).
4. *Kompleksnaya geoehtologicheskaya otsenka territoriy* (Integrated geo-ecological assessment of territories). Moscow: IGE RAS, 1997. 67 p.
5. Rodoman B. B. *Polyarizatsiya landshafta kak sredstvo sohraneniya bio sfery i rekreatsionnyh resursov* (Polarization of the landscape as means of preserving the biosphere and recreational resources). Moscow: Nauka, 1974. P. 150–162.
6. Smolyaninov V. M. *Nauchnye osnovy kompleksnoy regionalnoy otsenki antropogennogo vozdeystviya na zemelnye i vodnye resursy: avtoref. dis. ... d-ra geogr. nauk: 11.00.11* (Scientific foundations of an integrated regional assessment of anthropogenic impact on land and water resources: Abstract of dis. ... dr. geogr. sciences: 11.00.11). Moscow, 1995. 45 p.
7. Scherbatyuk A. P. *Vestnik Zabaykal. gos. un-ta.* (Transbaikal State University Journal), 2016, vol. 22, no. 5, pp. 32–38.
8. Bos E. H., van der Meulen L., Wichers M., Jeronimus, B. F. *Pale yellow reduction of the way effects of age and paul in association between the green zone and mental health* [Pale, yellow in the association of the green zone and mental health]. Available at: <http://www.mdpi.com> mode (Date of access: 29.11.2017).
9. Bertiniya M. A., Rufinob R. R., Fushiteb A. T., Limak M. *Public health areas and city of San Carlos, São Paulo, Brazil* [Public health areas and city of San Carlos, São Paulo, Brazil]. Available at: <http://www.scielo.br/scielo.phpscript> (Date of access: 02.12.2017).
10. *Urban Parks / Institut of the University of California, Los Angeles of the Environment and Stability* [Urban Parks / Institut of the University of California, Los Angeles of the Environment and Stability]. Available at: <http://www.ioes.ucla.edu/project> (Date of access: 01.11.2017).

Коротко об авторах

Соколова Оксана Евгеньевна, аспирант кафедры гидрологии и природопользования, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия. Область научных интересов: анализ состояния озеленённых территорий с целью устойчивого развития поселений
sokolovvana@mail.ru

Потапова Елена Владимировна, д-р с.-х. наук, канд. биол. наук, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия. Область научных интересов: озеленённые территории поселений; биологическое разнообразие и устойчивое развитие урбоценозов
e.v.potapova.isu@mail.ru

Briefly about the authors

Oksana Sokolova, postgraduate, Hydrology and Environmental Management department, Irkutsk State University, Irkutsk, Russia. Sphere of scientific interests: analysis of the planted trees and shrubs territories' condition of the cities with a sustainable development goal

Elena Potapova, doctor of agricultural sciences, candidate of biological sciences, Irkutsk State University, Irkutsk, Russia. Sphere of scientific interests: greenery of settlements; biological diversity and sustainable development of open space

Образец цитирования

Соколова О. Е., Потапова Е. В. Методика определения гемеробности озеленённых территорий // Вестн. Забайкал. гос. ун-та. 2018. Т. 24. № 3. С. 26–31. DOI: 10.21209/2227-9245-2018-24-3-26-31.

Sokolova O., Potapova E. Method of determining the hemerability of green areas // Transbaikal State University Journal, 2018, vol. 24, no. 3, pp. 26–31. DOI: 10.21209/2227-9245-2018-24-3-26-31.

Статья поступила в редакцию: 06.03.2018 г.
Статья принята к публикации: 15.03.2018 г.

ОТНОШЕНИЕ МОЛОДЕЖИ РОССИИ К ОБРАЗОВАНИЮ И НАУКЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

THE ATTITUDE OF RUSSIAN YOUTH TO EDUCATION AND SCIENCE AT THE PRESENT STAGE

*Н. А. Барышная,
Балаковский филиал
Российской академии
народного хозяйства и
государственной службы
при Президенте Российской
Федерации, г. Балаково
socis64@gmail.com*

*N. Baryshnaya,
Balakovo branch of the Russian
Academy of National Economy
and Public Service under
the President of the Russian
Federation, Balakovo*

*Н. А. Самохвалов,
Балаковский филиал
Российской академии
народного хозяйства и
государственной службы при
Президенте Российской
Федерации, г. Балаково
nikolai-samokhvalov@yandex.ru*

*N. Samokhvalov,
Balakovo branch of the Russian
Academy of National Economy
and Public Service under
the President of the Russian
Federation, Balakovo*

Статья посвящена анализу отношения российской молодежи к науке и образованию и ее представлений о социальной роли указанных категорий в России. Рассмотрена современная система науки и образования как составное звено государственной молодежной политики Российской Федерации. В контексте сказанного представлены суждения респондентов относительно влияния образования и науки на различные стороны государственно-общественной жизни, а также степень понимания последствий научно-технического прогресса для Российской Федерации на современном этапе. Дан сравнительный анализ мнения молодежи, как особой социально-демографической группы населения, и представителей иных социально-демографических групп Российской Федерации в целом, фиксируются основные различия в социальных установках и ориентирах представителей молодого поколения из разных стран. Отмечено, что наука и образование являются одним из важнейших структурных элементов государственной молодежной политики Российской Федерации, а также выступают в качестве базовой движущей силы в процессе становления будущих квалифицированных и конкурентоспособных специалистов на рынке труда из обучающихся и студентов

Ключевые слова: государство; государственная молодежная политика; молодежь; система; образование; наука; научно-педагогические работники; установки; ценностные ориентиры

The article is devoted to the analysis of the attitude of Russian youth to science and education and its ideas about the social role of these categories in Russia. The authors of the article particularly focus on the consideration of the modern system of science and education as an integral part of the state youth policy of the Russian Federation at the present stage. In the context of this, the author considers the opinions on the impact of education and science on various aspects of public life, as well as the degree of understanding of the consequences of scientific and technological progress for the Russian Federation at the present stage. A comparative analysis of the opinion of young people as a special socio-demographic group and representatives of other socio-demographic groups of the Russian Federation as a whole is carried out, the main differences in social attitudes and guidelines of young people from different countries are recorded. In addition, according to the results of the study, science and education are one of the most important structural elements of the state youth policy of the Russian Federation, and also act as the basic driving force in the process of formation of future qualified and competitive specialists in the labor market from students and students

Key words: state; state youth policy; youth; system; education; science; scientific and pedagogical workers; attitudes; value guidelines

Введение. Государственная молодежная политика представляет собой многомерную структуру многих элементов, эффективная реализация которых имеет первостепенное значение для основного актора молодежной политики — молодежи России, и, как следствие, выступает основной задачей органов государственной власти федерального и регионального уровней, а также органов местного самоуправления. Как нам представляется, одним из важнейших структурных элементов государственной молодежной политики РФ выступает эффективная система образования молодежи и научный потенциал молодых граждан Российской Федерации. Указанные обстоятельства в значительной степени актуализируют необходимость анализа отношения современной молодежи в России к науке и образованию в целом.

Следует согласиться с мнением Ю. А. Зубок, В. И. Чупрова, что специфика образования как феномена социальной реальности связана, с одной стороны, с его особой ролью в духовном производстве, а с другой — с его функцией «социального лифта», обеспечивающей восходящую мобильность в обществе. Производство как научного, так и обыденного знания способствует расширению возможностей познания социальной реальности, а обеспечение восходящей мобильности — качественному изменению социальных взаимодействий людей [4. С. 104].

Наиболее приемлемой представляется точка зрения, в соответствии с которой в современном мире решающую роль в развитии общества приобретают знания; точнее, не сами знания, а люди, которые ими обладают, количество и качество квалифицированных специалистов. Увеличить в нужный момент число специалистов и уровень их квалификации невозможно каким-либо решением, постановлением, проявлением некой воли. Многочисленные примеры свидетельствуют, что при отсутствии соответствующей мотивации внедрение чего-либо «сверху» может быть обречено на провал. Поэтому образовательные ориентации самой молодежи приобретают огромное значение [6. С. 7].

В контексте сказанного согласимся с мнением М. Б. Булановой, которая отмечает, что «при сохранении общей установки молодежи на получение образования в современных условиях растет осознание этой группой того, что выбранная специальность и качество получаемого по ней образования не являются гарантиями успешного трудоустройства, что жизненный успех личности не всегда определяется уровнем полученного образования. Отсюда можно зафиксировать и тот факт, что в российском обществе меняется восприятие образования как эффективного стратегического ресурса адаптации и социальной мобильности личности» [2. С. 57].

Вопросам комплексного изучения государственной молодежной политики Российской Федерации посвящено достаточное количество исследований в области политолого-социологического знания. Особое внимание изучению категорий «молодежная политика» и «молодежь» уделяли А. А. Зеленин [3], И. М. Ильинский [5], В. Т. Лисовский [7], Н. Л. Смакотина [12] и др.

Однако анализу отдельных компонентов государственной молодежной политики, в частности, образованию и науке, уделено недостаточное внимание со стороны представителей научно-экспертного сообщества. При этом следует отметить, что сферы образования и науки в своей совокупности позволяют молодежи реализовать свой научно-творческий потенциал, которым молодые люди обладают в силу специфики данной социально-демографической группы. Указанные сферы являются неотъемлемым элементом в формировании будущих конкурентоспособных специалистов на современном рынке труда.

Данные обстоятельства в значительной степени актуализируют необходимость детального исследования отношения современного молодого поколения к науке и образованию Российской Федерации.

Методология и методика исследования. В основу исследования положены результаты мониторинга экономики образования, который реализуется Национальным исследовательским университетом

«Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) под эгидой Министерства образования и науки Российской Федерации с 2002 г. За более чем пятнадцатилетний период проведен не один десяток социологических исследований в сфере образования и науки. В частности, одним из последних и наиболее комплексных исследований отношения современной молодежи к образованию и науки стал аналитический доклад, подготовленный Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» на тему «Российская молодежь: образование и наука».

Результаты исследования и область их применения. Проанализируем полученные данные и определим основные аспекты в рамках отношения молодежи к образованию и науке.

Несмотря на достаточно устоявшийся в обществе стереотип о нейтральном отношении современной молодежи к образованию и науке, отметим, что его следует признать ошибочным. Данная точка зрения подтверждается и результатами, полученными в ходе исследования. Так, 72 % респондентов в возрасте до 34 лет считают, что в целом от науки больше пользы, чем вреда [11. С. 20]. При этом молодежь оказывается более лояльной к науке, чем население России в целом, – среди всех опрошенных в пользу науки уверены 67 %. Молодые люди чаще выражают безусловную поддержку развитию науки и технологий (25 против 18 % среди всего населения страны).

Лояльное отношение молодых россиян к науке выражается и в оценке конкретных примеров ее воздействия на различные стороны жизни. Здесь молодые люди также проявляют более позитивные установки, чем население страны в целом. В частности:

– 91 % опрошенных полагает, что развитие науки положительно влияет на уровень жизни (среди населения в целом – 86 %);

– три четверти респондентов (74 %) убеждены в том, что она несет положительные эффекты для здоровья людей (66 %);

– 43 % согласны, что наука оказывает позитивное влияние на окружающую среду (34 % среди населения в целом) [1. С. 10].

Международные сопоставления позволяют выявить некоторые национальные особенности отношения молодежи к науке. В странах Европы, как и в России, большинство молодых людей выражает положительное отношение к науке, однако распространенность подобных установок варьирует по странам в значительных пределах. Исследования показывают, что отношение населения к науке неразрывно связано с ценностными установками, характерными для того или иного общества [4]. В частности, при переходе от индустриальных ценностей ориентиров к постиндустриальным наука перестает восприниматься населением как институт, приносящий обществу исключительно пользу. Развитие науки начинает рассматриваться как процесс, способный привести и к негативным последствиям (например, разрушительным техногенным катастрофам). Отсюда для постиндустриальных стран оказывается характерным рост доли граждан, полагающих, что наука приносит больше вреда [9; 10].

В России значительная часть молодых людей (25 %) склонна видеть исключительно позитивные последствия развития науки. Этот показатель выше, чем в Великобритании (23 %); Германии (19 %); Франции (12 %) [14].

В то же время в названных странах более многочисленна группа молодежи, которая выражает умеренную позицию в отношении науки: Великобритания – 58 %; Германия – 58 %; Франция – 61 %; Россия – 47 % [13. С. 36]. Представляется, что эти различия объясняются расхождениями в доминирующих ценностных ориентациях: в то время как россияне придерживаются установок, свойственных индустриальному обществу, многие европейцы находятся уже под влиянием постиндустриальной парадигмы.

С другой стороны, низкая доля респондентов, однозначно положительно оценивающих роль науки, наблюдается и в странах, где постиндустриальные ценности выражены менее ярко (например, в Венгрии, Румынии, Хорватии). Очевидно, это можно объяснить тем, что отношение к науке,

характерное для населения страны в целом, сглаживается при анализе социальной группы молодежи, представления которой могут отличаться от доминирующей в конкретной культуре системы ценностей.

В международных исследованиях принято изучать отношение населения к науке через оценку определенных высказываний, описывающих различные последствия научно-технологического прогресса – как позитивные, так и негативные. Это позволяет составить более точную картину, отображающую мнения населения о науке и научно-технологическом прогрессе в целом.

В анкете массового опроса содержался ряд суждений, описывающих потенциальные позитивные и негативные эффекты развития науки. Респондентам было необходимо выразить степень своего согласия с каждым из утверждений. Анализ полученных ответов показал, что молодежь чаще выражает согласие с позитивными, нежели негативными суждениями.

Согласие почти со всеми позитивными идеологемами выразили не менее 80 % респондентов. Так, большинство опрошенных молодых людей не только верит, что наука меняет жизнь к лучшему, но и считает ее мощным драйвером позитивных изменений в будущем. Утверждение, что наука и новые технологии предоставляют будущим поколениям благоприятные возможности для развития, поддерживают 88 % респондентов; 84 % согласны с тем, что новые технологии служат необходимым условием достижения конкурентоспособности экономики страны [8].

Наибольшее неприятие (30 против 7...10 % по другим суждениям) вызвало утверждение, что научные исследования должны проводиться по любым темам без каких-либо запретов. Таким образом, можно сделать вывод, что российская молодежь при общем высоком уровне лояльности по отношению к науке все же несколько обеспокоена перспективой полностью передать управление научными исследованиями и разработками в руки самих ученых.

Это предположение частично подтверждается тем, что среди молодежи так-

же высокую распространенность получили различного рода опасения, связанные с последствиями научно-технологического прогресса. Сильнее всего выражена тревога по поводу того, что достижения науки и техники в будущем могут быть использованы злоумышленниками (78 %). Тезис о том, что научные исследования могут иметь непредвиденные последствия для здоровья человека и окружающей среды, получил поддержку у 74 % респондентов, утверждение о необходимости запрета потенциально опасных исследований – у 72 %. Более скептически восприняты утверждения о том, что сегодня люди слишком полагаются на достижения науки и техники (не согласны 21 % респондентов), практическое применение достижений науки может нарушать права человека (24 %), научно-технические достижения быстро меняют нашу жизнь и делают ее более беспокойной (29 %). Таким образом, можно предположить, что молодые россияне рассматривают науку скорее как источник потенциальных, а не актуальных рисков [1. С. 12].

В контексте сказанного следует отметить количественное соотношение молодежи от общего числа научно-педагогических работников в образовательных учреждениях различного уровня. В частности, в дошкольных образовательных организациях доля педагогических работников моложе 30 лет достигла в 2015/16 учебном году почти 16 %, в сфере профессионального образования она существенно ниже. В образовательных организациях высшего образования наиболее возрастной контингент: работники в возрасте до 30 лет в профессорско-преподавательском составе заняли менее 9 %, дошкольных образовательных организациях с 2007/08 по 2015/16 учебный год доля педагогов моложе 30 лет устойчиво снижалась с 21 до 16 %, причем данная тенденция более характерна для городов. Таким образом, если в середине 2000-х гг. в городских детских садах можно было встретить педагогов моложе 30 лет чаще, чем в сельских, то сейчас показатели сравнялись. В дошкольных образовательных организациях соотношение между пе-

дагогами в возрасте до 25 лет и 25...30 лет составляет примерно 1 : 2. В отличие от детских садов, в общеобразовательных организациях представленность педагогов моложе 35 лет в возрастной структуре практически не менялась. Если в 2009/10 учебном году они составляли 26 %, то в 2015/16 – 24 %, в том числе 6 % – моложе 25 лет и 18 % – в возрасте 25...35 лет. При этом по данному показателю практически нет различий между городскими и сельскими общеобразовательными организациями [1. С. 62].

В организациях высшего образования за последние 7...8 лет произошло почти двукратное сокращение доли молодых работников в профессорско-преподавательском составе. В 2015/16 учебном году лица моложе 25 лет составляют только 1 %, в возрасте 25...30 лет – 6 %. Среди преподавателей – одной из ключевых групп в профессорско-преподавательском составе – удельный вес молодежи значительно выше. В 2015/16 учебном году моложе 25 лет был один из десяти преподавателей, в возрасте 25...30 лет – около трети. Таким образом, к молодежной группе относятся примерно двое из пяти преподавателей вузов. Численность молодых работников среди преподавателей организаций высшего образования за последние 7...8 лет снижалась: их доля сократилась почти на четверть. Следует отметить некоторые различия в возрастном составе преподавателей государственных и негосударственных вузов: в первых доля преподавателей до 30 лет составляет 43 %, во вторых – 34 %. За период 2006–2015 гг. общая численность исследователей в Российской Федерации снизилась на 2,4 %. Однако в разных возрастных группах из-

менения шли разнонаправленно. Отток специалистов в возрасте от 40 лет и старше оказался достаточно ощутимым. В частности, абсолютное число исследователей в возрасте 40...59 лет сократилось почти на треть. Исключение составляет возрастная группа от 70 лет и старше, численность которой за рассматриваемый период, наоборот, выросла. Вместе с тем численность исследователей в возрасте до 29 лет включительно повысилась на 16,1 %, 30...39 лет – на 68,8 % [1. С. 66].

Выводы. По результатам проведенного анализа отношения молодежи России к образованию и науке считаем необходимым отметить следующие основные моменты:

– представители молодого поколения более лояльны по отношению к науке, чем население России в целом. Это справедливо и по отношению к оценкам влияния науки на отдельные стороны жизни – состояние окружающей среды, здоровье людей, общий уровень жизни;

– результаты международных сопоставлений показывают, что среди российской молодежи доля тех, кто, безусловно, положительно оценивает влияние науки на общество, выше, чем среди аналогичной возрастной когорты ряда развитых европейских стран;

– наука и новые технологии видятся молодежи одним из драйверов экономического роста и механизмом повышения уровня жизни. Однако ответы молодых людей также дают основания полагать, что им не близка позиция полного саморегулирования научной деятельности и открытого научного поиска по всем направлениям исследований.

Список литературы

1. Бондаренко Н. В., Войнилов Ю. Л., Волкова Г. С. Российская молодежь: образование и наука. М.: ВШЭ, 2017. 72 с.
2. Буланова М. Б. Образование в жизненном мире российской молодежи // Вестник РГГУ. Сер. Философия. Социология. Искусствоведение. 2015. № 7. С. 54–57.
3. Зеленин А. А. Региональный молодежный парламент как механизм социального лифта в современной российской политике // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. № 2. С. 85–90.
4. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Отношение молодежи к образованию как фактор повышения эффективности подготовки высококвалифицированных кадров // Социологические исследования. 2012. № 8. С. 103–111.

5. Ильинский И. М. Молодежь и молодежная политика. Философия. История. Теория. М.: Голос, 2001. 696 с.
6. Константиновский Д. Л., Попова Е. С. Отношение молодежи к образованию в современной России // *Общественные науки и современность*. 2016. № 1. С. 5–19.
7. Лисовский В. Т. Молодёжная политика: проблемы и перспективы // *Теория и практика социальной работы: отечественный и зарубежный опыт*. М.; Тула, 1993. Ч. 2. 318 с.
8. Мониторинг инновационного поведения населения, репрезентативный опрос населения России, 2015 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.issek.hse.ru/projects/155044198> (дата обращения: 12.11.2017).
9. Романова Н. П. Социальное неравенство: методологический аспект // *Вестник Читинского гос. ун-та*. 2008. № 4. С. 140–152.
10. Романова Н. П., Скворцова Л. А. *Женщина и наука*. Чита: Поиск, 2008. 163 с.
11. Самохвалов Н. А. Концептуальный анализ системы социально-политических взглядов молодежи России на современном этапе // *Актуальные проблемы современности: наука и общество*. 2017. № 4. С. 19–26.
12. Смакотина Н. Л. Молодежь в ситуации социальной нестабильности // *Народонаселение*. 2012. № 3. С. 91–95.
13. Allum N., Sturgis P., Tabourazi D., Brunton-Smith I. Science knowledge and attitudes across cultures: a meta-analysis // *Public Understanding of Science*. 2008. No. 17. P. 35–54.
14. Eurobarometer 401: responsible research and innovation (RRI), science and technology, 2013 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ec.europa.eu/public_opinion/index_en.htm (дата обращения: 27.12.2017).

References

1. Bondarenko N. V., Voynilov Yu. L., Volkova G. S. *Rossiyskaya molodezh: obrazovanie i nauka* (Russian youth: education and science). Moscow: Higher School of Economics, 2017. 72 p.
2. Bulanova M. B. *Vestnik RGGU. Ser. Filosofiya. Sotsiologiya. Iskusstvovedenie* (Bulletin of the RSHU. Ser. Philosophy. Sociology. Art History), 2015, no. 7, pp. 54–57.
3. Zelenin A. A. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* (Bulletin of the Kemerovo State University), 2012, no. 2, pp. 85–90.
4. Zubok Yu. A., Chuprov V. I. *Sotsiologicheskie issledovaniya* (Sociological Research), 2012, no. 8, pp. 103–111.
5. Ilinsky I. M. *Filosofiya. Istoriya. Teoriya* (Philosophy. History. Theory). Moscow: Golos, 2001. 696 p.
6. Konstantinovsky D. L., Popova E. S. *Obshchestvennye nauki i sovremennost* (Social sciences and modernity). 2016, no. 1, pp. 5–19.
7. Lisovskiy V. T. *Teoriya i praktika sotsialnoy raboty: otechestvennyy i zarubezhnyy opyt* (Theory and practice of social work: domestic and foreign experience). Moscow; Tula, 1993. Part 2. 318 p.
8. *Monitoring innovatsionnogo povedeniya naseleniya, reprezentativnyy opros naseleniya Rossii, 2015* (Monitoring of innovative behavior of the population, representative survey of the population of Russia, 2015). Available at: <http://www.issek.hse.ru/projects/155044198> (Date of access: 12.11.2017).
9. Romanova N. P. *Vestnik Zabaykalskogo gos. un-ta* (Transbaikalian State University Journal), 2008, no. 4, pp. 140–152.
10. Romanova N. P., Skvortsova L. A. *Zhenshchina i nauka* (Woman and Science). Chita: Poisk, 2008. 163 p.
11. Samokhvalov N. A. *Aktualnye problemy sovremennosti: nauka i obshchestvo* (Actual problems of the present: science and society), 2017, no. 4, pp. 19–26.
12. Smakotina N. L. *Narodonaselenie* (Population), 2012, no. 3, pp. 91–95.
13. Allum N., Sturgis P., Tabourazi D., Brunton-Smith I. *Public Understanding of Science* [Public Understanding of Science], 2008, no. 17, pp. 35–54.
14. Eurobarometer 401: responsible research and innovation (RRI), science and technology, 2013 [Eurobarometer 401: responsible research and innovation (RRI), science and technology, 2013]. Available at: http://www.ec.europa.eu/public_opinion/index_en.htm (Date of access: 27.12.2017).

Коротко об авторах

Барышная Наталья Александровна, канд. полит. наук, д-р социол. наук, профессор кафедры государственного управления и права (Высшая школа государственного управления), Балаковский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Балаково, Россия. Область научных интересов: политические процессы, институты, технологии, правовые аспекты государственного управления
socis64@gmail.com

Самохвалов Николай Александрович, ст. преподаватель кафедры правового обеспечения управления, Балаковский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Балаково, Россия. Область научных интересов: политические процессы, институты, технологии, правовые аспекты государственного управления
nikolai-samohvalov@yandex.ru

Briefly about the authors

Natalia Baryshnaia, candidate of political sciences, doctor of sociological sciences, professor, Legal Foundation of the Public Administration department (Higher school of public administration), Balakovo branch of the Russian Academy of National Economy and Public Service under the President of the Russian Federation, Balakovo, Russia. Sphere of scientific interests: political processes, institutions, technologies, legal aspects of public administration

Nikolay Samokhvalov, senior lecturer, Legal Foundation of Public Administration department, Balakovo branch of the Russian Academy of National Economy and Public Service under the President of the Russian Federation, Balakovo, Russia. Sphere of scientific interests: political processes, institutions, technologies, legal aspects of public administration

Образец цитирования

Барышная Н. А., Самохвалов Н. А. Отношение молодёжи России к образованию и науке на современном этапе // Вестн. Забайкал. гос. ун-та. 2018. Т. 24. № 3. С. 32–38. DOI: 10.21209/2227-9245-2018-24-3-32-38.

Baryshnaya N., Samokhvalov N. The attitude of Russia youth to education and science at the present stage // Transbaikalian State University Journal, 2018, vol. 24, no. 3, pp. 32–38. DOI: 10.21209/2227-9245-2018-24-3-32-38.

Статья поступила в редакцию: 06.03.2018 г.

Статья принята к публикации: 28.03.2018 г.

УДК 11.25.25; 11.25.42
DOI: 10.21209/2227-9245-2018-24-3-39-49

ДЕФИНИЦИИ «ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС», «ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ», «ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ» В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

DEFINITIONS “POLITICAL PROCESS”, “POLITICAL CHANGES”, “POLITICAL DEVELOPMENT” IN THE SCIENTIFIC DISCOURSE

*Т. Е. Бейдина,
Забайкальский
государственный
университет, г. Чита
beydina@inbox.ru*

*T. Beydina,
Transbaikal State University,
Chita*

*Ю. А. Попов,
Забайкальский
государственный
университет, г. Чита
pya85@mail.ru*

*Yu. Popov,
Transbaikal State University,
Chita*

Отмечено, что при всей разности путей и результатов можно выделить основные элементы политического развития, а также факторы, на него влияющие, анализ которых позволяет проводить научное сравнение путей и результатов. Показана взаимосвязь концептов «политический процесс», «политические изменения», «политическое развитие». Сделан вывод, что политический процесс – это совокупная деятельность социальных общностей, общественных организаций и групп, отдельных лиц, преследующих определенные политические цели. Между политическими процессами как внутри общества, так и международными политическими процессами всегда есть различия. Политические изменения постоянны. Долговечность любого правительства зависит от его способности изменяться и адаптироваться к окружающей обстановке. Авторы характеризуют развитие как последовательную смену качественных состояний политической системы в целом и ее отдельных составных частей. Отмечено, что политический процесс является динамической характеристикой политики. Поэтому можно утверждать, что формами существования политического процесса являются политические изменения и политическое развитие. Политические изменения могут происходить либо путем приспособления системы к новым требованиям социальной среды, либо путем смены одной системы, неспособной сохранить себя, – другой. В рамках одного общества политические изменения, оказывающие широкое и устойчивое воздействие на общество, можно определить как революцию

Ключевые слова: *политический процесс; политические изменения; политическое развитие; партии; двухпартийная система; США; полипарадигмальный анализ; Российская Федерация; политика; критерии; информационные ресурсы*

The article notes that despite the difference of ways and results can highlight the main elements of political development and the factors influencing it, analysis of which allows a scientific comparison of ways and results. The relationship of the concepts “political process”, “political changes”, “political development” is shown. Thus, the political process is a combined activity of social communities, social organizations and groups of individuals pursuing certain political goals. Between the political processes within societies and international political processes there are always differences. Political change is constant. The longevity of any government depends on its ability to change and adapt to the environment. Political development can be described as a succession of qualitative States of the political system as a whole and its individual components. Political changes can take place either by adapting the system to the new demands of social environment, or by changing one system that is unable to preserve itself, the other. Within a society, political change that has a broad and sustained impact on society can be defined as a revolution

Key words: *political process; political change; political development; party; two-party system; United States; multiparadigm analysis; Russian Federation; policy; criteria; information resources*

Введение. Цель статьи — показать взаимосвязь дефиниций «политический процесс», «политические изменения», «политическое развитие», выявить функции прессы, партий с позиций внутреннего и внешнего политического процесса и политических изменений. Термин «процесс» (от лат. *processus* — «движение вперед, продвижение») заимствован политологией из кибернетики, где под ним понимается любая последовательность наступающих один за другим и нередко поочередно взаимосвязанных событий, ведущих к конкретному результату. Происходящие в настоящем времени в той или иной стране социально-политические процессы формируют магистральный путь её развития на длительную перспективу. Поэтому многое в дальнейшей судьбе любой страны зависит от того, какие именно процессы происходят в стране и набирают силу тенденций как будущих направлений её развития. По сути, современные социально-политические процессы в стране — это история этой страны, которая ею пока ещё не стала, но обязательно станет спустя какое-то время [13]. Политический процесс — одна из центральных и вместе с тем весьма специфическая категория политической науки. Характеристика политики как процесса, т. е. процессуальный подход, позволяет увидеть особые грани взаимодействия субъектов в отношении государственной власти. Политический процесс — это последовательная, внутренне связанная цепь политических событий и явлений, а также совокупность последовательных действий различных субъектов политики, направленных на завоевание, удержание, укрепление и использование политической власти в обществе. Политический процесс — это совокупность видов деятельности субъектов политики, включенных в динамику практически-политических отношений, охватывающих все стадии функционирования политической системы и направленных на достижение политических целей [10].

Политический процесс включает «субъектов и участников процесса; объект процесса; средства, методы, ресурсы, ко-

торые связывают субъект и объект-цель» [11]. Субъектами политического процесса являются «политические системы, политические институты (государство, гражданское общество, политические партии и т. д.), организованные и неорганизованные группы людей, индивиды» [Там же]. Субъекты политического процесса внутригосударственного и международного уровня — регионы. Один из классиков современной политологии Ч. Мерриам писал: «Реальные политические процессы постепенно воспроизводятся в различных точках мира и на разных стадиях» [9].

Существуют и другие оценки социально-политического процесса, например израильского профессора Э. Каца. Он описал социально-политический процесс как цепочку, состоящую из следующих составных частей: Правительство — Парламент (при этом он охарактеризовал Конгресс как церемониальную форму демократии) — СМИ — Общественное мнение — Действие. Этот процесс построен на принципе обратной связи. Ключевая роль в этой цепочке, по оценке Э. Каца, принадлежит средствам массовой информации. При становлении новой истории пресса играет роль «тормоза на правительство». Функции прессы:

- 1) в качестве высшей цели провозглашение сплочения государства-нации;
- 2) затем свергла короля (а государство, по словам Людовика XIV, и было королем);
- 3) с ее помощью большинство стало править в парламенте (поэтому родилось доверие к системе).

По социальному назначению пресса в современном демократическом государстве должна выполнять функции интеграции нации и быть средством расширения избирательных прав граждан. Однако на практике она действует как «искажающий посредник» (*disintermediator*). Парадокс состоит в том, что, даже служа демократии, пресса ослабляет ее сущностные основы. Так, радио искажает функции парламента, открывая прямой доступ публики к лидеру, будь то Ф. Рузвельт или А. Гитлер.

Методология исследования. Проблема определения указанных дефиниций

связана с анализом политических партий, которые рассмотрим на примере США. Особенности двухпартийной системы США исследовали такие ученые-политологи, как Д. Истон [15], Х. Белок, С. Честертон, Р. Пол [14], А. Вэр [18]. Политические партии являются важнейшим звеном, осуществляющим связь между обществом и властью в США. Среди отечественных и зарубежных исследователей распространена точка зрения, что роль партий начала ослабевать вследствие возрастания влияния групп интересов и комитетов политического действия. Такое мнение имеет основание: действительно, партии уступили часть своего влияния названным институтам. Однако, как показал проведенный анализ, значение партий, их высокое положение в политической системе остаются прежними. Более того, за партиями сохранилась важнейшая роль в организации выборов и их проведении, в выработке и выдвигании программ и платформ социально-экономического и политического развития нации, рекрутирования политической элиты. В США невозможно подняться на вершину политической власти, минуя активное участие в одной из двух главных партий – республиканской и демократической.

В отличие от политических партий многих других стран, партии США не имеют четко очерченной организации и идеологической платформы. Наряду с этим двухпартийная система характеризуется устойчивостью, вопреки попыткам нарушить монопольное главенство республиканцев и демократов на политической сцене США. С другой стороны, недостаток партийной дисциплины и централизованной системы дает возможность американским партиям эффективно представлять плюралистические интересы всевозможных слоев и групп общества.

За 240 лет существования США в стране появлялись и исчезали десятки партийных образований. На различных этапах политической жизни общества в борьбе за пост Президента Америки принимали участие свыше двух десятков партий, но основная борьба шла между двумя-тремя

самыми крупными из них. Однако попытки создания третьей системообразующей партии, которая сможет составить конкуренцию и на равных бороться с двумя ведущими, не увенчались успехом.

В 50-е гг. XX в. американский исследователь Р. Хофстатдер писал: «Третьи партии подобны пчелам: они умирают, как только ужалят». В подтверждение этой мысли можно привести динамику участия в выборах партий «третьей силы» [16]. Так, в 1912 г. партия Президента США Т. Рузвельта привлекла 25 % голосов избирателей, чтобы затем исчезнуть во время следующих выборов. В 1924 г. Р. Лафоллет получил 17 % голосов под эгидой прогрессивной партии, но на выборах 1928 г. уже не появился. Такая тенденция прослеживается на протяжении всех выборов XX в. Примечательно, что в отличие от «крупных» второстепенных партий, относительно небольшие «третьи партии», как, к примеру, либертарианская, социалистическая рабочая партия, партия «зеленых», зачастую привлекают небольшое количество голосов, но продолжают существовать в течение многих десятилетий.

Появление «третьих» партий основано в первую очередь на неспособности двух основных партий обозначить главную политическую или социальную проблему. Возникновение и успех «третьих» партий служит неким сигналом для основных партий о том, что существует большое количество недовольных их политикой избирателей. И чем большее количество голосов получают «третьи» партии, тем больше стимул у одной или двух ведущих партий в ответ попытаться привлечь или переманить сторонников партий «третьей силы». Обычно после яркого выступления второстепенной партии по крайней мере одна из двух основных партий принимает решение о смене своей позиции, принимая ее идеи или всю программу. Как следствие, на следующих выборах электорат «третьей» партии посчитает системообразующую партию уже наиболее соответствующей его требованиям [2].

Многие исследователи данной проблематики отмечают прямую зависимость

между появлением успешной «третьей» партии и перестройкой системообразующих партий.

Отметим существующие на сегодняшний день партии. *Демократическая партия* считается одной из двух главных политических партий США и одной из старейших в мире. Со времён правления В. Вильсона эта партия в порядке преемственности позиционирует себя более либеральной, чем республиканская партия, как в экономических, так и социальных вопросах. Место демократов в левом центре закрепил Ф. Д. Рузвельт, принципы которого и сегодня оказывают большое влияние на американский либерализм. Позже именно президент от демократов Л. Б. Джонсон выступил с предложением о создании «Великого общества», в котором не будет бедности. Для реализации своей идеи он добился учреждения государственной медицинской страховки (*Medicare*), образования «учительского корпуса», внедрения программы жилищных субсидий для нуждающихся семей. Кроме того, Л. Б. Джонсон запустил программу «образцовых городов» и строительства усовершенствованных автомагистралей, добился принятия новых мер по защите окружающей среды, повысил выплаты по социальному страхованию, улучшил положение дел в области врачебной и профессиональной реабилитации [12].

В первой половине XX в. демократы, выступая за расовое деление, заручились поддержкой белого населения Южных штатов. Но во второй половине 1940-х гг. Г. Трумэн дал начало политике десегрегации на Юге, что привело к созданию движения «Диксикраты». В 1960-х гг. Л. Джонсон стал последователем этой политики. В 1964 г. принят «Акт о гражданских правах», который поставил расовую сегрегацию вне закона. В то же время республиканцы (во главе с Б. Голдуотером, Р. Рейганом, Р. Никсоном) приступили к проведению «новой южной стратегии». Данные события привели к образованию движения «демократов голубого пса». Это были демократы (голосующие как республиканцы), которые со временем стали от-

даваться от партии в сторону более консервативной республиканской партии [10]. Согласно бюллетеню *Ballot Access News*, который, в частности, составляет статистику по регистрации электората, на февраль 2016 г. демократы продолжали оставаться самой крупной политической партией США – 41,34 млн зарегистрированных сторонников, т. е. 40,6 % от числа всех зарегистрированных избирателей [19].

Результаты исследования. Телевидение подрывает функции политической партии, вводя общественное мнение внутрь политической «кухни» и делая упор на личности, а не на интересы. Можно предположить, что интернет подрывает приверженность к нации, заменяя патриотизм глобализмом и расслоением на группы по интересам. Анализ прессы характеризует динамические изменения, которые в целом отражают тенденции развития и являются политическими.

Понятие «политический процесс» можно рассматривать как в широком, так и в узком смысле. В широком понимании политический процесс характеризуется как постепенное преобразование состояний и стадий изменений политической системы. Политический процесс объясняет эволюцию политической системы. В узком смысле политический процесс определяется как комплекс микропроцессов политической системы, другими словами, деятельность людей в различных группах по поводу борьбы за власть с целью применения её как в личных, так и в групповых интересах. Оценка политического процесса в узком и широком понимании находится в рамках полипарадигмального анализа. Полипарадигмальная концепция дает возможность оценить процесс как в ракурсе институализма, так и с позиции процессного подхода, автором которого в управлении является А. Файоль.

Политический процесс охватывает вертикальный и горизонтальный срезы политических отношений в обществе, является непрерывным и сложным, проходит в разных направлениях. Его темпы зависят от умения субъектов политической деятель-

ности использовать политическое время. На политический процесс влияют информационные ресурсы и система защищенного электронного документооборота [6]. Следовательно, политический процесс — это технология осуществления власти субъектом политики.

Так, субъект власти может вмешиваться в протекание политического процесса. На зрелые тенденции субъект власти может влиять на разных этапах их движения. Отдельные тенденции могут быть неуправляемыми, тогда влияние субъекта власти будет безрезультатным. Субъекту власти следует четко уяснить характер, содержание, силу, продолжительность политического процесса, удельный вес всех субъективных и объективных факторов. Политический процесс имеет и страноведческие особенности. Как отмечает А. Р. Бейдина, США можно охарактеризовать как страну со стабильно развивающимся социально-политическим процессом, неотъемлемой частью которого является двухпартийная система [1].

Политический процесс имеет различные стадии, которые сменяют друг друга и отличаются по времени. Сумма стадий составляет структуру политического процесса. Все эти стадии составляют целостный политический процесс. Каждая стадия имеет свои особенности. Каждый из периодов может занимать определенные временные рамки. Скорость стадий протекания политического процесса может быть разной. Нужны длительные усилия политических сил, чтобы не потерять достигнутого. Потерянный результат трудно воспроизвести, поскольку население перестает верить в возможности успеха.

Политические процессы в обществе происходят, как правило, постепенно, медленно, но политические силы и отдельные политические деятели иногда стремятся ускорить их. Такое ускорение есть не что иное, как попытка вырвать политику, политическую систему из системы «общество» и заставить ее работать по несвойственным ей законам. Это приводит к отрыву от реальности, а он, в свою очередь, к субъективизму, волюнтаризму, в конечном итоге — к

политическому краху [10]. Здесь мы выходим на количественные параметры политики, т.е. на политические изменения.

Политическое изменение можно представить как появление новых характерных черт (новой характерной черты) в способе и характере взаимодействия между политическими субъектами, политической системой и внешней средой. Говоря о политическом изменении, мы подразумеваем, что эти перемены происходят в рамках одной и той же политической системы с одними и теми же качественными характеристиками. В ходе него происходит воспроизводство политической системы в целом и его отдельных частей. Однако это воспроизводство не является полным, новое состояние политической системы и его составляющих отличается от предыдущего. Появляющиеся новые характерные черты в способе и характере взаимодействия можно рассматривать в основном как количественные изменения. Масштабом политических изменений является масштаб повседневной жизни и истории.

Политические изменения — это нарастание нового в структурных и функциональных особенностях политических явлений, что обеспечивает как самовоспроизводство, так и обновления общественно-политического процесса.

Понятие «политические изменения» не означает отрицание абсолютно всего, что было приобретено на предыдущем этапе развития политической жизни, политической системы, и признание новых элементов и связей, которые не существовали ранее. Наоборот, политические изменения включают воспроизведение с максимальным осознанием всего основательного, корневого, глубинного. Они предусматривают также создание по-новому нетрадиционных сторон или свойств жизнедеятельности политических систем и их структур.

Следовательно, понятия «политический процесс» и «политические изменения» связаны между собой. Процесс и изменения в своей взаимозависимости обеспечивают политическое развитие. Политический процесс олицетворяет непрерывность

развития, а политические изменения – его дискретность.

Существует несколько подходов к политическим изменениям. Так, А. А. Дегтярев считает, что «политические изменения – это трансформация структур, процессов или целей, затрагивающая распределение или отправление властных полномочий по управлению данным обществом. Политические изменения могут происходить либо с приспособлением системы к новым требованиям и к меняющейся окружающей обстановке, либо же в силу того, что одну систему – неспособную сохранить себя – заменяет другая. В рамках данного общества политическое изменение, оказывающее широкое и устойчивое воздействие на общество, можно назвать революцией» [5]. Другой подход связан с типологизацией политических изменений, пролегает по линии «внутрисистемных» или «транзитных» преобразований. Данный подход раскрывает иную сторону политических перемен, а именно: отношение к системе институтов и базовых норм, образующей своего рода «каркас» любого государства [8].

К примеру, во многих развивающихся странах правительства неустойчивы, так как им не хватает умения и ресурсов для того, чтобы удовлетворять запросы, связанные с революцией растущих ожиданий. Стабильность той или иной политической системы на протяжении какого-либо периода говорит не об отсутствии изменений, а о наличии системной способности к ненасильственным изменениям в целях и в руководстве. Во всяком обществе удовлетворенные группы предпочитают ненасильственные изменения, недовольные же более склонны допускать насильственные методы. Стабильность как на национальном, так и на международном уровнях требует подкрепления норм, предписывающих ненасилие, эффективными механизмами для осуществления мирных изменений.

Под воздействием качественных изменений в социальной среде политическая система постоянно находится в движении и развитии. Фактически не существует двух идентичных друг другу состояний одной и

той же политической системы. Следовательно, политические изменения представляют собой трансформации институциональных структур, процессов и целей, затрагивающие распределение и отправление властных полномочий по управлению развивающимся обществом.

Сознательные, системные изменения, оказывающие широкое и устойчивое воздействие на общество, но воспроизводящие прежнюю политическую систему, можно определить как реформу. Реформы приводят к изменению состояния общественных и политических отношений в рамках сложившейся политической системы. Поэтому важнейшей характеристикой политического процесса является способ или режим осуществления политической власти (воспроизводства политической системы). Реформа политических отношений, изменяющая конституционно-правовые методы и способы осуществления политической власти в рамках одной политической системы, создает определенный политический режим. Следовательно, понятие «политический режим» характеризует политический процесс с точки зрения функционирования и самовоспроизводства определенной политической системы данного общества [3].

Второй способ политических изменений – это развитие. Он характеризует такие модификации базовых параметров политических явлений, которые предполагают дальнейший позитивный характер эволюции последних. Например, в масштабе социума развитие может означать такие изменения, при которых политика государства выводится на уровень, позволяющий властям адекватно отвечать на вызовы времени, эффективно управлять общественными отношениями, обеспечивать удовлетворение социальных требований населения. Такой характер политических изменений содействует повышению соответствия политической системы изменениям в других сферах общественной жизни, совершенствованию ее способностей к применению гибких стратегий и технологий властвования с учетом усложнения интересов различных социальных групп и граждан.

И, наконец, третья разновидность изменений — это упадок, характеризующий такой способ трансформации сложившихся базовых форм и отношений, который предполагает негативную перспективу эволюции политического явления [5].

В современной политологии проблематика политических изменений активно стала разрабатываться с 50–60-х гг. XX в. под влиянием процессов деколонизации и образования независимых государств «третьего мира». Понимая под политическими изменениями трансформацию политических институтов, выделим следующие уровни политических изменений: идеи, интересы, статусы, динамическое развитие различных стран. Политические изменения классифицируются по различным основаниям, из которых можно выбрать четыре наиболее распространенных варианта: во-первых, деление изменений в политической динамике на намеренные и спонтанные, эволюционные и катастрофные, революционные и реформационные; во-вторых, устойчивые и неустойчивые, например, внутрисистемные, репродуктивные и транзитные, переходные; в-третьих, прогрессивные и регрессивные, ведущие в конечном счете к социальной деградации или экономической стагнации; в-четвертых, институциональные и событийные.

Политические изменения имеют как положительные характеристики, так и негативные оценки (регресс). Социально-политические изменения представляют собой смену состояний, свойств и связей социальных и политических систем. Под социально-политическими изменениями в политологии понимают преобразования, происходящие с течением времени в организации, структуре общества и государства, образцах мышления, культуре, социальном и политическом поведении. Факторами, причиной социально-политических изменений выступают многообразные обстоятельства, такие как изменение среды обитания, динамика численности и социальной структуры населения, международные отношения, уровень напряженности и борьбы за ресурсы (особенно в современных услови-

ях), открытия и изобретения, аккумуляция (усвоение элементов других культур при взаимодействии).

Движущими силами социально-политических изменений могут выступать преобразования как в экономической, так и в политической, социальной и духовной сферах, но с разной скоростью и силой, фундаментальностью воздействия. Социологи и политологи подвергают критике представления об однолинейном характере социальных процессов, подчеркивая, что общество может изменяться самым неожиданным образом. И происходит это в случае, когда прежние механизмы уже не позволяют социальной системе восстановить равновесие, а инновационная активность масс не укладывается в рамки институциональных ограничений, и тогда общество оказывается перед выбором дальнейшего варианта своего развития. Такое разветвление или раздвоение, связанное с хаотичным состоянием общества, называется социальной бифуркацией, означающей непредсказуемость общественного развития. Особую группу изменений мы наблюдаем в политической области:

- изменение роли учреждения, например, Государственной думы и Правительства РФ;
- формирование многопартийности и устранение от руководства страной единственной партии;
- официальное признание конституцией идеологического плюрализма.

К социально-культурным изменениям также относятся культурные изменения в области:

- материальных и нематериальных ценностей (идеи, верования, навыки, интеллектуальное производство);
- социальных норм — политических и правовых (возрождение древних традиций, обычаев, принятие нового законодательства);
- коммуникаций (создание новых терминов, словосочетаний и т. п.).

Изменения в обществе анализировал Р. Даль, который, ссылаясь на Д. Истона, характеризовал изменения как сложный

комплексе процессов по расширению пространства [4].

Новая измененная политическая система в состоянии функционирования вытесняет традиционное. Наряду с этим происходит создание нового на более высоком уровне. Меняется режим политического процесса. Такие изменения требуют нового содержания и форм политической упорядоченности национальной политической системы и мирового политического порядка [7]. Таким образом, политические изменения – это изменения во властной регуляции общества, трансформация политических институтов, связанная с социальными характеристиками. Данный подход оправдывает концепт «социально-политические изменения». Поскольку политическая система находится в динамике, то политические изменения, связанные с процессом, происходящим в обществе, основаны на социальных параметрах. Социально-политические характеристики предполагают также политическое развитие.

Политическое развитие – это переход из одного политического состояния в другое, качественно более совершенное, от простого к более сложному на основе роста и изменения политической культуры, овладение совершенными формами политической деятельности.

В политологии существуют следующие оценки термина «политическое развитие». Это понятие введено в научный оборот во второй половине XX в. для отражения динамики политической жизни, обозначения процессов ее изменения. Политическое развитие отличается от экономического, социального и других общественных процессов рядом параметров. Во-первых, политическое развитие не является необратимым. Во-вторых, политическое развитие характеризуется самостоятельными критериями (показателями). В-третьих, процесс политического развития, при наличии общих критериев, не может быть единообразным в различных общественно-политических системах.

Политическое развитие – это возрастание способности системы постоянно и эф-

фективно адаптироваться к новым образцам социальных целей и создавать новые институты, обеспечивающие каналы для диалога между правительством и населением. Политическое и социальное развитие взаимосвязаны. Политика как особая сфера взаимодействий и отношений складывается только в обществе. Общество и политика неразделимы, их становление и развитие – тесно взаимосвязанный процесс. Кризис политической власти ведет к значительным потрясениям в обществе и даже может спровоцировать его распад. И, напротив, изменения в обществе с неизбежностью отражаются и на способах осуществления политической власти, и на формах борьбы за обладание ею. Другими словами, политическое развитие является качественным изменением. Масштаб политического развития – масштаб эволюции.

Итак, политическое развитие осуществляется в двух взаимосвязанных, но разных планах – процесса и изменений. Постепенностью их преобразований на основе продвижения вперед является эволюция политического развития.

Согласно концепции Л. Пая, существует три критерия политического развития [7]:

1) структурная дифференциация. Отражает процесс усложнения социальных отношений вследствие деятельности людей и появления новых групп интересов. Политическая система должна быстро реагировать на возникновение новых требований. Осуществить это возможно с помощью структурной дифференциации и высокой специализации функций институтов политической системы;

2) возрастание способности системы к инновациям, мобилизации и выживанию – повышение адаптационных возможностей системы, ее жизнеспособности. Для этого политическая система должна быть способна направлять материальные и человеческие ресурсы для выполнения общезначимых целей;

3) тенденция к равноправию. Проявляется в снятии всех ограничений (социальных, политических, национальных) на

участие народа в политической деятельности, предоставлении всем гражданам доступа к власти.

Выводы. 1. Что касается отличия политического изменения и политического развития, то определить разницу достаточно сложно. Сложность заключается не только в том, что исследователям, живущим в повседневности, трудно оценить изменения в более крупных масштабах, но и в расплывчатости границы между этими масштабами, а также в том, что все эволюционные процессы происходят в результате накопления повседневных и исторических перемен. Политическое развитие непосредственно недоступно простому наблюдателю, поскольку на практике оно проявляется и реализуется в политических изменениях.

2. Тем не менее проиллюстрируем отличия политического изменения от политического развития. Например, смену монарха на троне в результате смерти предыдущего можно рассматривать как политическое изменение. Оно привнесло в политический процесс новые качества в способе и харак-

тере взаимодействия между политическими субъектами и, возможно, между системой и средой, но не принесло с собой качественных изменений самой политической системы и ее составляющих.

3. Термином «политическое развитие» целесообразно обозначать неоднаправленное развитие. Политическое развитие — процесс, имеющий несколько эволюционных альтернатив, выбор которых зависит от конкретной совокупности влияющих на него факторов. Тем более у политического развития нет единого заданного алгоритма.

4. К политическому развитию не применимы понятия типа «тупиковая ветвь развития». Кроме того, политическое развитие осуществляется не линейно. Исследователи отмечают циклический, волнообразный, дискретный характер политического развития.

5. Политическое развитие можно охарактеризовать как процесс, идущий разными путями с различными конкретными результатами и факторами влияния.

Список литературы

1. Бейдина А. Р. Особенности социально-политического процесса в США // Наука Красноярья. 2017. Т. 6, № 2. С. 45–61.
2. Борисюк В. И. Избирательный процесс в США как политический институт: проблемы и характер эволюции в конце XX в. // Политические институты на рубеже тысячелетий. Дубна, 2001. С. 187–205.
3. Брег А. В., Зеленко Б. И. Иванов В. Д. Михайленко О. М. Политические изменения и преобразования в социальной сфере современной России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.naukarus.com/politicheskie-izmeneniya-i-preobrazovaniya-v-sotsialnoy-sfere-sovremennoy-rossii-kruglyy-stol> (дата обращения: 20.12.2017).
4. Даль Р. Полиархия, плюрализм и пространство // Антология мировой политической мысли: в 5 т. Т. 2. Зарубежная политическая мысль XX в. М.: Мысль, 1997.
5. Дегтярев А. А. Основы политической теории [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Degt/_14.php (дата обращения: 12.12.2017).
6. Кухарский А. Н. Информационная безопасность в аспекте защищенного электронного документооборота в информационных системах муниципальных образований // Вестник Забайкал. гос. ун-та. 2017. Т. 23, № 7. С. 86–90.
7. Мелешкина Е. Ю. Политические изменения [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.lomonosov-fund.ru/enc/ru/encyclopedia:0126563> (дата обращения: 04.12.2017).
8. Мельвиль А. Ю. Политические изменения [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.intuit.ru/studies/courses/3463/705/lecture/29336?-page=3> (дата обращения: 16.11.2017).
9. Мерриам Ч. Новые аспекты политики // Антология мировой политической мысли: в 5 т. Т. 2. Зарубежная политическая мысль XX в. М.: Мысль, 1997.
10. Политический процесс и модернизация [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.zavtrasessiya.com/index.pl?act=PRODUCT&id=1100> (дата обращения: 16.12.2017).
11. Политический процесс: сущность и содержание [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.psyera.ru/-politicheskiy-process-ponyatie-sushchnost-i-soderzhanie_8232.htm (дата обращения: 15.12.2017).

12. Рассел Д. Демократическая партия США. М., 2012. 92 с.
13. Социально-политические процессы в современной России: особенности, тенденции, перспективы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=19274> (дата обращения 11.12.2017).
14. Belloc H., Chesterton C., Poul R. *The party system*. Ihs Press, 2008. 160 p.
15. Easton D. *The political system. An inquiry into the state of political science*. New York: Knopf, 1953.
16. Hofstadter R. *The age of reform*. Vintage, 1960. 352 p.
17. Matuz R., Harris B., Craughwell T. J. *Residents fact book revised and updated! The Achievements, Campaigns, Events, Triumphs, and Legacies of Every President from George Washington to the Current One*. Black Dog and Leventhal, 2017. 832 p.
18. Ware A. J. *Political parties and party systems*. Oxford: Oxford University Press, 1995. 456 p.
19. Winger R. *Ballot access news* [Электронный ресурс] // *Ballot Access News*. 2016. 30 июля. Режим доступа: <http://www.ballot-access.org/2016/07/30/july-2016-ballot-access-news-print-edition> (дата обращения: 25.11.2017).

References

1. Beydina A.R. *Nauka Krasnoyarska* (Science of Krasnoyarsk), 2017, vol. 6, no. 2, pp. 45–61.
2. Borisyuk V. I. *Politicheskie instituty na rubezhe tysyacheletiy* (Political institutions at the turn of the millennium). Dubna, 2001. P. 187–205.
3. Breg A.V., Zelenko B. I., Ivanov V.D., Mikhaylenko O. M. *Politicheskie izmeneniya i preobrazovaniya v sotsialnoy sfere sovremennoy Rossii* (Political changes and transformations in the social sphere of modern Russia). Available at: <http://www.naukarus.com/politicheskie-izmeneniya-i-preobrazovaniya-v-sotsialnoy-sfere-sovremennoy-rossii-kruglyy-stol> (Date of access: 12.20.2017).
4. Dal R. *Antologiya mirovoy politicheskoy mysli: v 5 t. T. 2. Zarubezhnaya politicheskaya mysl XX v.* (Anthology of world political thought: in 5 vol. Vol. 2. Foreign political thought of the XX century). Moscow: Mysl, 1997.
5. Degtyarev A. A. *Osnovy politicheskoy teorii* (Fundamentals of Political Theory) Available at: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Degt/_14.php (Date of access: 12.12.2017).
6. Kukharsky A. N. *Vestnik Zabaykal. gos. un-ta.* (Transbaikal State University Journal), 2017, vol. 23, no. 7, pp. 86–90.
7. Meleshkina E.Yu. *Politicheskie izmeneniya* (Political changes). Available at: <http://www.lomonosov-fund.ru/enc/ru/encyclopedia:0126563> (Date of access: 04.12.2017).
8. Melville A.Yu. *Politicheskie izmeneniya* (Political changes). Available at: <http://www.intuit.ru/studies/courses/3463/705/lecture/29336?-page=3> (Date of access: 16.11.2017).
9. Merriam C. *Antologiya mirovoy politicheskoy mysli: v 5 t. T. 2. Zarubezhnaya politicheskaya mysl' XX v.* (Anthology of world political thought: in 5 volumes. Vol. 2. Foreign political thought of XX century). Moscow: Mysl, 1997.
10. *Politicheskiiy protsess i modernizatsiya* (Political process and modernization). Available at: <http://www.zavtrasessiya.com/index.pl?act=PRODUCT&id=1100> (Date of access: 16.12.2017).
11. *Politicheskiiy protsess: sushchnost i sodержание* (The political process: the essence and content). Available at: http://www.psyera.ru-/politicheskiiy-process-ponyatie-sushchnost-i-soderzhanie_8232.htm (Date of access: 15.12.2017).
12. Russell D. *Demokraticeskaya partiya SShA* (Democratic Party of the United States). Moscow, 2012. 92 pp.
13. *Sotsialno-politicheskie protsessy v sovremennoy Rossii: osobennosti, tendentsii, perspektivy* (Sociopolitical processes in modern Russia: features, trends, prospects). Available at: <http://www.science-education.ru/en/article/view?id=19274> (Date of access: 11.12.2017).
14. Belloc H., Chesterton C., Poul R. *The party system* [The party system]. Ihs Press, 2008. 160 p.
15. Easton D. *The political system. An inquiry into the state of political science* [The political system. An inquiry into the state of political science]. New York: Knopf, 1953.
16. Hofstadter R. *The age of reform* [The age of reform]. Vintage, 1960. 352 p.
17. Matuz R., Harris B., Craughwell T. J. *Residents fact book revised and updated! The Achievements, Campaigns, Events, Triumphs, and Legacies of Every President from George Washington to the Current One* [Residents fact book revised and updated! The Achievements, Campaigns, Events, Triumphs, and Legacies of Every President from George Washington to the Current One]. Black Dog and Leventhal, 2017. 832 p.

18. Ware A. J. *Political parties and party systems* [Political parties and party systems]. Oxford: Oxford University Press, 1995. 456 p.

19. Winger R. Ballot Access News [Ballot Access News]. 2016. 30 July. Available at: <http://www.ballot-access.org/2016/07/30/july-2016-ballot-access-news-print-edition> (Date of access: 25.11.2017).

Коротко об авторах

Бейдина Татьяна Евгеньевна, д-р полит. наук, профессор, зав. кафедрой государственного, муниципального права и политики, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия. Область научных интересов: региональная политика
beydina@inbox.ru

Попов Юрий Аркадьевич, аспирант, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия. Область научных интересов: региональная политика
rya85@mail.ru

Briefly about the authors

Tatyana Beydina, doctor of political sciences, professor, head of State, Municipal Law and Policy department, Transbaikal State University, Chita, Russia. Sphere of scientific interests: regional policy

Yuriy Popov, postgraduate, Transbaikal State University, Chita, Russia. Sphere of scientific interests: regional policy

Образец цитирования

Бейдина Т. Е., Попов Ю. А. Дефиниции «политический процесс», «политические изменения», «политическое развитие» в научном дискурсе // Вестн. Забайкал. гос. ун-та. 2018. Т. 24. № 3. С. 39–49. DOI: 10.21209/2227-9245-2018-24-3-39-49.

Beydina T., Popov Y. Definitions “political process”, “political changes”, “political development” in the scientific discourse // Transbaikal State University Journal, 2018, vol. 24, no. 3, pp. 39–49. DOI: 10.21209/2227-9245-2018-24-3-39-49.

Статья поступила в редакцию: 06.03.2018 г.
Статья принята к публикации: 28.03.2018 г.

УДК 11.15.41

DOI: 10.21209/2227-9245-2018-24-3-50-62

РЕАЛИЗАЦИЯ НЕПОСРЕДСТВЕННОЙ ДЕМОКРАТИИ В РОССИИ

IMPLEMENTATION OF DIRECT DEMOCRACY IN RUSSIA

*Ю. В. Денисов, Забайкальский государственный университет, г. Чита
vjhbclh.jy@yandex.ru*

Yu. Denisov, Transbaikal State University, Chita

Отмечено, что в зависимости от того, как народ участвует в управлении, кто и как непосредственно выполняет властные функции, демократия делится на прямую и представительную. Дана характеристика прямой демократии как непосредственного участия граждан в подготовке, обсуждении и принятии решений. Представительная демократия оценивается как ведущая форма политического участия граждан в современных политических системах. Выделены особенности непосредственной демократии в виде формы непосредственного волеизъявления народа или каких-либо групп населения. Статья характеризует народовластие в качестве основы конституционного строя Российской Федерации, которая осуществляется гражданами путем референдума и свободных выборов как высшего непосредственного выражения власти народа. Отмечено, что формой прямой (непосредственной) демократии является правотворческая инициатива, осуществляемая как на уровне государства, так и на уровне муниципальных образований. Дана оценка правотворческой инициативы граждан, которая представляет собой право граждан в установленном порядке возбуждать перед органом, должностным лицом местного самоуправления вопрос о рассмотрении и возможном принятии ими в рамках их компетенции нормативного (индивидуального) акта. Показано, что право на публичные мероприятия тесно связано с правом граждан на петиции и правом на объединение. Исторически три института неразрывно связаны: осуществление права на петиции невозможно при отсутствии права на объединение и права на публичные мероприятия. Последние подразделяются на два вида: собрания, проводимые в закрытых помещениях, и публичные мероприятия, проводимые вне помещений (митинги, шествия, демонстрации, пикетирование). Сделаны следующие выводы: реализация различных форм непосредственной демократии – это важное средство осуществления и охраны прав личности, укрепления связи органов государственной власти и местного самоуправления с населением; демократия является наиболее прогрессивной ступенью в развитии политических систем государств. Опыт истории учит, что демократия – благо лишь тогда, когда она соответствует политической культуре и менталитету народа; необходимым условием ее социальной эффективности являются наличие в обществе консенсуса по основополагающим вопросам совместного проживания в государстве, признание подавляющим большинством граждан «демократических правил игры»; демократия неприемлема в экстремальных ситуациях – в периоды войн, острых кризисов. Переход к ней требует постепенности, длительного промежутка времени

Ключевые слова: непосредственная демократия; Российская Федерация; демократия; управление; форма демократии; система ценностей; референдум; выборы; территориальное управление; правотворческая инициатива; формы реализации; обращения граждан; митинги и демонстрации

The article notes that, depending on how the people are involved in management, who either directly performs governmental functions, democracy is divided into direct, personable. The characteristic of direct democracy as direct participation of citizens in preparation, discussion and decision-making is given. Representative democracy is assessed as the leading form of political participation in modern political systems. The features of direct democracy in the form of direct expression of people or any groups are described. The article analyses democracy, as the foundations of the constitutional system of the Russian Federation which is exercised by citizens through a referendum and free elections, as the highest direct expression of people power. The form of direct democracy is a

legislative initiative carried out both at the state level and at the level of municipalities. The law-making initiative of citizens is assessed as a right of citizens in the established order to bring before the body, officials of local self-government the question of review and possible adoption in their regulatory competence (individual) act. The right to public events is closely linked to the right of citizens to petition and the right to association. Historically, the three institutions are inextricably linked: realization of the right of petition is impossible in the absence of the right to association and the right to a public event. The later are divided into two categories: meetings in enclosed spaces, and public events conducted outdoors (meetings, marches, demonstrations, picketing). The conclusions are the following: implementation of various forms of direct democracy – it is an important tool for the implementation and protection of human rights, strengthening of cooperation between the state authorities and local self-government with the population; democracy is the most progressive step in the development of political systems of the states. The experience of history teaches that democracy is good only when it corresponds to political culture and mentality of people; a necessary condition for social efficiency is the presence in society of consensus on fundamental issues of living together in a state, recognition by the overwhelming majority of citizens “democratic rules of the game”; democracy is unacceptable in extreme situations - in times of war, acute crises. The transition requires a gradual, extended period of time

Key words: direct democracy; Russian Federation; democracy; governance; democracy; value system; referendum; elections; territorial administration; legislative initiative; forms of realization; the treatment of citizens; meetings and demonstrations

Введение. Идея демократии является главной характеристикой государства и основой для эффективного осуществления государственных функций. В современный период появилось политическое кредо государства путем демократической реформы достигнуть социальной справедливости и достойного уровня жизни граждан. Или, как писал основатель интуитивизма в России Н. О. Лосский: «Демократия в своем поведении и развитии не опирается на единую систему истин и принципов, признаваемых абсолютными; проводя в жизнь изменчивые мнения изменчивого большинства, демократия должна понимать истину как нечто относительное» [12. С. 472].

Понятие «демократия» многозначно и, как «народовластие», означает, по определению американского президента А. Линкольна, «правление народа, избранное народом и для народа». Второе значение – это равноправие как форма устройства любой организации, в том числе государственного и муниципального устройства. В данном случае в широком значении демократия может рассматриваться как форма управления. В третьем значении демократия понимается как система ценностей, ориентированных на свободу, равенство, права человека. Данная проблема рассматривается в «Декларации прав и свобод человека

и гражданина», принятой Верховным Советом РСФСР 22 ноября 1991 г., где в сорока статьях характеризуются права и свободы, закрепленные декларацией, и отмечено в ст. 1: «Права и свободы человека принадлежат ему от рождения. Общеизвестные международные нормы, относящиеся к правам человека, имеют преимущество перед законами РСФСР и непосредственно порождают права и обязанности граждан РСФСР».

Помимо ценностных ориентаций, в демократии выявлено организационное начало, его можно выделить в форму организации движения за народовластие, имеющее разные формы.

Прямая (представительная) демократия – форма народовластия, при которой власть осуществляется через выявление воли представителей народа в выборных органах (парламенты, органы местного самоуправления). Непрямая (непосредственная) демократия – форма народовластия, при которой власть осуществляется через непосредственное выявление воли народа или определенных социальных групп (референдум, выборы).

В свою очередь, действия системы органов власти также являются демократией в действии. Принципы функционирования системы органов власти сформулированы

французским исследователем А. Файолем как принципы администрирования и предполагают законность, гласность, выборность, сменяемость, разделение труда, единство единоначалия, цели и руководства, соотношение централизации и децентрализации, скалярную цепь сверху вниз, дисциплину, справедливость, подчинение личных интересов общим, корпоративный дух как единство силы и порядок.

Еще одно значение термина «демократия» — это охрана и защита в соответствии с международными стандартами в обществе, государстве, современном мире.

Методология исследования. Аргументы демократии рассматривались в XX в. немецким ученым М. Вебером, поддерживающим парламентский режим. В опубликованной в 1917 г. работе «Избирательное право и демократия в Германии» он описывал специфические преимущества парламентариев с точки зрения сравнительной оценки достоинств и недостатков, которой парламентарий обучается лучше, чем кто-либо другой [18]. Из современных исследователей следует отметить Ю. С. Пивоварова, который сравнивал западную и отечественную демократию и, по утверждению О. В. Гаман-Голутвиной, «речь идет о разных демократиях — «Я-демократии» как индивидуалистическом устройении и «МЫ-демократии» как порядке над-индивидуалистическом» [6]. Труды Ю. С. Пивоварова «Основные идеологемы русской истории» и «Русская история как русская идея, или десять лет спустя» развивают данные проблемы демократии и позволяют выйти из модернизационной ловушки: «поскольку в период модернизации в обществе происходят сильные структурные изменения и возникают диспропорции... что ведет к опасности социально-политических кризисов» [8].

Охарактеризуем систему институтов непосредственной демократии с точки зрения их реализации, где первое место принадлежит выборам. Выборы являются формой непосредственного участия граждан в управлении государством как с точки зрения формирования высших предста-

вительных органов, так и персонала органов местного самоуправления. По мнению Н. О. Лосского, «творческая изобретательность человека и общества может найти много новых путей для усовершенствования техники этого отбора, например путем организации корпоративных, профессиональных и других форм представительства» [12. С. 476]. С точки зрения персонала никому, по мнению Н. О. Лосского, «не придет в голову утверждать, что современная демократия с ее избирательной борьбой есть идеально совершенный способ организации государства» [Там же. С. 476].

Другим реализуемым институтом демократии является референдум как один из способов демократического управления государственными делами по принятию конституций и других важных законов или внесения в них изменений.

По формам участия народа в осуществлении власти выделяют прямую, плебисцитарную и представительную демократию. В прямой демократии как выражении воли народа решаются вопросы территорий. Прямая демократия осуществляется процессом голосования по выбору представителей в органы государственной власти. Н. О. Лосский приводит слова И. А. Ильина, что «демократия хороша лишь постольку и тогда, когда она осуществляет аристократию, т.е. отбор в ряды верховной власти лиц, наиболее духовно одаренных для государственной деятельности» [12. С. 476].

Плебисцитарная демократия является другим способом выражения воли народа, рассматривается как разновидность прямой демократии и не выделяется в отдельную группу.

В представительной (репрезентативной) демократии воля граждан выражается не прямо, а через институт посредников, поэтому ее называют делегируемой демократией. Представительная демократия является сложной формой, так как народ выполняет регулятивную функцию в системе социального управления с точки зрения внутренних и внешних задач. Этим объясняется значимость демократии и, по свидетельству Н. О. Лосского, «вспышка

разочарования в демократии, характерная для нашего времени, объясняется не столько давно известными недостатками, присущими этому строю, сколько новизной и трудностью задач, вставших перед современным культурным обществом и опасных одиноково для всякого старого государственного порядка, как демократического, так и не демократического. Этим задач две: внутренняя и внешняя» [12. С. 477].

Возникает вопрос об субъектах непосредственной демократии, под которыми понимаются граждане и организации. К субъектам непосредственной демократии следует отнести:

- отдельные личности;
- различного рода объединения граждан: общественные организации, инициативные группы, собрания;
- граждан, проживающих на территории субъектов Российской Федерации, обладающих избирательным правом;
- весь многонациональный народ Российской Федерации.

При непосредственной демократии народ изъявляет свою волю в форме:

- всенародных и иных обсуждений проектов законов, других важных вопросов государственной жизни;
- правотворческой инициативы;
- участия в управлении делами общества через органы местного самоуправления, общественные организации, собрания и сходы граждан;
- индивидуальных или коллективных обращений (петиций) в органы государственной власти и местного самоуправления.

Непосредственная демократия — это форма непосредственного волеизъявления народа или каких-либо групп населения. Высшим непосредственным выражением власти народа являются референдум и свободные выборы. В России референдум есть форма прямого волеизъявления граждан по наиболее важным вопросам государственного и местного значения в целях принятия решения, осуществляемого посредством голосования граждан РФ, обладающих правом на участие в референдуме. Участники

референдума голосуют по проектам тех или иных решений (актов), которые в результате получают обязательную силу документов государства или местного самоуправления. Сложности связаны с тем, что непосредственная демократия в России слабо реализуется, население слабо активно, проявляет слабый интерес к проблематике и срокам реализации демократических свобод.

В декларации о государственном суверенитете РСФСР, принятой первым съездом народных депутатов РСФСР, в ст. 3 отмечено: «носителем суверенитета и источником государственной власти в РСФСР является ее многонациональный народ»; провозглашены две формы осуществления народом принадлежащей ему государственной власти: непосредственная и представительная; установлено, что вопрос о территории РСФСР может быть решен только путем волеизъявления народа, выраженного в ходе референдума.

Конституция РФ в ст. 3 предусматривает те же формы осуществления народовластия. За семидесятилетний период существования СССР всенародное голосование проводилось лишь однажды — 17 марта 1991 г. Была поставлена задача — выявить волю народа по одному из важнейших вопросов государственной жизни: о сохранении на территории нашей страны Союза как обновленной федерации суверенных республик и введении поста Президента РСФСР. По первому вопросу из 143 млн голосовавших, внесенных в списки для голосования, 70,12 % ответили «да», а 28,36 % — «нет» [17]. Таким образом, граждане СССР высказались за сохранение его территориального единства. Органы государственной власти Коми АССР и Северо-Осетинской АССР, а также Смоленский областной Совет народных депутатов приняли решение о неучастии данных регионов в голосовании [15]. Однако подавляющее большинство граждан СССР высказалось за сохранение единого федеративного государства.

В декабре 1991 г. СССР прекратил существование. Таким образом, референдум 1991 г. был единственным, первым и последним в истории СССР. Что касается

референдума по вопросу о введении поста Президента РСФСР, избираемого всенародным голосованием, 69,85 % высказались утвердительно. Неучастие в голосовании таких регионов, как Северо-Осетинская АССР, Татарская АССР, Чечено-Ингушская АССР, Коми АССР и Тувинский автономный округ, не повлияло на исход голосования по этому вопросу [15]. В результате референдума введен пост Президента РФ.

Принципы проведения референдума, закрепленные в ст. 2 Федерального конституционного закона от 28 июня 2004 г. № 5 (ред. от 24 апреля 2008 г.) «О референдуме Российской Федерации», основаны на положениях Конституции РФ: всеобщее равное и прямое волеизъявление при тайном голосовании; свобода и добровольность участия; гарантированность; открытость, гласность.

В Постановлении Конституционного Суда РФ от 21 марта 2007 г. «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 6 и 15 Федерального конституционного закона “О референдуме Российской Федерации”» в связи с жалобой граждан В. И. Лакеева, В. Г. Соловьева, В. Д. Уласа» [1] решен ряд вопросов, касающихся проведения референдума в Российской Федерации. В частности, признано соответствующим Конституции РФ положение п. 6 ч. 5 ст. 6 Федерального конституционного закона «О референдуме Российской Федерации», согласно которому не могут выноситься вопросы о принятии и изменении федерального бюджета об исполнении и изменении внутренних финансовых обязательств РФ, поскольку в системе действующего правового регулирования данные законоположения, не допуская вынесения на референдум вопросов, связанных с бюджетными обязательствами Российской Федерации, не предполагают запрет вынесения на референдум вопросов, ответы на которые могут повлечь изменение расходных обязательств РФ, за пределами срока действия Федерального закона о федеральном бюджете.

Безусловно, политическая практика расходится с конституционными деклараци-

ями и идет совершенно другим путем: в то время как представительная демократия уже утвердилась, а выборные институты обрели полноценную биографию, за срок действия Конституции РФ ни одного референдума на федеральном уровне не проводилось. На основе действующего Федерального конституционного закона «О референдуме Российской Федерации» неоднократно вносились инициативы со стороны граждан, однако до назначения референдума дело так и не доходило. При этом фактором, препятствующим развитию института референдума, является не конституция, а именно Федеральный конституционный закон «О референдуме Российской Федерации». В. Н. Руденко отмечает: «Провести референдум конструкция Федерального конституционного закона фактически не позволяет. Вряд ли это свидетельствует о демократизме норм, предусмотренных Федеральным конституционным законом» [19]. По мнению Е. А. Лукьяновой, «в стране фактически уничтожен институт референдума. Правовое регулирование порядка его инициирования и назначения доведено до состояния реальной невозможности ни инициировать всенародное голосование, ни назначить его без политической воли «сверху»» [13].

Вместе с тем в настоящее время имеется практика проведения шести региональных референдумов по объединению субъектов РФ. Так, по результатам решений региональных референдумов, образованы новые субъекты Федерации – Пермский край, объединенный Красноярский край, Камчатский край, Забайкальский край, Иркутская область. Явка избирателей во всех регионах превысила 70 % [15].

В ст. 22 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» речь идет о такой форме непосредственной демократии, как местный референдум, который представляет собой одну из форм непосредственного выражения народовластия. Местный референдум – утверждение публично-властных решений путем общего прямого голосования жителей, постоянно или преимущественно проживающих в гра-

ницах муниципального образования (его отдельных территорий), по вопросам местного значения. Однако нельзя утверждать, что это наиболее часто используемый и эффективный способ решения проблем местного уровня. Скорее его можно назвать факультативным инструментом осуществления местного самоуправления [21].

Близок к референдуму опрос по вопросам местного значения, проводимый в форме голосования жителей. Однако выявленное в ходе опроса мнение жителей не имеет силы обязательного решения — органы местного самоуправления, государственные органы обязаны лишь учитывать выраженное путем опроса мнение жителей в своей деятельности. Иногда опрос в форме голосования называют консультативным референдумом.

Как элемент конституционной системы, местный референдум закреплен в ч. 3 ст. 3 Конституции РФ. Вопросы проведения местного референдума регулируются Федеральным конституционным законом «О референдуме в Российской Федерации», Федеральными законами «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», конституциями, уставами, а также нормами законов субъектов РФ об организации местного самоуправления. Детально порядок организации и проведения местных референдумов определяют законы субъектов РФ, уставы муниципальных образований.

Предметом местного референдума являются вопросы местного значения, которые прямо и непосредственно связаны с интересами жизни и быта населения, проживающего на соответствующей территории. Это вопросы непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения муниципального образования, решение которых осуществляется населением и (или) органами местного самоуправления самостоятельно.

Субъектом правотворческой инициативы является группа граждан РФ, заре-

гистрированных в установленном законом порядке, имеющих место жительства на территории муниципального образования и обладающих активным избирательным правом на выборах местных органов самоуправления [23].

Реализация права народной правотворческой инициативы осуществляется путем формирования инициативных групп на основе волеизъявления граждан на собраниях по месту жительства, заседаниях органов местного самоуправления, на сходах граждан и во время проведения общественно-политических акций. Инициативная группа в составе определенного законом количества человек регистрирует народную правотворческую инициативу в органе местного самоуправления. Для этого в орган местного самоуправления передаются: текст петиции, текст проекта нормативного правового акта, предлагаемого к принятию, и список членов инициативной группы с указанием фамилий, имен, отчествов, мест работы, адресов, телефонов.

Для признания народной правотворческой инициативы, успешно осуществленной в ее поддержку, необходимо собрать определенное количество подписей. Оригиналы подписных листов вместе с окончательным текстом петиции и проектом нормативного правового акта направляются на имя руководителя органа местного самоуправления. Право проверки правильности оформления подписных листов и представленных в них сведений может принадлежать специальной комиссии органа местного самоуправления либо территориальной избирательной комиссии соответствующего уровня. В случае обнаружения в подписных листах определенного законом процента фальсифицированных подписей соответствующая комиссия вправе отказать инициативной группе в регистрации всех ее подписных листов. Решение об официальной регистрации петиции должно приниматься на заседании органа местного самоуправления в присутствии уполномоченных представителей инициативной группы.

При условии успешного осуществления народной правотворческой инициати-

вы орган местного самоуправления обязан принять соответствующий нормативный правовой акт. Рассмотрение проекта нормативного правового акта, внесенного в порядке реализации народной правотворческой инициативы, должно быть проведено органом местного самоуправления или должностным лицом местного самоуправления в течение трех месяцев со дня его внесения.

На заседании органа местного самоуправления при рассмотрении проекта нормативного правового акта, предложенного в порядке осуществления народной правотворческой инициативы, вправе присутствовать и выступить с докладом один из представителей инициативной группы.

Гарантией осуществления народной правотворческой инициативы должна быть гласность. Она проявляется в том, что все решения органа местного самоуправления, касающиеся осуществления народной правотворческой инициативы, подлежат опубликованию в печати в течение установленного законом срока. Традиционной гарантией является возможность обжалования решения органа местного самоуправления по вопросам осуществления народной правотворческой инициативы в суд.

В Федеральном законе № 131 в ст. 26 отмечено, что «народная правотворческая инициатива граждан – это новый институт непосредственной демократии. Это форма непосредственного осуществления контроля определенной законом группой граждан местного самоуправления посредством внесения ими проекта правового акта по вопросам местного значения, отмене или изменении ранее принятых нормативно-правовых актов для последующего вынесения соответствующей инициативы на местный референдум или принятие представительным органом местного самоуправления» [22].

Также Конституция РФ (от 12 декабря 1993 г.) в ст. 33 закрепила право граждан на обращение в государственные органы и органы местного самоуправления. Право на обращение является важным конституционно-правовым средством защиты прав и свобод граждан и одной из организационно-правовых гарантий их охраны.

Статья 2 Федерального закона от 2 мая 2006 г. № 59 (ред. от 27 июля 2010 г.) «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» более подробно раскрывает право граждан на обращение: «Граждане имеют право обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы, органы местного самоуправления и должностным лицам. Граждане реализуют право на обращение свободно и добровольно. Осуществление гражданами права на обращение не должно нарушать права и свободы других лиц. Рассмотрение обращений граждан осуществляется бесплатно».

Обращения граждан выполняют сразу несколько функций: во-первых, они являются одной из форм участия граждан в управлении делами государства; во-вторых, это один из способов восстановления нарушенного права; в-третьих, это один из источников информации для органов государственной власти и местного самоуправления; в-четвертых, обращение можно рассматривать как один из способов устранения нарушений законности.

В ст. 4 ФЗ об обращениях раскрываются понятия «обращения граждан», «заявление», «жалоба», «должностное лицо».

Под обращением граждан понимаются направленные в государственный орган, орган местного самоуправления или должностному лицу в письменной форме или в форме электронного документа предложение, заявление или жалоба, а также устное обращение гражданина в государственный орган, орган местного самоуправления. Таким образом, по типу обращение может быть предложением, заявлением или жалобой. При этом каждый из типов обращения обладает своей спецификой, а по форме допустимы как письменные (или в форме электронного документа), так и устные обращения.

Предложение – это рекомендация гражданина по совершенствованию деятельности государственных органов и органов местного самоуправления, развитию общественных отношений, улучшению со-

циально-экономической и иных сфер деятельности государства и общества. Заявление — просьба гражданина о содействии в реализации его конституционных прав и свобод или конституционных прав и свобод других лиц, либо сообщение о нарушениях в работе государственных органов, органов местного самоуправления и должностных лиц, либо критика деятельности указанных органов и должностных лиц. Жалоба — просьба гражданина о восстановлении или защите его нарушенных прав, свобод или законных интересов либо прав, свобод или законных интересов других лиц. Очевидно, что предложение — действенный инструмент участия гражданина в политическом процессе. Однако, если на предложение гражданина и обратят внимание, в нашей стране любые благие начинания имеют опасность завязнуть в «болоте» бюрократического аппарата [3].

Такой тип обращения, как заявление, может преследовать как позитивную, так и негативную цели. Позитивной целью является просьба оказать содействие заявителю или иным лицам в реализации каких-либо конституционных прав или свобод. К негативной цели относится сообщение о нарушении законов и иных нормативных правовых актов, недостатках в работе государственных органов, органов местного самоуправления и должностных лиц либо критика деятельности указанных органов и должностных лиц [16].

С помощью жалобы в государственные органы или органы местного самоуправления, а также должностным лицам гражданин стремится обеспечить защиту своего права, свободы, законного интереса или устранения уже произошедших нарушений прав [5]. Гражданин может также действовать в чужих интересах или в целях прав свобод и законных интересов неопределенного круга лиц. Право на подачу жалобы является абсолютным, неограниченным и неотчуждаемым правом личности. Примером подачи такого типа обращения может служить жалоба на действия (бездействие) должностного лица, поданная в установленном порядке его руководству, в прокуратуру или в суд [7].

Обращения граждан являются, с одной стороны, существенным источником информации, необходимой для решения вопросов государственного строительства, с другой — одной из важнейших форм и гарантий участия граждан в управлении делами общества и государства. Нередки случаи, когда только при непосредственном обращении гражданина в государственный орган можно получить информацию, непосредственно касающуюся заявителя, для осуществления им своих конституционных прав [20]. Однако далеко не все государственные структуры готовы предоставить законно требуемую информацию и документы по обращению гражданина. Часто заявителю отказывают в предоставлении информации в связи «со спецификой деятельности организации», «соблюдением режима государственной (служебной, коммерческой) тайны».

Институт обращений граждан в органы государственной власти, местного самоуправления является важнейшим механизмом «обратной связи», позволяет судить о степени доверия населения, выявлять «узкие места», изучать социально-экономическое положение значительной части населения. Так, на примере работы с обращениями граждан в Волгоградскую областную Думу в 2011 г. поступило 1607 письменных обращений граждан, трудовых коллективов предприятий, общественных объединений области и регионов Российской Федерации [9]. В основном авторами поступающих писем являлись представители наименее социально защищенных групп населения: инвалиды и участники Великой Отечественной войны, ветераны труда, инвалиды труда и с детства, пенсионеры, многодетные и неполные семьи, работники бюджетной сферы. В их обращениях отражаются наиболее важные социально-экономические проблемы и политические события в стране и за рубежом: оказание материальной помощи, пересмотра размера пенсий, социальных пособий, внедрение современных технологий и использование нового удобного и эффективного формата общения между обществом и властью.

Еще один канал проявления самоуправления населения — митинги, демонстрации, уличные шествия, пикеты, тому подобные разовые публичные акции. Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» выделяет две категории субъектов этого права: организаторы и участники собраний, митингов, шествий, демонстраций и пикетирований. Роль субъектов в проведении собраний, митингов, шествий, демонстраций и пикетирований определяет круг требований, предъявляемых к ним. Согласно ст. 5 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» организаторами собрания, митинга, шествия, демонстрации и пикетирования могут быть один или несколько граждан РФ, а также политические партии, другие общественные объединения и религиозные объединения, их региональные отделения и иные структурные подразделения, взявшие на себя обязательство по организации и проведению публичного мероприятия. При этом организатором демонстрации, шествий и пикетирования вправе быть гражданин РФ, достигший возраста 18 лет, митингов и собраний — 16 лет. Установление возрастного ценза для организаторов собраний и митингов можно объяснить тем, что по достижении 16-летнего возраста у гражданина наступает административная ответственность, которая возможна для организаторов перечисленных публичных мероприятий.

Участниками публичного мероприятия признаются, согласно ст. 6 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях», граждане, члены политических партий, члены и участники других общественных объединений и религиозных организаций, добровольно участвующие в нем. Возраст участников публичных мероприятий не регламентирован. Численность участников публичных манифестаций также не регламентируется, что свидетельствует об уважении к конституционным правам и свободам граждан.

Членами общественных объединений, религиозных организаций могут быть иностранцы и лица без гражданства, за исключением случаев, установленных федеральными законами и международными договорами. Таким образом, иностранцы и лица без гражданства также могут быть участниками публичных мероприятий. Это соответствует ст. 11 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — Конвенция о защите прав человека и основных свобод) от 3 сентября 1953 г. (Бюллетень международных договоров. 2001. № 3. С. 3-44), согласно которой каждый имеет право на свободу мирных собраний.

В Федеральном законе «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» вводится определение понятий «публичное мероприятие», «собрание», «митинги», «шествие», «демонстрация» и «пикетирование». Вместе с тем Закон впервые содержит термин, обобщающий перечисленные формы участия граждан в общественно-политической жизни страны, — «публичное мероприятие». Оно определяется как открытая, мирная, доступная каждому, проводимая в форме собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования либо в различных сочетаниях этих форм акция, осуществляемая по инициативе граждан РФ, политических партий, других общественных объединений и религиозных объединений (ст. 2). В отличие от нормы ст. 31 Конституции РФ в приведенном определении публичного мероприятия отсутствуют слова «без оружия». Термины «мирно» и «без оружия» не идентичны, ибо возможно собрание, проводимое без оружия, но отнюдь не мирное, и наоборот. В связи с этим представляется необходимым определение публичного мероприятия, приведенное в п. 1 ст. 2 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях», дополнить словами «без оружия». Признаком, объединяющим перечисленные виды публичных мероприятий, является цель — свободное выражение и формирование мнений, а также выдвижение требований по различным

вопросам политической, экономической, социальной и культурной жизни страны и вопросам внешней политики.

В. О. Матвеев в работе, посвященной анализу развития законодательства о публичных собраниях во Франции, Германии и Англии в XVIII – XIX вв., отмечал, что публичные собрания могут проводиться как в частных, так и в публичных интересах. Граждане могут собираться для обсуждения своих частных дел, не имеющих никакого отношения к политике и не представляющих никакого интереса для государственной власти, например, собрания книголюбов, любителей домашних животных и т.п. Другое дело – публичные собрания, созываемые для обсуждения политических вопросов, собрания, имеющие целью создать в населении то или другое отношение к общественно значимым вопросам. Не может быть сомнения в том, что собрания такого рода представляют для государственной власти определенный интерес [14].

Митинг – массовое присутствие граждан в определенном месте для публичного выражения общественного мнения по поводу актуальных проблем преимущественно общественно-политического характера. Демонстрация – организованное публичное выражение общественных настроений группой граждан с использованием во время передвижения плакатов, транспарантов и иных средств наглядной агитации. Шествие – массовое прохождение граждан по заранее определенному маршруту в целях привлечения внимания к каким-либо проблемам. Пикетирование – форма публичного выражения мнений, осуществляемого без передвижения и использования звукоусиливающих технических средств путем размещения у пикетируемого объекта одного или более граждан, использующих плакаты, транспаранты и иные средства наглядной агитации.

Расширение круга принципов участия граждан в организации и проведении публичных мероприятий за счет названных идей соответствовало бы правовой позиции Европейского суда, изложенной в решении по делу Густафсон против Швеции от

25 апреля 1996 г. Суть ее состоит в том, что основной целью ст. 11 Конвенции о защите прав человека и основных свобод является защита лица от произвольного вмешательства публичных властей в реализацию его прав. Однако в дополнение к этому могут предусматриваться и позитивные обязательства по обеспечению эффективного их использования. Органы власти при определенных условиях обязаны вмешиваться и в отношении между частными лицами, принимая разумные и подходящие меры для обеспечения эффективного использования негативного права на свободу собрания [24]. Частные интересы могут быть реализованы через публичные интересы, публичные мероприятия. «То, что Руссо называет общей волей, есть на самом деле продукт столкновения различных частных интересов и многих частных волей» [4].

Публичный характер собраний, митингов, шествий, демонстраций и пикетирования определяет необходимость соблюдения требований ч. 3 ст. 17 Конституции РФ о том, что осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц. Следует признать необходимость уточнения ряда положений Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях». Они должны быть формально определенными, точными, четкими и ясными, не допускающими расширительного толкования установленных ограничений и, следовательно, произвольного их применения (Постановление Конституционного Суда РФ от 10 марта 2003 г. «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации”» [2]).

Выводы. Таким образом, право на свободу собраний, митингов, шествий, демонстраций и пикетирований является важным элементом народовластия, формой участия граждан в управлении делами государства, как на общенациональном, так и на уровне субъектов РФ и местного самоуправления.

Современный экономико-политический прогресс во многом стимулирует развитие демократии, питает демократический менталитет и демократические ценностные ориентации граждан, имеет мультикультурный и страноведческий варианты. Как отмечает А. М. Кузнецов, «задача управления этнокультурным разнообразием при действующих трендах социально-политической эволюции становится одной из наиболее актуальных проблем, если они стремятся укреплять свою вну-

тренную стабильность» [10]. Демократия требует в свободе информации и плюрализма общественной жизни в целом, в том числе на уровне местного самоуправления. По утверждению А. Н. Кухарского, «защищенность электронного документооборота недостаточна и на уровне муниципалитетов требует трансформации» [11]. Демократия предполагает реализацию гуманистических ценностей: свободы, равноправия, справедливости.

Список литературы

1. Вестник Конституционного Суда РФ. 1998. № 8. С. 2–3.
2. Вестник Конституционного Суда РФ. 2003. № 6. С. 10–11.
3. Бородин И. А. О праве граждан на обращения в защиту своих прав и свобод // Военно-юридический журнал. 2007. № 8. С. 10–15.
4. Войничанис Е. А., Кочешкова Е. А. Перечитывая Руссо: история, античность и проблемы демократии // Государственная власть и местное самоуправление. 2010. № 2. С. 37–43.
5. Галанюк В. В. Обращения граждан – источник важной информации // Вестник АКСОР. 2010. № 12. С. 233–234.
6. Гаман-Голутвина О. В. И тут кончается искусство, и дышит почва и судьба // МЕТОД. 2010. Вып. 1. С. 356–359.
7. Гриб В. В. Обращение граждан в органы государственной и местной власти как эффективная правовая форма воздействия на публичную власть // Юридический мир. 2010. № 12. С. 20–24.
8. Гринин Л. Е. Модернизационные ловушки в мировой динамике: история и современность // МЕТОД. 2011. Вып. 2. С. 206–226.
9. Итоги работы Волгоградской областной Думы, 2011 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.volgoduma.ru/index.php?option> (дата обращения: 17.11.2017).
10. Кузнецов А. М. Формирование мультикультурных наций в условиях глобализации: канадский вариант // МЕТОД. 2010. Вып. 1. С. 160–175.
11. Кухарский А. Н. Информационная безопасность в аспекте защищенного электронного документооборота в информационных системах муниципальных образований // Вестник Забайкал. гос. ун-та. 2017. Т. 23, № 7. С. 86–90.
12. Лосский Н. О. Органическое строение общества и демократия // Антология мировой политической мысли: в 5 т. Т. 4. Политическая мысль в России (вторая половина XIX–XX в.). М.: Мысль, 1997. 829 с.
13. Лукьянова Е. А. Конкуренция в политике = конкуренция в бизнесе? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.polit.ru/article/2007/04/24/freedom1> (дата обращения: 13.12.2017).
14. Матвеев В. О. Право публичных собраний. Очерк развития и современной постановки права публичных собраний во Франции, Германии и Англии. СПб.: Тип. т-ва «Обществ. польза», 1909. 412 с.
15. Независимый информационно-аналитический портал о выборах «Выборы-20...» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.viboru.info.ru> (дата обращения: 28.11.2017).
16. Нилов Д. Г. Обращения граждан: понятие и виды // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. 2010. № 3. С. 12–18.
17. Официальный сайт Президента [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 18.12.2017).
18. Павлонен К. «Объективность» как «честная игра». Веберовское переопределение нормативного понятия // МЕТОД. 2010. Вып. 1. С. 413–433.
19. Руденко В. Н. Конституционно-правовые проблемы прямой демократии в современном обществе. Екатеринбург: УО РАН, 2003. 476 с.
20. Сергеев Е. А. Принципы взаимодействия государственных органов по поводу обращений граждан // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 23. С. 7–10.
21. Симонишвили Л. Р. Государственная власть и местное самоуправление // Юридический журнал. 2016. № 2. С. 3–5.
22. Статья 26. Правотворческая инициатива граждан [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.zonazakona.ru/law/comments/art/3063/> (дата обращения: 20.12.2017).

23. Шаклеин Н. И. Динамика и качество законотворческого процесса в Российской Федерации // Журнал российского права. 2008. № 9. С. 3–14.
24. Яковенко М. А. Право на проведение собраний, митингов, демонстраций, шествий и пикетирования в системе конституционных прав и свобод // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 3. С. 11–16.
25. Matuz R., Harris B., Craughwell T. J. *Presidents Fact Book Revised and Updated! The Achievements, Campaigns, Events, Triumphs, and Legacies of Every President from George Washington to the Current One*. Black Dog, Leventhal, 2017. 808 p.

References

1. *Vestnik Konstitutsionnogo Suda RF* (Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation), 1998, no. 8, pp. 2–3.
2. *Vestnik Konstitutsionnogo Suda RF* (Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation), 2003, no. 6, pp. 10–11.
3. Borodin I. A. *Voenno-yuridicheskiy zhurnal* (Military-legal journal), 2007, no. 8, pp. 10–15.
4. Voinikanis E. A., Kocheshkova E. A. *Gosudarstvennaya vlast i mestnoe samoupravlenie* (State power and local self-government), 2010, no. 2, pp. 37–43.
5. Galanyuk V. V. *Vestnik AKSOR* (Vestnik of AKSOR), 2010, no. 12, pp. 233–234.
6. Gaman-Golutvina O. V. *METOD* (Method), 2010, vol. 1, pp. 356–359.
7. Grib V. V. *Yuridicheskiy mir* (World of Law), 2010, no. 12, pp. 20–24.
8. Grinin L. Ye. *METOD* (Method), 2011, vol. 2, pp. 206–226.
9. Results of the work of the Volgograd Regional Duma, 2011. Available at: <http://www.volgoduma.ru/index.php?option> (Date of access: 17.11.2017).
10. Kuznetsov A. M. *METOD* (Method), 2010, vol. 1, pp. 160–175.
11. Kukharsky A. N. *Vestnik Zabaykal. gos. un-ta* (Transbaikal State University Journal), vol. 23, no. 7, pp. 86–90.
12. Lossky N.O. *Antologiya mirovoy politicheskoy mysli: v 5 t. T. 4. Politicheskaya mysl v Rossii vtoraya polovina XIX-XX v.* (Anthology of world political thought: in 5 vol. Vol. 4. Political thought in the second half of the XIX-XX century). Moscow: Mysl, 1997. 829 p.
13. Lukyanova E.A. *Konkurentsiya v politike = konkurentsiya v biznese?* (Competition in politics = Is competition in business?). Available at: <http://www.polit.ru/article/2007/04/24/freedomI> (Date of access: 13.12.2017).
14. Matveev V.O. *Pravo publichnykh sobraniy. Ocherk razvitiya i sovremennoy postanovki prava publichnykh sobraniy vo Frantsii, Germanii i Anglii* (The right of public meetings. Essay on the development and modern setting of the right of public meetings in France, Germany and England). St. Petersburg: Type. t-va “Society. usefulness “, 1909. 412 p.
15. *Nezavisimiy informatsionno-analiticheskiy portal o vyborah «Vybory-20...»* (Independent information and analytical portal on the elections “Elections-20...”). Available at: <http://www.viboru.info.ru> (Date of access: 28.11.2017).
16. Nilov D.G. *Problemy ukrepleniya zakonnosti i pravoporyadka: nauka, praktika, tendentsii* (Problems of strengthening law and order: science, practice, trends), 2010, no. 3, pp. 12–18.
17. *Ofitsialny sayt Prezidenta* (Official site of the President). Available at: <http://www.kremlin.ru> (Date of access: 18.12.2017).
18. Pavlonen K. *METOD* (Method), 2010, vol. 1, pp. 413–433.
19. Rudenko V.N. *Konstitutsionno-pravovye problemy pryamoy demokratii v sovremennom obshchestve* (Constitutional and legal problems of direct democracy in modern society). Yekaterinburg: UO RAS, 2003. 476 p.
20. Sergeev E. A. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo* (Constitutional and municipal law), 2009, no. 23, pp. 7–10.
21. Simonishvili L.R. *Yuridicheskiy zhurnal* (Law Journal), 2016, no. 2, pp. 3–5.
22. *Statiya 26. Pravotvorcheskaya initsiativa grazhdan* (Article 26. Legislative initiative of citizens). Available at: <http://www.zonazakona.ru/law/comments/art/3063/> (Date of access: 20.12.2017).
23. Shaklein N. I. *Zhurnal Rossiyskogo prava* (Journal of Russian Law), 2008, no. 9, pp. 3–14.
24. Yakovenko M.A. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo* (Constitutional and municipal law), 2009, no. 3, pp. 11–16.
25. Matuz R., Harris B., Craughwell T. J. *Presidents Fact Book Revised and Updated! The Achievements, Campaigns, Events, Triumphs, and Legacies of Every President from George Washington to the Current One* (Presidents Fact Book Revised and Updated! The Achievements, Campaigns, Events, Triumphs, and Legacies of Every President from George Washington to the Current One). Black Dog, Leventhal, 2017. 808 p.

Коротко об авторе

Briefly about the author

Денисов Юрий Владимирович, аспирант, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия. Область научных интересов: политические науки, демократия, права и свободы
vjhbelh.jy@yandex.ru

Yuri Denisov, postgraduate, Transbaikal State University, Chita, Russia. Sphere of scientific interests: political science, democracy, rights and freedoms

Образец цитирования

Денисов Ю.В. Реализация непосредственной демократии в России // Вестн. Забайкал. гос. ун-та. 2018. Т. 24. № 3. С. 50–62. DOI: 10.21209/2227-9245-2018-24-3-50-62.

Denisov Y. Implementation of direct democracy in Russia // Transbaikal State University Journal, 2018, vol. 24, no. 3, pp. 0–62. DOI: 10.21209/2227-9245-2018-24-3-50-62.

Статья поступила в редакцию: 06.03.2018 г.
Статья принята к публикации: 28.03.2018 г.

УДК 323.111

DOI: 10.21209/2227-9245-2018-24-3-63-71

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ: ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ КОММУНИКАТИВНОГО КОМПОНЕНТА

ETHNO-CULTURAL COMPETENCE OF FUTURE SPECIALISTS IN THE SOCIAL SPHERE: DYNAMICS OF THE COMMUNICATIVE COMPONENT

*М. С. Жилиева, Забайкальский государственный университет,
г. Чита
m.jiliaewa@yandex.ru*

M. Zhilyaeva, Transbaikal State University, Chita

На основе предложенной структуры этнокультурной компетентности как элемента политической компетентности раскрывается динамика развития одного из ее компонентов – коммуникативного, который, в свою очередь, представлен такими элементами, как проявление адекватного поведения и поступков по отношению к представителям иных этнокультурных групп, способность к эффективному и безоценочному общению с их представителями; критериями выступают эмпатийность в межличностном общении с показателем эмоциональной синтонности в общении с клиентом и сензитивность с показателем чувствительности к этническим особенностям личности, а также адаптивность, коммуникативность и способность к коррекции поведения. Результатом эмпирического исследования и сопоставления структур политической компетентности и этнокультурной компетентности стало выявление динамики развития коммуникативного компонента этнокультурной компетентности при реализации этно- и практико-ориентированной программы

Ключевые слова: политическая компетентность; коммуникативный компонент этнокультурной компетентности; этнокультурная компетентность; компоненты этнокультурной компетентности; развитие этнокультурной компетентности; специальные этнокультурные компетенции; социальная политика; многонациональный поликультурный регион; психологические методы исследования; специалисты социальной сферы

On the basis of the proposed structure of ethno – cultural competence as an element of political competence, the author reveals the dynamics of the development of one of its components-communicative, which, in turn, is represented by such elements as the manifestation of adequate behavior and actions towards representatives of other ethno-cultural groups; the ability to communicate effectively and without value with their representatives; the criteria are empathy in interpersonal communication with an indicator of emotional sintonicity in communication with the client and sensibility with an indicator of sensitivity to ethnic characteristics of the individual, as well as adaptability, communication and ability to correct behavior. The result of empirical research and comparison of the structures of political competence and ethno - cultural competence was the identification of the dynamics of the development of the communicative component of ethno-cultural competence in the implementation of ethno- and practice-oriented programs

Key words: political competence; communicative component of ethno-cultural competence; ethno-cultural competence; components of ethno-cultural competence; development of ethno-cultural competence; special ethno-cultural competence; social policy; multinational multicultural region; psychological methods of research; social specialists

Введение. Этнокультурный контекст социальной политики определяется двумя основными тенденциями современности: с одной стороны, это глобализационные процессы, которые обуславливают взаимопроникновение и переплетение этносов, активизируют диалог культур, с другой — усиливается стремление этнокультурных групп найти свое место в поликультурном мире, сохраняя при этом самобытность.

Социальная дифференциация, углубляющаяся в обществе, выражается в заметном расслоении не только по экономическому, но и по этнокультурному и этноконфессиональному признакам. Этнокультурные особенности личности в полной мере проявляются в социальной сфере многонациональных, поликультурных регионов, таких как Забайкальский край, и обостряются в ситуации социально-экономического и социально-политического неблагополучия.

Так как региональная социальная политика ориентирована на защиту и помощь населению, которое в силу каких-либо причин оказалось в трудной жизненной ситуации, а также на создание условий для того, чтобы каждый человек мог самостоятельно формировать стабильные, благополучные социальные позиции как для себя, так и для своей семьи, то развитие коммуникативного компонента этнокультурной компетентности как элемента политической компетентности становится важным фактором реализации региональной социальной политики.

В работах современных исследователей понятие «политическая компетентность» рассматривается в том числе как личностная характеристика, «необходимая совокупность личностных качеств руководителя, общественного деятеля, характеристика органа власти, включающая высокий профессионализм, знание политических интересов людей, ситуации, в которой он действует, умение анализировать систему общественно-политических отношений, взаимодействие политических сил, прогнозировать последствия тех или иных мер и действий» [6; 7; 11; 12; 13]; как процесс и

«результат политической социализации, посредством которой субъект обретает необходимый уровень знаний, навыков и опыта в области истории, политики и общественной жизни для осознанного участия в общественно-политических процессах» [8]. Структура политической компетентности представлена различными способностями (компонентами): коммуникативная — способность воспринимать чужое мнение; когнитивная — умение самостоятельно искать и отбирать необходимую информацию; поведенческая — способность принимать ответственные решения относительно своего участия в политических процессах, анализировать политическую ситуацию, опираясь на собственные, и не только, знания и опыт [9].

Для успешной реализации социальной политики в поликультурном многонациональном регионе, с целью понимания проблем разных этнических сообществ, выявления культурно-обусловленных трудностей взаимопонимания между представителями различных этнокультурных групп и поиска путей в системе этнокультурного взаимодействия на основе межкультурной толерантности, необходимо развитие компонентов этнокультурной компетентности, прежде всего, коммуникативного компонента.

В этнокультурной компетентности специалистов социальной сферы, реализующих социальную политику в многонациональном поликультурном регионе, к числу специальных этнокультурных компетенций можно отнести понимание специфики деятельности в иной этнокультурной среде; знание культурно-материальных, социально-психологических особенностей этнокультурной группы, к которым относятся получатели социальных услуг, владение этическими нормами межкультурного общения; нравственные качества личности, такие как гуманность, этническая толерантность, справедливость, активная моральная позиция, ответственность, альтруизм.

Следовательно, этнокультурная компетентность является как фактором, влияю-

щим на успешность реализации региональной социальной политики, так и элементом политической компетентности и проявляется в совокупности умений личности принимать когнитивные, коммуникативные и поведенческие адекватные решения, что отражает основную структуру этнокультурной компетентности.

Этнокультурная компетентность специалиста социальной сферы как проявление знаний, навыков и умений позволяет правильно оценивать специфику и условия взаимодействия и взаимоотношений с представителями конкретных этнических общностей, понимать своеобразие их традиций, привычек и психологических качеств, а также позволяет находить адекватные формы воздействия на них с целью поддержания атмосферы взаимного доверия и конструктивного сотрудничества. Этнокультурная компетентность – сложное интегративное понятие, включающее теоретическую и практическую готовность к жизнедеятельности в полиэтническом социуме [14].

Рассматривая процесс общения в целом как обмен информацией (коммуникативная сторона) [4], предположим, что в его структуру входит:

- налаживание диалога между субъектами коммуникации, что обеспечивает единство совместной деятельности, общения и познания в процессе общения, т.е. совместное постижение предмета;

- воздействие на партнера по общению посредством норм, социальных ролей, ценностей, традиций, обычаев, через которые этнокультура влияет на процесс коммуникации.

С учетом данной структуры процесса общения коммуникативный компонент этнокультурной компетентности рассматривается как позитивное отношение к наличию в обществе различных этнокультурных групп, как умение понимать их представителей и взаимодействовать с партнерами [16].

Этнокультурная компетентность как элемент политической компетентности включает личностное развитие индивида, развитие этнической и культурной грамот-

ности, осознание взаимовлияния, взаимообогащения культур в современном мире, а также развитие интегративных процессов при сохранении самобытности культур.

Опираясь на понимание развития этнокультурной компетентности как элемента политической компетентности, содержанием которого является личностное развитие индивида, развитие этнической и культурной грамотности, осознание взаимовлияния, взаимообогащения культур в современном мире, а также развитие интегративных процессов при сохранении самобытности культур [2; 3], мы рассматриваем следующий в ее структуре коммуникативный компонент, который отражает необходимость проявления адекватного поведения и поступков по отношению к представителям иных этнокультурных групп, а также способность к эффективному и безоценочному общению с их представителями. Критериями выступают эмпатийность в межличностном общении с показателем эмоциональной синтонности в общении с клиентом и сензитивность с показателем чувствительности к этническим особенностям личности, а также адаптивность с низкими показателями агрессивности и конфликтности.

Методология и методика исследования. По мнению В. С. Крайтермана, применение в исследовании политического поведения индивида психологических методов (побуждений, желаний, эмоциональности, агрессивности, адекватности и т. д.) помогает проанализировать индивидуальные качества личности, черты его характера, бессознательные психические процессы, влияющие на политическое поведение индивида. Данные методы восходят к основоположнику психоанализа З. Фрейду, который объяснял мотивы активности субъекта, в том числе и политической, неудовлетворенностью его базовых потребностей: потребности в общении (коммуникация); потребность в безопасности (в том числе и адаптивность в социуме), потребность в эмоциональной близости и взаимопонимании (эмпатия, сензитивность, синтонность).

В исследовании коммуникативного компонента этнокультурной компетентности будущих специалистов социальной сферы использован блок методов и методик, направленных на выявление особенностей поведения личности в иной этнокультурной среде. Основным методом исследования являлся лонгитюдный – исследование различий по определенному признаку или группе признаков в пределах значительного отрезка времени (в нашем исследовании – в течение четырех лет, среди студентов направления 39.03.02 – *Социальная работа*). Исследование проводилось на базе Забайкальского государственного университета в 2013–2017 гг., среди студентов I–IV курсов, очной и заочной форм обучения, экспериментальная группа составила 22 человека (русские – 15, буряты – 3, другие национальности – 4); контрольная группа – 20 человек (русские – 15, буряты – 2, другие национальности – 3). Исследование проводилось при сравнении двух групп, отобранных методом квотной рандомизации из числа студентов Забайкальского государственного университета путем сравнения с лонгитюдом, где сопоставлялись различия в уровне социальной приемлемости и социальной дистанции, толерантности и адаптивности как профессионально важных качеств для работы в многонациональном поликультурном регионе, а также изучался процесс изменения этих особенностей под влиянием времени, процесса обучения, в ходе которого реализована программа развития этнокультурной

компетентности, включавшая этно- и практико-ориентированную программу подготовки студентов к будущей профессиональной деятельности. Дополнительные методы: метод сбора анамнестических данных путем интервьюирования, психодиагностические методы (стандартное тестирование).

Исследование коммуникативного компонента этнокультурной компетентности включало следующие критерии: межкультурные эмпатийные процессы, этническую толерантность и сензитивность – чуткость к этнокультурным проявлениям личности. Методики исследования: методика исследования уровня социальной дистанции по шкалам Э. Бодгаруса, О. Л. Романовой, методика исследования уровня эмпатийности И. М. Юсупова.

Исследование способности к гибкой адаптации к особенностям иной этнокультуры, коррекции поведения, а также построение эффективной коммуникации с представителями иной этнокультурной общности проводилось при помощи теста агрессивности – адаптивности (опросник Л. Г. Почебут).

Результаты исследования и область их применения. Этническая толерантность и сензитивность к представителям иной этнокультурной общности исследовались при помощи методики исследования уровня социальной дистанции Э. Бодгаруса, О. Л. Романовой и других по следующим шкалам: реальная социальная приемлемость, социальная экспансивность и этническая толерантность (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Уровень социальной дистанции / Level of social distance

Этап / Stage	Реальная социальная приемлемость / Real social acceptability	Социальная экспансивность / Social expansiveness	Коэффициент этнической толерантности / Factor of ethnic tolerance
Экспериментальная группа / Experimental group			
I	39,2	36,4	55
II	54	60	78
Контрольная группа / Control group			
I	36,7	35,4	40
II	38	41,5	42,7

Реальная социальная приемлемость отражает стремление к интеграции и даже ассимиляции с представителями других этнических групп. Положительная социальная приемлемость более 50 % свидетельствует о стремлении к интеграции одного этноса с другим; менее 50 % – об автономности данного этноса, наличии явного или скрытого конфликта.

Социальная экспансивность отражает выраженность и направленность социальных чувств представителей одного этноса по отношению к другому. Социальная экспансивность более 50 % свидетельствует о глубоких позитивных чувствах, интересе представителей одного этноса по отношению к другому; менее 50 % – речь может идти об определенной напряженности в отношениях; отрицательная социальная экспансивность свидетельствует о сильной эмоциональной неприязни к другому этносу в целом.

Коэффициент этнической толерантности отражает устойчивость и терпимость в отношении к представителям другого этноса. Чем выше данный коэффициент, тем более толерантен испытуемый к представителям других этнокультурных групп.

Исследование межкультурных эмпатийных процессов проводилось по методике исследования уровня эмпатийности (автор И. М. Юсупов). Методика используется для исследования эмпатии как ключевого фактора в тех видах деятельности, которые требуют понимания этнокультурной картины мира партнера по общению, сопереживанию, способности к произвольной эмоциональной отзывчивости на переживания других людей, таких как политическая, врачебная, воспитательная, обучающая деятельность и деятельность специалиста социальной сферы, осуществляющего профессиональную деятельность в иной этнокультурной среде (табл. 2).

Таблица 2 / Table 2

Исследование уровня эмпатийности студентов / Study of students' level of empathy

Уровень эмпатийности / Level of empathy	Экспериментальная группа I этап / Experimental group Stage I		Экспериментальная группа II этап / Experimental group Stage II	
	Средний балл / Middle mark	Процент / Percent	Средний балл / Middle mark	Процент / Percentage
Высокий / High mark (63–81 балл)	70,6	15,7	68	98
Средний / Middle mark (37–62 балла)	50,1	84,3	56,5	2
Низкий / Low mark (менее 36 баллов)	-	-	-	-
Уровень эмпатийности / Level of empathy	Контрольная группа I этап / Control group Stage I		Контрольная группа II этап / Control group Stage II	
	Средний балл / Middle mark	Процент / Percentage	Средний балл / Middle mark	Процент / Percentage
Высокий / High mark (63–81 балл)	66,8	40	68	35
Средний / Middle mark (37–62 балла)	54,5	55	49,9	55
Низкий / Low mark (менее 36 баллов)	35	5	32	10

Анализируя данные исследования процессов, следует отметить, что после реализации этно- и практико-ориентированной

программы показатели высокой эмпатийности изменились на 82,3 %, что свидетельствует об овладении коммуникативной стратегией, направленной на развитие коммуникативной компетенции, включающей межкультурные эмпатийные процессы и сензитивность – чуткость к этнокультурным проявлениям личности.

В этнополитических исследованиях особое место занимает изучение адаптивного – агрессивного поведения [1]. Определение уровня способности к гибкой адаптации поведения к особенностям иной этнокультуры может помочь не только в профилактике межэтнических конфликтов, но и в определении степени адаптации к иной этнокультурной среде как одного из показателей развития коммуникативного компонента этнокультурной компетентности [5; 10; 11; 13].

Агрессивное поведение является специфической формой действий человека, характеризующейся демонстрацией превосходства в силе или применением силы по отношению к другому или группе лиц, кото-

рым субъект стремится причинить ущерб. Это совершенно неприемлемо как в повседневной жизни, так и в профессиональной деятельности будущих специалистов социальной сферы в иной этнокультурной среде.

Адаптивное поведение целесообразно рассматривать как противоположное агрессивному, что предполагает как взаимодействие, согласование интересов, требований и ожиданий, так и коррекцию поведения на основе оценки успешности взаимодействия с представителями иной этнокультурной общности.

Изучение способности к гибкой адаптации к особенностям иной этнокультуры, коррекции поведения, а также построение эффективной коммуникации с представителями иной этнокультурной общности проводились при помощи теста агрессивности – адаптивности (опросник Л. Г. Почечубут). Результаты исследования адаптивности, коммуникативности и способности к коррекции поведения представлены на рисунке.

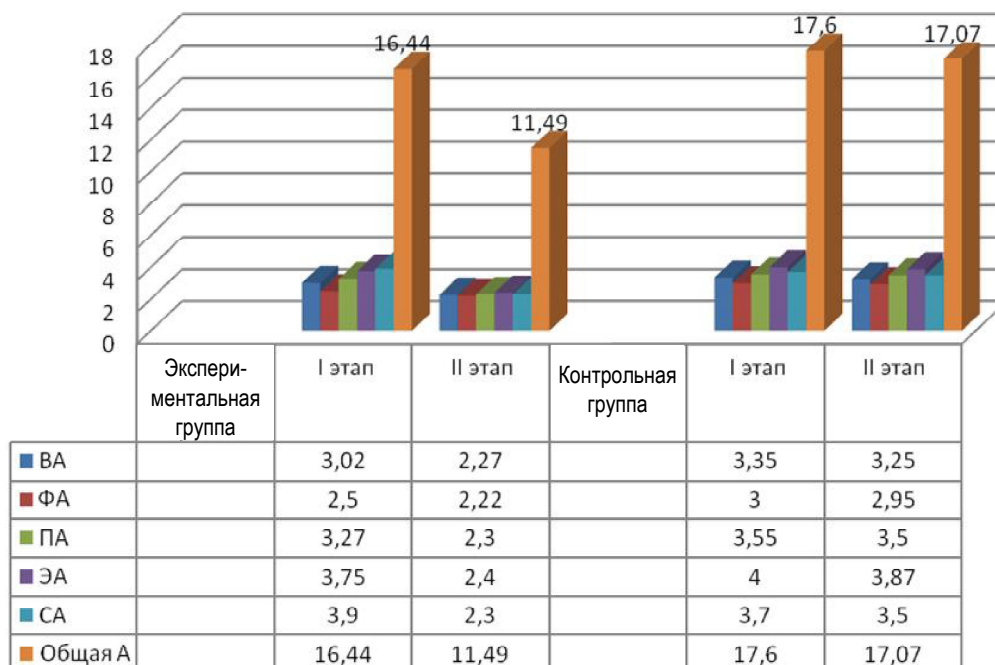

Рис. 1. Исследование адаптивности, коммуникативности и способности к коррекции поведения / Fig. 1. Study of adaptability, communication and ability to correct behavior

Как видно из рисунка, общее снижение агрессивности отмечается как у респондентов экспериментальной, так и у респондентов контрольной группы. Показатели агрессивности экспериментальной группы снизились на 12,4 %, в то время как аналогичные показатели контрольной группы изменились только на 1,3 %. Такая динамика свидетельствует о позитивно изменяющейся адаптации к иной этнокультурной среде, способности к коррекции поведения на основе оценки успешности взаимодействия с представителями иной этнокультурной общности.

Полагаем, что проблемы, вызывающие общий негативный контекст этнокультурных отношений, которые отражаются на социально-политической ситуации в регионе, могут быть решены, в частности, посредством развития этнокультурной компетентности. Для этого возможна разработка и реализация специализированной этно- и практико-ориентированной программы подготовки специалистов для социальной сферы, государственных и муниципальных органов власти к профессиональной деятельности в Забайкальском крае как многонациональном поликультурном регионе.

Выводы. Таким образом, пилотажное исследование показало, что развития этнокультурной компетентности будущих специалистов социальной сферы недостаточно для осуществления профессиональной деятельности в социальной сфере, однако данный уровень говорит о наличии базового уровня этнокультурной компетентности. Кроме того, проведенное исследование позволило сделать вывод о недостаточном развитии отдельных компонентов этнокультурной компетентности, связанных с взаимодействием с представителями иной этнокультурной среды, что может негативно отразиться на реализации социальной политики в многонациональном поликультурном регионе.

Анализ результатов исследования по отдельным компонентам развития этнокультурной компетентности у респондентов экспериментальной группы показал, что динамика развития этнокультурной компетентности составляет 66,4 % по коммуникативному компоненту. Это свидетельствует об эффективности этно- и практико-ориентированной программы. Результаты исследования развития этнокультурной компетентности респондентов контрольной группы представлены следующими показателями: динамика развития этнокультурной компетентности по коммуникативному компоненту составляет 21,1 %, что позволяет говорить о некотором развитии данного компонента под влиянием времени. Однако такого развития недостаточно для профессиональной деятельности специалиста социальной сферы.

Полученные данные позволили сделать вывод, что на развитие этнокультурной компетентности оказывает влияние теоретическая подготовка студентов, которая осуществляется в ходе прохождения учебных курсов («Социальная политика», «Социальная работа с разными этнокультурными группами», «Психология в социальной работе», «Религиоведение»), специализированного практикума «Этнокультурная компетентность будущих специалистов социальной сферы», практическая подготовка (в ходе прохождения студентами всех видов практик), а также специальная этно- и практико-ориентированная программа развития этнокультурной компетентности.

Итак, динамика развития коммуникативного компонента этнокультурной компетентности показывает, что выработка адекватного поведения в иной этнокультурной среде происходит более эффективно при реализации этно- и практико-ориентированной программы развития этнокультурной компетентности, которая, в свою очередь, является важным элементом политической компетентности в региональной социальной политике.

Список литературы

1. Амелин В. Н., Дегтярёв А. А. Опыт развития прикладной политологии в России // Политические исследования. 1998. № 3. С. 157-178.
2. Батанина И. А., Лаврикова А. А., Шумилова О. Е. Политическая компетентность россиян как фактор политического участия // Среднерусский вестник общественных наук. 2014. № 1. С. 50–56.
3. Лаврикова А. А. Политическая компетентность граждан: содержание и механизм формирования // WSCHODNIOEUROPEJSKIE CZASOPISMO NAUKOWE. 2016. Т. 10, № 3. С. 137-141.
4. Некрасова А. Н. Политическая социализация студентов: межпредметные связи (гуманитарного цикла) и опыт преподавания политологии и конфликтологии // Как наше слово отзовется: гуманитарное образование в развитии российского социума и человека: материалы междунар. науч.-практ. конф. М., 2017. С. 527-534.
5. Низаева Л. Ф. Коммуникативная компетенция: сущность и компонентный состав // Молодой ученый. 2016. № 28. С. 933–935.
6. Романова И. В., Макарова И. А. Межнациональные браки Забайкалья: социологический анализ. Чита: ЗабГУ, 2017. 280 с.
7. Романова Н. П., Багин В. В., Романова И. В. Деловой этикет на Востоке. М.: Восток – Запад, 2005. 295 с.
8. Сафонова А. С. Политическая компетентность как определяющий фактор политического участия молодежи // Гуманитарные, социально-экономический и общественные науки. 2013. № 6. С. 50–56.
9. Скворцов И. П. Вектор российской модернизации в социокультурном контексте // Вестник учебно-методического объединения по образованию в области социальной работы. 2011. № 3. С. 92–101.
10. Фадеева Л. А. Является ли российская политическая культура «ограничением» демократического порядка? // Вестник Пермского университета. 2009. Вып. 4. С. 5–9.
11. Фан И. Б. Концепт гражданина в политической мысли: методологические подходы и теоретические модели: автореф. дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.01. Екатеринбург, 2010. 38 с.
12. Халипов В. Ф., Халипова Е. В. Власть. Политика. Государственная служба: словарь. М.: Луч, 1996. 271 с.
13. Хомелева Р. А. К построению онтологической концепции власти: теоретико-методологический подход // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. № 1. С. 54–63.
14. Якубовская А. Е. Современные подходы к формированию этнокультурной компетентности социальных работников за рубежом (на примере США): автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.05. Калининград: РГУ им. И. Канта, 2009. 22 с.
15. Dalton R. J. The good citizen: how a younger generation is reshaped american politics. Washington: CQ press, 2009.
16. Triandis H. C. Culture and social behavior. New York, 1994. 330 p.

References

1. Amelin V. N., Degtyarev A. A. *Politicheskie issledovaniya* (Political studies), 1998, no. 3, pp. 157–178.
2. Batanina I. A., Lavrikova A. A., Shumilova O. E. *Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk* (Srednerussky Bulletin of Social Sciences), 2014, no. 1, pp. 50–56.
3. Lavrikova A. A. *WSCHODNIOEUROPEJSKIE CZASOPISMO NAUKOWE* (WSCHODNIOEUROPEJSKIE CZASOPISMO NAUKOWE), 2016, vol. 10, no. 3, pp. 137–141.
4. Nekrasova A.N. *Kak nashe slovo otzovetsya: gumanitarnoe obrazovanie v razvitii rossiyskogo sotsiuma i cheloveka: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf. estnik obshchestvennykh nauk* (How our word will recall: Humanitarian education in the development of the Russian society and human: materials of the Intern. scientific-practical. conf.). Moscow, 2017. P. 527–534.
5. Nizaeva L. F. *Molodoy ucheny* (Young scientist), 2016, no. 28, pp. 933–935.
6. Romanova I. V., Makarova I. A. *Mezhnatsionalnye braki Zabaykaliya: sotsiologicheskii analiz* (Inter-ethnic marriages of Transbaikalia: sociological analysis). Chita: ZabGU, 2017. 280 p.
7. Romanova N. P., Bagin V. V., Romanova I. V. *Delovoy etiket na Vostoke* (Business etiquette in the East). Moscow: East-West, 2005. 295 p.
8. Safonova A. S. *Gumanitarnye, sotsialno-ekonomicheskii i obshchestvennye nauki* (Humanitarian, socio-economic and social sciences), 2013, no. 6, pp. 50–56.
9. Skvortsov I. P. *Vestnik uchebno-metodicheskogo obedineniya po obrazovaniyu v oblasti sotsialnoy raboty* (Bulletin of the educational and methodological association on education in the field of social work), 2011, no. 3, pp. 92–101.

10. Fadeeva L. A. *Vestnik Permskogo Universiteta* (Bulletin of Perm University), 2009, Issue. 4, pp. 5–9.
11. Fan I. B. *Kontsept grazhdanina v politicheskoy mysli: metodologicheskie podhody i teoreticheskie modeli: avtoref. dis. ... d-ra polit. nauk: 23.00.01* (The concept of a citizen in political thought: methodological approaches and theoretical models: abstract. dis. ... dr. polit. sciences: 23.00.01). Yekaterinburg, 2010. 38 p.
12. Khalipov V. F., Khalipova E. V. *Vlast. Politika. Gosudarstvennaya sluzhba: slovar* (Power. Policy. Public service: dictionary). Moscow: Luch, 1996. 271 p.
13. Khomeleva R. A. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* (Journal of Sociology and Social Anthropology), 2000, no. 1, pp. 54–63.
14. Yakubovskaya A. E. *Sovremennye podhody k formirovaniyu etnokulturnoy kompetentnosti sotsialnykh rabotnikov za rubezhom (na primere SShA): avtoref. dis. ... kand. ped. nauk: 13.00.05* (Modern approaches to the formation of ethno-cultural competence of social workers abroad (on the example of the USA): abstract dis. ... cand. ped. sciences: 13.00.05). Kaliningrad: Russian State University named after I. Kant, 2009. 22 p.
15. Dalton R. J. *The good citizen: how a younger generation is reshaped american politics* [The good citizen: how a younger generation is reshaped american politics]. Washington: CQ press, 2009.
16. Triandis H. C. *Culture and social behavior* [Culture and social behavior]. New York, 1994. 330 p.

Коротко об авторе

Briefly about the author

Жиляева Марианна Сергеевна, канд. психол. наук, доцент, зав. кафедрой социальной работы, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия. Область научных интересов: этнокультурная компетентность специалистов социальной сферы
m.jiliaeva@yandex.ru

Marianna Zhilyaeva, candidate of psychological sciences, associate professor, head of Social Work department, Transbaikal State University, Chita, Russia. Sphere of scientific interests: ethno-cultural competence of social sphere specialists

Образец цитирования

Жиляева М. С. Этнокультурная компетентность будущих специалистов социальной сферы: динамика развития коммуникативного компонента // Вестн. Забайкал. гос. ун-та. 2018. Т. 24. № 3. С. 63–71. DOI: 10.21209/2227-9245-2018-24-3-63-71.

Zhilyaeva M. Ethno-cultural competence of future specialists in the social sphere: dynamics of the communicative component // Transbaikal State University Journal, 2018, vol. 24, no. 3, pp. 63–71. DOI: 10.21209/2227-9245-2018-24-3-63-71.

Статья поступила в редакцию: 06.03.2018 г.
Статья принята к публикации: 16.03.2018 г.

УДК 378(571.54/55)

DOI: 10.21209/2227-9245-2018-24-3-72-76

ПОЛИТИКА ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

POLICY OF HIGHER EDUCATION IN THE FAR EAST REPUBLIC

*А. А. Жукова,
Забайкальский
государственный
университет, г. Чита*

*A. Zhukova,
Transbaikal State University,
Chita*

*И. В. Романова,
Забайкальский
государственный
университет, г. Чита
il.romanova2010@yandex.ru*

*I. Romanova,
Transbaikal State
University, Chita*

Представлен анализ процессов становления и развития системы высшего образования в Дальневосточной республике. Авторы на материалах государственного архива Забайкальского края доказывают, что, несмотря на краткий период существования этого государства, его руководство стремилось к созданию системы высшего образования с целью подготовки профессиональных кадров как для областей культурной, так и хозяйственной сферы. Причем если первоначально процесс становления образовательных учреждений строился на основе только имеющегося потенциала, представленного педагогическим вузом, то впоследствии в структуру первого забайкальского вуза были включены факультеты непедагогического профиля. Таким образом, этот пример показывает, что тенденции развития системы высшего образования, основанной на государственном обеспечении, были подчинены поиску наиболее эффективных и малозатратных моделей, которыми оказывались вузы, построенные по принципу интеграции вузов, педагогических и непедагогической направленности

Ключевые слова: Забайкалье; Дальневосточная республика; Забайкальский университет; Читинский университет; интеграция высшего образования; становление образовательных учреждений

In the report the analysis of processes of formation and development of the system of higher education in the Far East Republic is carried out. The authors based on the materials of the Public Records Office of Zabaykalsky Krai have proved that, despite the short period of this state existence, its governing body aimed at creation of the system of higher education for the purpose of professional staff training as for areas of the cultural and economic sphere. Moreover, if originally the process of educational institutions formation was based on only the available potential presented by pedagogical higher education institution, then subsequently the structure of the first Transbaikal higher education institution included faculties of non-pedagogical profile. Thus, this example shows that the tendencies of the system of higher education development, based on the social security, were subordinated to search of the most effective and low-cost models which were higher education institutions, constructed by the principle of integration of higher education institutions, pedagogical and non-pedagogical direction

Key words: Transbaikalia; Far East Republic; Transbaikal university; Chita university; integration of higher education; formation of educational institutions

Введение. Современные процессы интеграции в сфере высшего образования, проходящие на территории Российской Федерации, требуют исследования сущности и причин данного процесса. Значимой

проблемой, которая требует своего ответа, здесь является вопрос об эффективности объединения вузов различной направленности, в частности, педагогического и технического направления, а также вопрос о

компетентности вновь создаваемых образовательных структур на основе подобной интеграции. Ответ на этот вопрос может быть получен на основе сравнения с подобными процессами, проходившими на территории нашей страны в иных, но схожих с современными, исторических условиях [9]. Интересный и показательный пример, демонстрирующий основную направленность тенденций развития высшего образования, можно пронаблюдать на примере Забайкалья, где в 20-е гг. XX в. существовало особое государство под названием Дальневосточная республика [1].

Как показывает изучение документов Государственного архива Забайкальского края, в это время перед руководством, педагогами и учеными региона стояла проблема интеграции учреждений образования, которая была обоснована политическими и экономическими причинами. Ведущим фактором, определяющим развитие процессов образования в это время в регионе, являлись образование и деятельность Дальневосточной республики, отрезанной от Иркутска политическими границами, а от Владивостока – большими расстояниями. Деятельность нового субъекта политической деятельности с центром в г. Чита продолжалось менее трех лет, однако и в этот период правительство этого буферного государства было вынуждено заниматься проблемой подготовки кадров высшей квалификации для решения проблем хозяйственной и культурной жизни республики [8. С. 7].

Следует отметить, что у руководства республики очень быстро сложилось понимание того, что в столице нового государства должно действовать учреждение высшего образования, однако первоначально его организация и направленность базировались на уже имеющемся потенциале, который представлял Учительский институт. Он организован в Чите в 1920 г. на базе женской гимназии. Таким образом, первоначальный облик нового вуза, ориентированный исключительно на педагогическое образование, определен вполне бытовыми обстоятельствами. Акцент на организа-

цию высшего учебного заведения педагогического профиля на базе Учительского института представлялся в этих условиях наиболее простым и естественным делом, однако время расставило все по своим местам [6. С. 154].

Реорганизация Учительского института происходила следующим образом. Первоначально 15 апреля 1921 г. был издан Указ о преобразовании Читинского учительского института в Государственный институт народного образования [8], местом расположения которого явилось помещение Учительского института [2. С. 174]. С этим учреждением высшего образования ряд источников связывает различные имена, среди которых Устав Дальневосточного государственного университета, впоследствии принявшего в свой состав преподавателей из Читы, именовал его Читинским государственным университетом. В свою очередь, на информационном портале «Высшие учебные заведения стран СНГ» он именовался Забайкальским университетом, который считается предшественником Читинского государственного педагогического института им. Н. Г. Чернышевского, организованного в Чите в 1938 г. [5]. Однако важно, что первоначально в качестве задач этого образовательного учреждения было обозначено обеспечение региона кадрами педагогической направленности [8], однако впоследствии обстоятельства и вполне конкретные нужды региона внесли коррективы в эти планы [10].

К сентябрю 1921 г. после завершения подготовительных работ вуз приступил к началу образовательной деятельности. Правительство ДВР приняло его Устав, согласно которому на должность ректора назначен В. И. Огородников, определены полномочия таких академических органов управления, как Правление, Совет института и собрание факультетов [8. С. 59]. В г. Чита 9 октября 1921 г. прошли торжества, посвященные открытию института, на которых присутствовал председатель Правительства ДВР Н. М. Матвеев, заявивший, что, несмотря на то, что Дальневосточная республика на тот момент

переживала существенные финансовые затруднения, для нее приоритетной задачей является поддержка народного образования. К этому мнению присоединились министры Правительства ДВР, представители государственных учреждений, присутствовавшие на торжествах деятели печати, партийных национальных объединений, профессура и студенчество [8. С. 8].

Вслед за этим в институте начали работу педагогические факультеты, на одном из которых под руководством профессора А. А. Половинкина велась подготовка студентов физико-математического факультета, на другом под руководством профессора М. М. Рубинштейна – студентов гуманитарного факультета. На данном факультете, в свою очередь, работало два отделения: словесное и историко-общественное. Физико-математический факультет готовил биологов, географов, физиков, химиков и математиков. Однако уже в это время Дальневосточное государство поставило перед институтом задачу, в соответствии с которой обучение не должно быть посвящено только педагогическим нуждам, и в учебные планы были введены прикладные дисциплины. Таким образом, студенты получали не только педагогическое образование, но и готовились к практической, производственной работе. Практическая подготовка студентов существенно влияла на общий ход преподавания, так как практические занятия и участие в трудовых производственных процессах стали преобладать над теоретическими занятиями. При этом в дальнейшем тенденция, нацеливавшая студентов и преподавателей на усвоение практических навыков, все более усиливалась.

Особенно это стало ощутимо к 1922 г., когда перед республикой встала проблема нехватки специалистов сельского хозяйства. Перед Институтом народного образования была поставлена задача срочной подготовки специалистов в сфере агрономии, и в марте 1922 г. Правительство Дальневосточной республики выступило с инициативой формирования Агрономического факультета при Институте народного обра-

зования. В соответствии с этим решением для нужд сельского хозяйства, животноводства и лесного хозяйства институт должен был готовить агрономов-практиков. Важно, что государство, выступившее с данной инициативой, брало на себя материальную ответственность и финансово поддерживало это направление. При Правительстве ДВР была создана комиссия, которая отвечала за практическую сторону реализации данной идеи. Ее деятельность привела к тому, что в июле 1922 г. проект создания агрономического факультета был утвержден в правительстве и на заседании Совета министров ДВР.

Таким образом, стало очевидно, что потребности государства в области высшего образования не замыкались только на подготовке педагогов, вследствие чего в Читинском институте, изначально сформированном как педагогический вуз, стали открываться технические и производственные направления [8. С. 54]. К концу 1922 г. Государственный институт народного образования приобрел черты классического университета, в котором значительное внимание уделялось подготовке педагогов. Вслед за этим, согласно данным читинского краеведа Н. Е. Дворниченко, в институте открылись экономический и медицинский факультеты, а сам он стал называться «Забайкальский университет» [2. С. 174]. Эти сведения подтверждает В. Лобанов, согласно которому процессы интеграции высшего образования в Чите увенчались формированием Читинского государственного университета в марте 1923 г. [8. С. 46].

Выводы. Подводя итог рассмотрению основных тенденций развития высшего образования в Дальневосточной республике, важно указать, что они в целом соответствуют тем закономерностям, которые сопровождают трансформации и изменения этой сферы в тех случаях, когда она существует за счет государственной власти и имеет в качестве задачи максимально эффективное разрешение государственных задач [4]. Ведущей закономерностью здесь является интеграция усилий и образовательных организаций, вовлеченных в

решение общих задач, устанавливаемых государством перед этой сферой. Важным условием для выживания государственных учреждений высшего образования, испытывающих трудности с материальным и финансовым обеспечением, также является интеграция направлений гуманитарного и технического, а также педагогического и производственного профилей. Следует подчеркнуть, что в 2020 г. исполняется ровно

сто лет, как на территории Забайкалья появилось первое в его истории высшее образовательное учреждение, и несмотря на то, что в 1923 г. оно вошло в состав Дальневосточного государственного университета, именно с него начинаются традиции, связанные с интеграцией высшего образования, которые сохраняются на территории региона и по сей день.

Список литературы

1. Бушуева Е. С., Жуков А. В. Социокультурная среда Забайкалья: специфика формирования. Вып. 1. Нерчинская Успенская церковь: архитектура и внутреннее убранство начала XVIII века (к 300-летию со дня окончания строительства и освещения). Чита: ЗабГУ, 2012. 170 с.
2. Дворниченко Н. Е. Путеводитель по Чите. Иркутск, 1981. 208 с.
3. Дроботушенко Н. Е. Государственный институт народного образования [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.old.zabkrai.ru/index.php?remote_url=/encycl/concepts/MY_id=2113 (дата обращения: 23.12.2017).
4. Жуков А. В. Взаимодействие государства, религии и образования в процессах формирования и укрепления единства народов и культур: исторический опыт Руси и современный опыт Забайкалья // Забайкальские образовательные рождественские чтения «Князь Владимир. Цивилизационный выбор Руси». Чита: ЗабГУ, 2014. С. 152–161.
5. Иванов С. А., Фомина М. Н., Жуков А. В. Проблемы интеграции в сфере высшего образования на территории Забайкалья в 20-е гг. XX в. // Вестник Забайкал. гос. ун-та. 2012. № 12. С. 106–110.
6. Константинов А. В., Дроботушенко Н. Е. 100 лет Читинской учительской семинарии (1900) // Календарь знаменательных и памятных дат Читинской области на 2000 год. Чита, 2000. С. 154–159.
7. Лобанов В. Г. Старая Чита. Чита, 2003. 336 с.
8. Отчет о состоянии и деятельности Государственного Института народного образования в Чите // Государственный архив Забайкальского края. Фонд краеведения. № 165968. Чита, 1922. 59 с.
9. Романова Н. П., Дробышевский В. С. Особенности формирования антикоррупционной системы в приграничном регионе // Вестник Забайкал. гос. ун-та. 2013. № 7. С. 54–59.
10. Романова Н. П. Феномен статусной неконсистентности // Вестник Читинского гос. ун-та. 2009. № 4. С. 212–217.

References

1. Bushueva E. S., Zhukov A. V. *Sotsiokulturnaya sreda Zabaykaliya: spetsifika formirovaniya. Vyp. 1. Nerchinskaya Uspenskaya tserkov: arhitektura i vnutrennee ubranstvo nachala XVIII veka (k 300-letiyu so dnya okonchaniya stroitelstva i osveshcheniya)* (Socio-cultural environment of Transbaikalia: specificity of formation. Issue. 1. Nerchinsk Assumption Church: architecture and interior decoration of the beginning of the XVIII century (to the 300th anniversary of the completion of construction and lighting)). Chita: ZabGU, 2012. 170 p.
2. Dvornichenko N. E. *Putevoditel po Chite (Guide to Chita)*. Irkutsk, 1981. 208 p.
3. Drobotushenko N. Ye. *Gosudarstvenny institut narodnogo obrazovaniya (The State Institute of Public Education)*. Available at: http://www.old.zabkrai.ru/index.php?remote_url=/encycl/concepts/MY_id=2113 (Date of access: 23.12.2017).
4. Zhukov A.V. *Zabaykalskie obrazovatelnye rozhdestvenskie chteniya «Knyaz Vladimir. Tsivilizatsionny vybor Rusi» (Transbaikal educational Christmas readings "Prince Vladimir. Civilization choice")*. Chita: ZabGU, 2014. P. 152–161.
5. Ivanov S.A., Fomina M.N., Zhukov A.V. *Vestnik Zabaykal. gos. un-ta (Transbaikal State University Journal)*, 2012, no. 12, pp. 106–110.
6. Konstantinov A. V., Drobotushenko N. Ye. *Kalendar znamenatelnyh i pamyatnyh dat Chitinskoj oblasti na 2000 god (Calendar of significant and memorable dates of the Chita Region for 2000)*. Chita, 2000. P. 154–159.

7. Lobanov V. G. *Staraya Chita (Old Chita)*. Chita, 2003. 336 p.
8. Gosudarstvenny arhiv Zabaykalskogo kraya. Fond kraevedeniya. № 165968 (State Archives of the Transbaikal Regionb. Local History Foundation. No. 165968). Chita, 1922. 59 p.
9. Romanova N.P., Drobyshevsky V.S. *Vestnik Zabaykal. gos. un-ta* (Transbaikal State University Journal), 2013, no. 7, pp. 54–59.
10. Romanova N.P. *Vestnik Zabaykal. gos. un-ta* (Transbaikal State University Journal), 2009, no. 4, pp. 212–217.

Коротко об авторах

Жукова Елена Алексеевна, канд. филос. наук, ст. науч. сотрудник, научно-образовательный музейный центр, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия. Область научных интересов: религиоведение, этнография, антропология, краеведение, музееведение, история и культура народов Забайкалья
kazarbina_a@mail.ru

Романова Илона Валерьевна, д-р социол. наук, профессор, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия. Область научных интересов: гендерная социология, деловые коммуникации, управление человеческими ресурсами

Briefly about the authors

Alena Zhukova, candidate of philosophical sciences, senior researcher, Science Museum Center, Transbaikal State University, Chita, Russia. Sphere of scientific interests: religion study, ethnography, anthropology, study of local lore, museum study, history and culture of people in Transbaikalia

Iona Romanova, doctor of sociological sciences, professor, Transbaikal State University, Chita, Russia. Sphere of scientific interests: gender sociology, business communications, human resources management

Образец цитирования

Жукова А. А., Романова И. В. Политика высшего образования в Дальневосточной республике // Вестн. Забайкал. гос. ун-та. 2018. Т. 24. № 2. С. 72–76. DOI: 10.21209/2227-9245-2018-24-3-72-76.

Zhukova A., Romanova I. Policy of higher education in the Far East Republic // Transbaikal State University Journal, 2018, vol. 24, no. 2, pp. 72–76. DOI: 10.21209/2227-9245-2018-24-3-72-76.

Статья поступила в редакцию: 06.03.2018 г.
Статья принята к публикации: 19.03.2018 г.

УДК 329.3

DOI: 10.21209/2227-9245-2018-24-3-77-82

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГИСТРАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ И ИХ РЕГИОНАЛЬНЫХ ОТДЕЛЕНИЙ

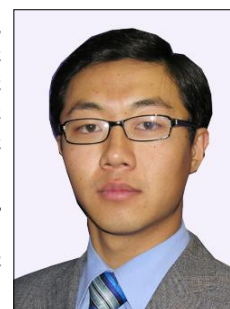
ACTUAL PROBLEMS OF THE REGISTRATION OF POLITICAL PARTIES AND THEIR REGIONAL OFFICES

*Н. В. Зими́на,
Забайкальский
государственный
университет, г. Чита
ziminanv2010@yandex.ru*

*N. Zimina,
Transbaikal State University,
Chita*

*Ж. Т. Тумуров,
Забайкальский
государственный
университет, г. Чита
zhargal@list.ruzhargal@list.ru*

*Zh. Tumurov,
Transbaikal State University,
Chita*

Раскрыто понятие «регистрация политических партий», определены основные аспекты государственной регистрации политических партий и их региональных отделений. Авторы обращают внимание на положительную динамику при регистрации политических партий и их региональных отделений. В целом в законодательстве предусматриваются следующие существенные признаки политической партии: свобода, устойчивость, идеология, некоммерческий характер деятельности, формирование и выражение воли народа, демократизм. Отмечено, что в соответствии с демократическими конституциями партии организуются и действуют свободно, создаются, как правило, на основе явочного (или явочно-регистрационного) порядка, сами определяют структуру, порядок деятельности, что регламентируется принимаемыми ими уставами. Партии могут быть созданы только гражданами данного государства, членами партии могут быть, как правило, лишь граждане данной страны, обладающие политическими правами и достигшие 18-летнего возраста. Партии строятся на основе индивидуального членства: в нее принимаются по заявлению вступающего. Для создания партии созывается учредительное собрание, на котором избирают председателя и секретаря, принимается устав партии. Регистрация партий возлагается на Федеральную налоговую службу РФ и Министерство юстиции РФ. Сделан вывод, что политические партии в последние два года активно регистрируются, а инициативные группы создают инициативные организационные комитеты по созданию политических партий. Упрощение процедуры регистрации политических партий, сокращение минимальной численности политических партий при регистрации делает процедуру их регистрации все привлекательнее. Увеличение численности политических партий не способствует более активному вовлечению граждан в политический процесс, партии создаются не ради участия в политической жизни страны, а ради участия в выборах

Ключевые слова: политические партии; общественные объединения; выборы; некоммерческая организация; государственная регистрация политической партии; партийная программа; демократия; региональные отделения политических партий

The notion “registration of political parties” is disclosed, the main aspects of state registration of political parties and their regional branches. The authors draw attention to the positive dynamics in the registration of political parties and their regional branches. Batch determination does not contain all the laws on political parties. In general, the legislation provides for the following essential characteristics of a political party: freedom, stability, ideology, commercial activities, formation and expression of the will of people, democracy. It is noted that, in accordance with democratic constitutions, parties are organized and act freely, are created, as a rule, on the basis of a secret (or registration-registration) order, they themselves determine the structure, order of activities, which is regulated by the charters adopted by them. The party can only be created by the citizens of this state, and party members can be, as a rule, only citizens of this country, with political rights and under 18 years of age. Parties are based on individual membership in the party shall be accepted upon application of the applicant. To create a party, a constituent assembly is convened, at which the chairman and secretary are elected; the articles of association

of the party are confirmed. Registration of parties rests with the Federal tax service of Russia and the Ministry of justice of Russia. The conclusion is that political parties in the last two years are actively registered, and the initiative group to create an initiative of the organizing committees for the establishment of political parties. Simplification of registration procedures for political parties, reducing the minimum number of political parties during the registration makes the procedure of their registration more attractive. The increase in the number of political parties does not contribute to a more active involvement of citizens in the political process; parties are created not for the sake of participation in the political life of the country, but for the sake of participation in the elections

Key words: political parties; public associations; elections; nonprofit organization; of state registration of a political party; the party program; democracy; regional branches of political parties

Введение. Политическая система России характеризуется многопартийностью, что является основой конституционного строя нашего государства. Качественно новая партийная система основана на многопартийности [3]. Мировой опыт показывает, что уровень развития демократии зависит от того, насколько институализировались политические партии в стране и насколько они вовлечены в политический процесс. Политические партии становятся структурообразующим элементом современного российского общества [2]. В их программных установках и конкретных действиях находит отражение разнообразие идейных установок, овладевших современным российским обществом. Активизация партийного строительства и правового регулирования деятельности партий требует глубокого научного осмысления [10].

Методология и методика исследования. При исследовании политических партий целесообразно применять нормативный, сравнительный методы, а также метод анализа [Там же].

В соответствии с Федеральным законом «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» и согласно ст. 16 Федерального закона «О политических партиях», политическая партия и ее региональные отделения подлежат государственной регистрации с учетом установленного Федеральным законом «О политических партиях» специального порядка государственной регистрации политической партии и ее региональных отделений [6].

Так, согласно п. 2 ст. 3 Федерального закона «О политических партиях», опреде-

лены требования, предъявляемые к политической партии для ее государственной регистрации, в том числе численность, которая с 4 апреля 2012 г. должна составлять не менее 500 членов политической партии. Однако Уставом политической партии могут быть установлены требования к минимальной численности членов политической партии в ее региональных отделениях. Политическая партия должна иметь региональные отделения не менее чем в половине субъектов РФ, т. е. 43 региональных отделения, при этом в субъекте РФ может быть создано лишь одно региональное отделение данной политической партии [5].

Рассмотрение представленных для государственной регистрации политической партии документов осуществляется Минюстом России на основании Положения о Министерстве юстиции РФ, утвержденного Указом Президента РФ от 13 октября 2004 г. № 1313 «Вопросы Министерства юстиции Российской Федерации» в соответствии с требованиями Федерального закона «О политических партиях» и в порядке, установленном Административным регламентом предоставления Министерством юстиции РФ государственной услуги по принятию решения о государственной регистрации некоммерческих организаций [7].

Для государственной регистрации политической партии, созданной на учредительном съезде политической партии, в Минюст России представляются следующие документы:

а) заявление, подписанное уполномоченными лицами политической партии, с указанием их фамилий, имен, отчеств,

адресов места жительства и контактных телефонов;

б) устав политической партии в трех экземплярах, два из которых сброшюрованы, пронумерованы, заверены уполномоченными лицами политической партии, а также текст устава в машиночитаемом виде;

в) заверенные уполномоченными лицами политической партии копии решений учредительного съезда политической партии о создании политической партии, о принятии устава политической партии и принятии ее программы, создании региональных отделений политической партии, формировании ее руководящих, исполнительных и контрольно-ревизионных органов с указанием данных о представительстве делегатов на этом съезде и результатах голосования;

г) документ об уплате государственной пошлины;

д) сведения об адресе (месте нахождения) постоянно действующего руководящего органа политической партии, по которому осуществляется связь с политической партией;

е) экземпляр общероссийского периодического печатного издания, в котором опубликованы сведения о месте и дате проведения учредительного съезда политической партии;

ж) заверенные уполномоченными лицами региональных отделений политической партии копии протоколов проведенных не менее чем в половине субъектов РФ конференций или общих собраний региональных отделений политической партии с указанием численности членов политической партии в ее региональных отделениях по состоянию на день заверения документов, предусмотренных настоящим пунктом, а также места нахождения руководящих органов региональных отделений политической партии [7].

Политическая партия и ее региональное отделение обязаны информировать Минюст России и его территориальные органы об изменении сведений о политической партии и ее региональных отделениях. Сведения о полученных лицензиях предо-

ставляются в течение трех дней с момента таких изменений в Минюст России или его территориальный орган для принятия решения об их направлении в Федеральную налоговую службу, которая вносит в единый государственный реестр юридических лиц запись об изменении сведений о политической партии, ее региональном отделении или ином зарегистрированном структурном подразделении политической партии [8].

Решение о направлении соответствующих документов в регистрирующий орган принимается Минюстом России его территориальным органом не позднее чем через 14 рабочих дней со дня получения указанных документов в том же порядке, что и решение о государственной регистрации политической партии или ее регионального отделения [7].

По результатам рассмотрения документов политической партии Минюстом России принимается решение о государственной регистрации политической партии. В государственной регистрации политической партии может быть отказано в случае, если положения устава политической партии противоречат Конституции РФ, федеральным конституционным законам, Федеральному закону «О политических партиях» и иным федеральным законам; наименование и (или) символика политической партии не соответствуют требованиям Федерального закона «О политических партиях»; не представлены документы, необходимые в соответствии с Федеральным законом «О политических партиях» для государственной регистрации политической партии; федеральным уполномоченным органом установлено, что содержащаяся в представленных для государственной регистрации политической партии документах информация не соответствует требованиям Федерального закона «О политических партиях»; нарушены установленные Федеральным законом «О политических партиях» сроки представления документов, необходимых для государственной регистрации политической партии [Там же].

Государственная регистрация политической партии может быть приостановле-

на в соответствии с Федеральным законом «О политических партиях» при наличии следующих оснований для отказа в государственной регистрации политической партии: положения устава политической партии противоречат Конституции РФ, федеральным конституционным законам, настоящему Федеральному закону и иным федеральным законам; наименование и (или) символика политической партии не соответствуют требованиям ст. 6, 7 настоящего Федерального закона; федеральным уполномоченным органом установлено, что содержащаяся в представленных для государственной регистрации политической партии документах информация не соответствует требованиям настоящего Федерального закона.

Государственная регистрация политической партии приостанавливается до устранения оснований, вызвавших приостановление государственной регистрации, но не более чем на три месяца. В случае принятия решения о приостановлении государственной регистрации федеральный уполномоченный орган выдает уполномоченному лицу политической партии письменное мотивированное заключение [9].

Практика показывает, что не устранение оснований, вызвавших приостановление государственной регистрации политической партии или ее регионального отделения, в установленный указанным решением срок является основанием для принятия федеральным уполномоченным органом решения об отказе в государственной регистрации политической партии [5].

В результате анализа установлено, что типичной ошибкой, допускаемой заявителями при представлении документов для государственной регистрации некоммерческих организаций, является внесение в учредительные документы положений, не соответствующих законодательству Российской Федерации, что является основанием для отказа в государственной регистрации [4].

При изучении учредительных документов политических партий выявлены следующие противоречия законодатель-

ству Российской Федерации: включение в устав положения о создании филиалов и представительств в Российской Федерации и за рубежом, в то время как п. 1 ст. 5 Федерального закона № 7 определено, что некоммерческая организация может создавать филиалы и открывать представительства только на территории Российской Федерации. Далее в нарушение п. 3 ст. 29 Федерального закона № 7, определяющего компетенцию высшего руководящего органа некоммерческой организации, в том числе исключительную компетенцию (внесение изменений и дополнений в устав; определение приоритетных направлений деятельности; принятие решения о реорганизации), вопросы компетенции высшего руководящего органа отнесены к компетенции учредителей. Также в нарушение п. 3 ст. 7 Федерального закона № 7 попечительский совет фонда отнесен к органам управления. В соответствии с п. 3 ст. 7 Федерального закона № 7 попечительский совет фонда является органом фонда и осуществляет надзор за деятельностью фонда, принятием другими органами фонда решений и обеспечением их исполнения, использованием средств фонда, соблюдением фондом законодательства. В большинстве случаев в нарушение требований п. 3 ст. 14 Федерального закона № 7 в учредительных документах некоммерческих организаций не определен порядок управления [7].

О динамике становления и развития политических партий говорит факт увеличения численности зарегистрированных политических партий. Так, по состоянию на 1 февраля 2018 г. в Российской Федерации зарегистрированы 76 политических партий и действуют 68 оргкомитетов. В последних парламентских выборах 2016 г. принимали участие всего 18 политических партий [Там же].

В связи с этим число новых политических партий в Российской Федерации начало снижаться: возрождаются прежде расформированные партии, регистрируются новые, несмотря на то, что новое законодательство значительно облегчает саму процедуру регистрации партий, упрощает

обязательную отчетность и предусматривает другие новшества, значительно облегчающие деятельность политических партий [9].

Совершенно очевидно, что численность членов партий лучше было бы сокращать постепенно: для начала в пять-десять раз, а не почти в сто, как это сделано в настоящее время [1].

Выводы. Несмотря на простоту возможности создания партии и осуществления её деятельности на территории Российской Федерации, после вступления в силу

закона возможность для появления большого числа партий существенно возросла, однако в целях продолжения дальнейшего существования мелкие партии начнут объединяться по общим интересам. Ситуация «псевдо» многопартийности в России очевидна, что оказывает влияние на политическую ситуацию в стране. Политическая арена России должна наполниться крупными, массовыми партиями, нацеленными на продвижение своих интересов в государственные органы.

Список литературы

1. Гельман В. Я. Политические партии в России от конкуренции к иерархии // *Полис*. 2008. № 5. С. 135–152.
2. Зотова З. М. Политические партии и избирательный процесс. М.: РЦИОИТ, 2002. 176 с.
3. Кочетков Д. Ресурсы политических партий на парламентских выборах 2007 г. // *Власть*. 2009. № 6. С. 19–23.
4. Политические партии [Электронный ресурс] // Единая Россия. Режим доступа: <https://www.ed.ru> (дата обращения: 13.11.2017).
5. Политические партии [Электронный ресурс] // КПРФ. Режим доступа: <https://www.kprf.ru> (дата обращения: 23.11.2017).
6. Политические партии [Электронный ресурс] // Справедливая Россия. Режим доступа: <http://www.chita.spravedlivo.ru> (дата обращения: 24.12.2017).
7. Политические партии [Электронный ресурс] // Управление Минюста России по Забайкальскому краю. Режим доступа: <http://www.to75.minjust.ru> (дата обращения: 29.11.2017).
8. Чувилина Н. Б. Политические партии как акторы российских региональных процессов // *Власть*. 2009. № 7. С. 72–75.
9. Шемелин А. В. Генезис политических партий в России и электоральные предпочтения граждан РФ (политико-правовые аспекты) // *История государства и права*. 2008. № 1. С. 23–25.
10. Duverger M. *Political parties*. Moscow: Academic Project, 2000. 538 p.

References

1. Gelman V. Ya. *Polis* (Polis), 2008, no. 5, pp. 135–152.
2. Zotova Z. M. *Politicheskie partii i izbiratelny protsess* (Political parties and the electoral process). Moscow: RTsUIT, 2002. 176 p.
3. Kochetkov D. *Vlast* (Power), 2009, no. 6, pp. 19–23.
4. *Edinaya Rossiya* (United Russia). Available at: <http://www.ed.ru> (Date of access: 13.11.2017).
5. *KPRF* (Communist Party). Available at: <http://www.kprf.ru> (Date of access: 11.23.2017).
6. *Spravedlivaya Rossiya* (Fair Russia). Available at: <http://www.chita.spravedlivo.ru> (Date of access: 24.12.2017).
7. *Upravlenie Minyusta Rossi po Zabaykalskomu krayu* (Directorate of the Ministry of Justice of Russia for the Transbaikal Region). Available at: <http://www.to75.minjust.ru> (Date of access: 29.11.2017).
8. Chuvilina N. B. *Vlast* (Vlast), 2009, no. 7, pp. 72–75.
9. Shemelin A. V. *Istoriya gosudarstva i prava* (History of state and law), 2008, no. 1, pp. 23–25.
10. Duverger M. *Political parties* (Political parties). Moscow: Academic Project, 2000. 538 p.

Коротко об авторах

Зими́на Наталья Владимировна, канд. полит. наук, доцент кафедры государственного, муниципального управления и политики, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия. Область научных интересов: государственное право, государственное управление, политико-правовой статус политических партий
ziminanv2010@yandex.ru

Тумуров Жаргал Тумурович, канд. полит. наук, доцент кафедры государственного, муниципального управления и политики, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия. Область научных интересов: политика, международная политика, молодежный парламентаризм
zhargal@list.ruzhargal@list.ru

Briefly about the authors

Natalia Zimina, candidate of political sciences, associate professor, State, Municipal Management and Policy department, Transbaikal State University, Chita, Russia. Sphere of scientific interests: state law, public administration, politico-legal status of political parties

Zhargal Tumurov, candidate of political sciences, associate professor, State, Municipal Management and Policy department, Transbaikal State University, Chita, Russia. Sphere of scientific interests: politics, international politics, youth parliamentarism

Образец цитирования

Зими́на Н. В. , Тумуров Ж. Т. Актуальные проблемы регистрации политических партий и их региональных отделений // Вестн. Забайкал. гос. ун-та. 2018. Т. 24. № 3. С. 77–82. DOI: 10.21209/2227-9245-2018-24-3-77-82.

Zimina N. , Tumurov Z. Actual problems of the registration of political parties and their regional offices // Transbaikal State University Journal, 2018, vol. 24, no. 3, pp. 77–82. DOI: 10.21209/2227-9245-2018-24-3-77-82.

Статья поступила в редакцию: 05.03.2018 г.

Статья принята к публикации: 26.03.2018 г.

УДК 11.15.41

DOI: 10.21209/2227-9245-2018-24-3-83-92

**УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ
В РАМКАХ ОРГАНИЗАЦИОННО-КАДРОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ
МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ**

**IMPROVEMENT OF LOCAL SELF-GOVERNMENT SYSTEMS IN ORGANIZATION
AND STAFFING OF MUNICIPAL MANAGEMENT**

*Н. В. Зимина,
Забайкальский
государственный
университет, г. Чита
ziminanv2010@yandex.ru*

*N. Zimina,
Transbaikal State University,
Chita*

*А. Н. Кухарский,
Забайкальский
государственный
университет, г. Чита
beydina@inbox.ru*

*A. Kukharsky,
Transbaikal State University,
Chita*

*А. В. Новикова,
Забайкальский
государственный
университет, г. Чита
beydina@inbox.ru*

*A. Novikova,
Transbaikal State University,
Chita*

Отмечено, что организационно-кадровое обеспечение в муниципальном управлении – деятельность, нацеленная на формирование и развитие органов местного самоуправления высокопрофессиональными компетентными сотрудниками, занимающими должности муниципальной службы, способными на уровне современных требований оперативно и эффективно исполнять в рамках закона и должностных полномочий задачи и функции муниципальных органов.

По мнению авторов, система организационно-кадрового обеспечения муниципального управления состоит из следующих элементов: организационной структуры управления на муниципальной службе; организации работы на муниципальной службе; нормативной правовой базы управления муниципальной службой; информационного и методического обеспечения системы управления на муниципальной службе; технологий, форм и способов управления на муниципальной службе.

Показано, что процесс профессионального развития муниципальных служащих является довольно трудным и предусматривает решение многих управленческих, образовательных, социально-психологических, социально-экономических задач. Профессиональное развитие заключается в первую очередь в формировании и непрерывном обогащении у служащих качеств, навыков и умений, которые необходимы им для эффективного выполнения своих функций, прав и обязанностей.

В профессиональном развитии персонала (особенно со стороны руководителей кадровых служб) отмечены следующие важные аспекты: профессионально-квалификационное развитие, которое в большей мере сопряжено с обучением и самообразованием муниципальных служащих, приобретением новых знаний и опыта; профессионально-должностное развитие, в основном связанное с поиском возможностей наиболее рациональной расстановки кадров, служебного выдвижения на основе использования способностей и возможностей каждого сотрудника (специальности, опыта, возраста, склада ума и личных качеств)

Ключевые слова: система местного самоуправления; организационно-кадровое обеспечение; муниципальное управление; муниципалитеты; городской округ «Город Чита»; моногорода; управление; политика развития; воздействие; кадровый потенциал

Organizational and personnel support in municipal management is the activity, aimed at formation and development of local authorities highly competent staff in posts of municipal service, capable at the level of modern requirements quickly and effectively perform tasks and functions of municipal bodies within the law and official authority.

According to the authors, the system of organizational and personnel support of municipal government consists of the following elements: organizational structure of management in municipal service; organization of work in municipal service; legal and regulatory framework control of municipal service; information and methodical support of control system for municipal service; technologies, forms and methods of management in municipal service.

The process of professional development of municipal employees is quite difficult and involves the solution of many administrative, educational, socio-psychological, socio-economic problems. Professional development is, firstly and foremost, in the formation and continuous enrichment of qualities and skills of the employees, which they need for the effective performance of functions, rights and responsibilities.

In the professional development of personnel (especially by the heads of personnel services) the following important aspects are noted: professional qualification development, which mostly involves training and self-education, municipal employees, acquisition of new knowledge and experience; professional and career development, mainly associated with the search capabilities of the most efficient placement of staff, office extension, based on the use of abilities and capabilities of each employee (specialty, experience, age, mindset and personal qualities)

Key words: system of local government; organizational and human resources; municipal management; municipalities; urban district "City of Chita"; mono-towns; management; policy development; impact; human resources

Введение. В научной среде подчеркивается высокий уровень актуальности проблем, связанных с усовершенствованием системы местного самоуправления. В частности, А. В. Одинцова указывает на то, что «выдвижение на первый план локально-территориальной проблематики является свидетельством качественно нового состояния общественных отношений» [9]. С. Д. Валентей отмечает, что преобразования местного самоуправления в России должны быть взаимосвязаны с общим трендом социально-экономических и политических преобразований в обществе [3]. По мнению А. А. Сергеева, местное самоуправление нуждается в обретении необходимой устойчивости и постоянной корректировки по мере накопления фактов, свидетельствующих об успехах и проблемах ее реализации [10]. В данной связи рассмотрение процесса становления местного самоуправления в России в эволюционной динамике представляется целесообразным, особенно на современном этапе.

Задача – выявить специфику организационно-кадрового обеспечения в городском округе «Город Чита».

Методология исследования. Обозначенная тема достаточно подробно освещена в научных трудах таких авторов,

как А. С. Богданов, С. Н. Братановский, А. А. Васильев, Н. И. Глазунова, О. Е. Кутафин, С. Ю. Наумов, Е. А. Незнамова и др. Экономические аспекты местного самоуправления рассматривали К. И. Галынис [4], П. Друкер [5], Н. Н. Максимов [8], Н. В. Зубаревич [6], А. Макинтош [11]. Кроме того, нами использовались различные нормативные правовые акты Правительства РФ, Президента РФ, Правительства Забайкальского края, Устав городского округа «Город Чита», Положения администрации городского округа «Город Чита» и др.

Организационно-кадровое обеспечение в муниципальном управлении – это деятельность, направленная на формирование органов местного самоуправления высокопрофессиональными и компетентными сотрудниками, занимающими должности муниципальной службы, способными на уровне современных требований оперативно и эффективно исполнять в рамках закона и должностных полномочий задачи и функции муниципальных органов.

По нашему мнению, значительная часть изменений в законодательстве приходится на 2007 г., поэтому на него следует обратить внимание. В общей сложности девятью федеральными законами внесены

поправки в Федеральный закон № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» и в статьи отраслевых законов, регулирующие полномочия органов местного самоуправления.

Основными направлениями в развитии федерального законодательства о местном самоуправлении в 2007 г. было решение вопросов разграничения полномочий и внесение дополнений в территориальные и организационные основы местного самоуправления, а также в экономические основы местного самоуправления и в законы, регулирующие осуществление местного самоуправления на территориях с особым статусом.

В сфере разграничения полномочий приняты три закона.

1. Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в РФ» (от 24 июля 2007 г. № 209).

2. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в связи с совершенствованием разграничения полномочий» (от 18 октября 2007 г. № 230).

3. Федеральный закон «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в РФ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ» (от 8 ноября 2007 г. № 257).

В сфере финансовых и экономических основ местного самоуправления реформирование также осуществлялось по различным направлениям. Например, в сфере имущественных отношений приняты поправки, которые расширяют разрешенные виды имущества для муниципальных образований, имеющих возможность сдачи в аренду нежилых помещений.

В отношении других изменений федерального законодательства о местном самоуправлении следует отметить также урегулирование вопросов организации местного самоуправления на территориях, которые имеют особый статус. Особый режим есть у моногородов. Перечень монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов) утвержден распоряжением Правительства

РФ от 16 апреля 2015 г. № 668-р. Все моногорода распределены на три категории в зависимости от степени ухудшения социально-экономической ситуации. В первую категорию монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации с наиболее сложным социально-экономическим положением отнесены г. Краснокаменск, пгт. Жирекен, Первомайский, Новоорловск, Новопавловка. К моногородам, где существует риск ухудшения ситуации, отнесены пгт. Шерловая Гора, Кокуй, Вершино-Дарасунский. Ключевое направление мер государственной поддержки монопрофильных муниципальных образований – диверсификация экономики и уход от монопрофильности. В 2011 г. из средств федерального бюджета Забайкальскому краю выделено 198,63 млн р. и 59,77 млн р. – на развитие инженерной инфраструктуры в целях реализации «альтернативных» инвестиционных проектов в г. Краснокаменск и пгт. Первомайский. Вместе с тем в полной мере «альтернативные» инвестиционные проекты реализуются только в монопрофильном г. Краснокаменск. В остальных монопрофильных поселениях основа планов развития – реализация проектов малого бизнеса, содействие занятости населения и реконструкция коммунальной инфраструктуры, что недостаточно для диверсификации их экономики и ускорения социально-экономического развития. Губернатором Забайкальского края и генеральным директором Фонда развития моногородов 22 января 2016 г. подписано генеральное соглашение о сотрудничестве по развитию моногорода Краснокаменска. Соглашение заключено в целях формирования необходимых условий для создания новых рабочих мест, не связанных с деятельностью градообразующей организации, и привлечения инвестиций в Краснокаменск. В ходе реализации соглашения предполагается привлечь более 10 млрд р. инвестиций, открыть новые предприятия и создать более 400 новых рабочих мест. Правительством РФ 16 июля 2016 г. принято постановление о создании территории опережающего социально-экономического

развития «Краснокаменск» в г. Краснокаменск Забайкальского края. В настоящее время ведется работа с потенциальными инвесторами по привлечению их к осуществлению деятельности в рамках данного постановления [1].

Главным условием эффективности местного самоуправления являются его организационные основы, которые характеризуют организационную структуру органов местного самоуправления, принципы, порядок и формы деятельности этих органов, а также организацию муниципальной службы.

В развитии организационных основ местного самоуправления в Российской Федерации в свете современной муниципальной реформы выделяют пять этапов:

1) 1990–1993 гг. – переход к новым принципам организации местной власти, получившим закрепление в Законе СССР «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР» (1990) и в Законе РСФСР «О местном самоуправлении в РСФСР» (1991).

Значительные преобразования произошли, прежде всего, в организации исполнительно-распорядительных органов. Как уже отмечалось, согласно Закону РСФСР «О местном самоуправлении в РСФСР», местными органами власти в административно-территориальных единицах выступали Советы народных депутатов. На этом же этапе учреждена местная администрация, которая осуществляла исполнительно-распорядительные функции по отношению к административно-территориальным единицам на принципах единоначалия, но была подотчетная представительному органу местного самоуправления, а именно соответствующему Совету народных депутатов.

Таким образом, на данном этапе начинает более отчетливо формироваться система местного самоуправления, а также прослеживается попытка осуществления принципа разделения властей;

2) 1993–1995 гг. – этот этап именуется «президентским этапом реформирования местного самоуправления», так как

в данный период организационные основы местного самоуправления находили отражение в основном в указах Президента РФ, которые были изданы до вступления в силу новой Конституции РФ в рамках тех полномочий, которые определены его Указом «О поэтапной конституционной реформе в РФ» (от 21 сентября 1993 г.). На данном этапе главным образом изменился характер взаимодействия представительного органа местного самоуправления и главы администрации в том, что указами Президента РФ устанавливался приоритет администрации в ее взаимоотношениях с представительным органом местного самоуправления. Это проявлялось в следующем:

– руководители местных администраций получили статус глав местного самоуправления;

– выборный представительный орган местного самоуправления созывался на свои заседания соответствующим главой местного самоуправления (главой администрации);

– решения, связанные с утверждением местного бюджета, расходованием финансовых средств, установлением или отменой местных налогов и сборов, принимались выборным представительным органом местного самоуправления по представлению и согласованию с главой местного самоуправления (главой администрации);

– глава местного самоуправления вправе выносить на местный референдум проект устава о местном самоуправлении;

– глава местного самоуправления председательствовал на заседаниях выборного представительного органа местного самоуправления и являлся главой соответствующей администрации.

Таким образом, названный этап продемонстрировал, что правовой основой для системы местного самоуправления послужили указы Президента РФ, которые устанавливали характер взаимоотношений администрации и представительного органа местного самоуправления;

3) 1995–2003 гг. – начался с 1 сентября 1995 г., т. е. со вступления в силу ФЗ «Об общих принципах организации

местного самоуправления в РФ» (от 28 августа 1995 г. № 154), и продолжался до начала реформирования местного самоуправления, осуществляемого на основе нового ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (от 6 октября 2003 г. № 131).

Данный период сыграл большую роль в реформировании организационных основ местного самоуправления, так как этому способствовал ряд важных событий, а именно:

- в 1996 г. Россия вступила в Совет Европы;
- в 1998 г. произошло утверждение Европейской хартии местного самоуправления;
- принят ФЗ «Об основах муниципальной службы в РФ» (от 8 января 1998 г. № 8); формирование соответствующего законодательства субъектами РФ;
- принятые решения Конституционного Суда РФ сыграли значительную роль в приведении законодательства субъектов РФ о местном самоуправлении в соответствии с Конституцией РФ, федеральными законами.

Одним из главных вопросов становления и развития организационных основ местного самоуправления считается обеспечение реализации конституционного принципа, который заключается в том, что структура органов местного самоуправления формируется населением самостоятельно. Эта структура закреплена в уставе муниципального образования, который принимался населением непосредственно либо представительным органом. ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» (1995), основываясь на данном конституционном принципе, дал муниципальным образованиям возможность выбора разных организационных схем формирования своих органов. При этом закон требовал обязательного присутствия в структуре органов местного самоуправления выборного органа. Таковым, согласно Закону, считался представительный орган местного самоуправления, обладающий рядом исключительных

полномочий. Следует отметить, что в указанном законе впервые закреплена муниципальная служба как профессиональной деятельности на постоянной основе в органах местного самоуправления по исполнению их полномочий.

Таким образом, события данного этапа определили значительный вклад в усовершенствование правовой основы местного самоуправления, которое в свою очередь регламентировало организационные основы;

- 4) 2003–2014 гг. – наступил с принятием ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» (от 6 октября 2003 г. № 131).

Согласно данному закону, каждое муниципальное образование имеет свою структуру органов местного самоуправления, которая подразумевает определенный состав выборных органов, избираемых непосредственно населением и образуемых представительным органом муниципального образования иных органов местного самоуправления, наделяемых конкретными полномочиями по решению вопросов местного значения [7];

- 5) с 2014 г. по настоящее время – принятие Федерального закона № 136, который резко изменил финансовые основы местного самоуправления, уменьшив НДС с 40 до 20 %. Ухудшилось положение городских и сельских поселений, делегирование полномочий начало доминировать, прежде всего, в муниципальных районах. Чтобы ослабить «финансовую удавку», городские округа вынуждены были обращаться за коммерческими кредитами.

Несмотря на то, что Федеральный закон № 131 стандартизирует территориальную и организационную структуру местного самоуправления во всех субъектах РФ, тем не менее он разделяет предметы ведения и полномочий муниципальных образований различного вида, определяя отличия в их правовом статусе. В субъектах РФ формируются четыре вида муниципальных образований:

- 1) городское поселение. Федеральный закон от 2003 г. № 131 предусматривает установление для каждого городского по-

селения статуса муниципального образования. При этом городское поселение может обладать статусом:

а) городского округа (в этом случае оно не входит в состав муниципального района);

б) статусом городского поселения, территория которого входит в состав территории муниципального района.

Городское поселение имеет свой перечень вопросов местного значения;

2) сельское поселение. Федеральный закон № 131 устанавливает следующие отличия организации местного самоуправления в сельских поселениях:

а) требование минимальной численности жителей сельского поселения при формировании сельского муниципального образования (по общему правилу более 1000 человек);

б) требование минимальной численности депутатов представительного органа (с учетом численности населения);

в) границы сельского поселения, в состав которого входят два населенных пункта и более, устанавливаются, как правило, с учетом пешеходной доступности до административного центра поселения;

г) в поселениях с численностью избирателей (из числа жителей) не более 100 человек для решения вопросов местного значения проводится сход граждан, который осуществляет полномочия представительного органа;

д) глава муниципального образования может быть одновременно председателем представительного органа и главой местной администрации. Кроме того, в сельских поселениях, как и в городских, не формируются собственные органы муниципальной полиции; органам местного самоуправления поселения по общему правилу не передаются отдельные государственные полномочия;

3) муниципальный район. Федеральный закон № 131 устанавливает единообразную организацию местного самоуправления в муниципальных районах: в границах муниципального района создаются и действуют муниципальные образова-

ния – городские и сельские поселения. Также данный закон разграничивает предметы ведения между муниципальным районом и городскими и сельскими поселениями;

4) городской округ. Это – городское поселение, которое не входит в состав муниципального района и органы местного самоуправления которого осуществляют полномочия по решению установленных Федеральным законом № 131 вопросов местного значения поселения и вопросов местного значения муниципального района, а также могут осуществлять отдельные государственные полномочия, передаваемые органам местного самоуправления федеральными законами и законами субъектов РФ.

В городах федерального значения образуется особый вид муниципальных образований – внутригородские муниципальные образования.

Таким образом, проведенное исследование показало, что благодаря муниципальной реформе произошло постепенное развитие институтов муниципального управления. Система общественного самоуправления, образовавшаяся по итогам реформ XIX в., сменилась жесткой централизацией и абсолютным отсутствием самостоятельности на местном уровне в советский период и насаждением местной демократии под революционным воздействием событий «перестройки» и смены социально-экономической формации в начале 90-х гг. XX в. Отметим, что последующее совершенствование системы местного самоуправления все еще является актуальной государственно-правовой задачей для Российской Федерации, так как предполагает развитие многообразной деятельности. Как отмечает С. В. Бейдин, «взаимосвязь направлений деятельности по обеспечению информационной безопасности и сложности возникающих проблем требует скоординированных действий в этой сфере» [2].

В результате муниципальной реформы относительно организационной структуры местного самоуправления возникла необходимость в определении требований к муниципальным кадрам. В связи с имеющими-

ся проблемами организационно-кадрового обеспечения в администрации городского округа «Город Чита» представляется необходимым совершенствование организационной составляющей и кадрового потенциала в следующих направлениях:

- 1) создание эффективного правового управления;
- 2) оптимизация и развитие имеющегося кадрового потенциала;
- 3) разработка стратегических направлений совершенствования системы управления кадрами на долгосрочную перспективу.

Для реализации первого направления необходимо численное наполнение работниками в правовом отделе, так как в администрации недостаточно людей для решения правовых вопросов. Это повысит качество подготовки нормативных правовых актов, а в конечном итоге и эффективность деятельности органов местного самоуправления. Кроме того, Указом Президента РФ «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления» (от 7 мая 2012 г. № 601) установлена процедура оценки регулирующего воздействия нормативных правовых актов, которая с 2014 г. является обязательной для всех субъектов РФ, а с 2015 г. — для всех муниципальных образований. Данные обстоятельства определили то, что администрацией городского округа «Город Чита» 12 марта 2015 г. принято Постановление «Об оценке регулирующего воздействия проектов муниципальных нормативных правовых актов и экспертизе муниципальных нормативных правовых актов городского округа “Город Чита”», в соответствии с которым оценка регулирующего воздействия вводится в нормотворческий процесс городского округа «Город Чита». Таким образом, правовой аспект имеет огромное значение в деятельности администрации и требует профессионализма специалистов в данной сфере.

С целью осуществления второго направления следует провести совокупность мероприятий, нацеленных на оптимизацию численности муниципальных служащих с целью установления рациональной

штатной численности. Мы предлагаем следующие возможные направления действий, которые объективно необходимы для реализации полномочий муниципальных служащих в администрации городского округа «Город Чита».

Во-первых, рекомендуем осуществлять оптимизацию штатной численности за счет изменения порядка выполнения функций. Для этого представляется допустимым наиболее интенсивное сокращение избыточных и дублирующих функций в администрации городского округа, особенно по линии районного звена (Центральный, Ингодинский, Железнодорожный, Черновский районы).

Во-вторых, реализовать оптимизацию штатной численности можно на базе изменения организационной структуры.

В-третьих, оптимизация штатной численности возможна за счет передачи отдельных функций на исполнение сторонним организациям. Такой процесс называется аутсорсингом. Для этого следует сформировать список ключевых муниципальных функций, подлежащих передаче на аутсорсинг. Это касается ремонта, охраны, информационных, бухгалтерских услуг.

В-четвертых, оптимизацию штатной численности можно реализовывать за счет уменьшения трудоемкости выполнения функций и внедрения информационно-коммуникационных технологий. В связи с этим целесообразно полностью перейти на систему документообмена в электронной форме, но для этого следует научить абсолютно всех сотрудников администрации пользоваться соответствующей программой, которая помогает работать в системе электронного документооборота под наименованием «Дело». Также актуально перевести наиболее востребованные муниципальные услуги в электронный вид в полном объеме или частично, что зависит от специфики предоставления услуг. Можно приветствовать создание нового сайта городского округа «Город Чита».

В-пятых, оптимизация штатной численности возможна за счет массового перевода административных процедур в рамках оказания муниципальных услуг в мно-

гофункциональные центры по оказанию муниципальных услуг. В данные центры можно осуществлять передачу таких административных процедур, которые связаны с информационно-консультационной деятельностью, приемом и выдачей документов, прочими публичными действиями в рамках оказания муниципальных услуг на исполнение в муниципальных федеральных учреждениях (МФЦ).

Выводы. В ходе проведенного исследования выявлены недостатки в организационно-кадровом обеспечении администрации городского округа «Город Чита»:

1) несоответствие полученного образования профессиональным требованиям, предъявляемым к замещаемым ими должностям муниципальной службы;

2) несовершенная система подготовки, переподготовки и повышения квалификации муниципальных кадров: устаревшие программы обучения, краткосрочность курсов обучения, недостаточная квалифицированность специалистов по обучению, нехватка финансовых средств;

3) несовершенная организационная структура управления.

Сказанное позволяет дать следующие рекомендации по совершенствованию данной системы в следующих направлениях:

1) необходимость создания эффективного правового управления;

2) оптимизация и развитие имеющегося кадрового потенциала;

3) разработка стратегических направлений совершенствования системы управ-

ления кадрами на долгосрочную перспективу.

С целью решения выявленных проблем предложено несколько рекомендаций, среди которых для более детального рассмотрения выбраны такие категории рекомендаций, как повышение авторитета и престижа муниципальной службы для привлечения наиболее перспективной молодежи в эту область, а также совершенствование системы подготовки кадров муниципальной службы и дополнительного профессионального образования муниципальных служащих.

В рамках группы рекомендаций по совершенствованию профессиональной подготовки муниципальных служащих рассмотрено мероприятие по организации курсов повышения квалификации внутри стен администрации городского округа «Город Чита». В рамках группы рекомендаций по повышению авторитета и престижа муниципальной службы для привлечения наиболее перспективной молодежи рассмотрены мероприятия по внедрению кадрового маркетинга и, следовательно, позитивной рекламы администрации городского округа «Город Чита».

Таким образом, в том случае если ввести Программу развития персонала администрации городского округа «Город Чита» на 2018–2020 гг. в действие, то она сможет решить ряд проблем, существующих в администрации и, как следствие, позволит существенно повысить эффективность деятельности администрации в целом.

Список литературы

1. Бартош А. А., Брезгин В. С., Верхушина Е. Н., Нимаева Б. Б. Анализ состояния местного самоуправления в Забайкальском крае [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.chita/ganepa.ru> (дата обращения: 23.11.2017).

2. Бейдин С. В., Кухарский А. Н. Направления обеспечения информационной безопасности в ракурсе деятельности органов федеральной инспекции труда по Забайкальскому краю // Местное самоуправление на современном этапе: теория и практика: IV Междунар. науч.-практ. конф. Чита, 2015. С. 19–23.

3. Валентей С. Д. Основные проблемы муниципальной реформы в России // Муниципальная реформа в России: от перехода к полномасштабной реализации. М., 2012.

4. Гальнис К. И. Концессионные соглашения как инструмент муниципально-частного партнерства // Вестник Забайкал. гос. ун-та. 2017. Т. 23, № 8. С. 132–143.

5. Друкер П. Эффективное управление. Экономические задачи и оптимальные решения: пер. с англ. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2014.

6. Зубаревич Н. В. О дефектах реформы и вреде фискальных приоритетов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vedomosti.ru/opinion/arti-cles/2017/06/28/699631-chto> (дата обращения: 03.12.2017).
7. Кутафин О. Е., Фадеев В. И. Муниципальное право Российской Федерации. М.: Велби, 2011. 330 с.
8. Максимов Н. Н. Теоретические основы инновационной деятельности // Молодой ученый. 2013. № 10. С. 340–343.
9. Одинцова А. В. Местное самоуправление как общественный институт // Муниципальная реформа в России: от переходного периода к полномасштабной реализации. М., 2012.
10. Сергеев А. А. Местное самоуправление в Российской Федерации: проблемы правового регулирования. М., 2013.
11. Macintosh A. Characterizing E-Participation in Policy-Making [Электронный ресурс] // Proceedings of the 37th Hawaii International Conference on System Sciences. Режим доступа: <http://www.yandex.ru/search/?lr=68&clid> (дата обращения: 03.12.2017).

References

1. Bartosh A. A., Brezgin V. S., Verkhushina E. N., Nimayeva B. B. *Analiz sostoyaniya mestnogo samoupravleniya v Zabaykalskom krae* (Analysis of the state of local self-government in the Transbaikal region). Available at: <http://www.chita.ranepa.ru> (Date of access: 23.11.2017).
2. Beydin S. V., Kukharsky A. N. *Mestnoe samoupravlenie na sovremennom etape: teoriya i praktika: IV Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* (Local self-government at the present stage: theory and practice: IV Intern. scientific-practical. Conf.). Chita, 2015. pp. 19–23.
3. Valentey S. D. *Munitsipalnaya reforma v Rossii: ot perekhoda k polnomasshtabnoy realizatsii* (Municipal reform in Russia: from transition to full-scale implementation). Moscow, 2012.
4. Galynis K. I. *Vestnik Zabaykal. gos. un-ta.* (Transbaikal State University Journal), 2017, vol. 23, no. 8, pp. 132–143.
5. Drucker P. *Effektivnoe upravlenie. Ekonomicheskie zadachi i optimalnye resheniya: per. s angl.* (Effective management. Economic problems and optimal solutions: transl. from English). Moscow: FAIR PRESS, 2014.
6. Zubarevich N. V. *O defektah reformy i vrede fiskalnykh prioritetov* (On the defects of the reform and harm of fiscal priorities). Available at: <http://www.vedomosti.ru/opinion/arti-cles/2017/06/28/699631-chto> (Date of access: 03.12.2017).
7. Kutafin O. E., Fadeev V. I. *Munitsipalnoe pravo Rossiyskoy Federatsii* (Municipal Law of the Russian Federation). Moscow: Velby, 2011. 330 p.
8. Maksimov N. N. *Molodoy ucheny* (Young Scientist), 2013, no. 10, pp. 340–343.
9. Odintsova A. V. *Munitsipalnaya reforma v Rossii: ot perekhodnogo perioda k polnomasshtabnoy realizatsii* (Municipal reform in Russia: from transition to full-scale implementation). Moscow, 2012.
10. Sergeev A. A. *Mestnoe samoupravlenie v Rossiyskoy Federatsii: problemy pravovogo regulirovaniya* (Local self-government in the Russian Federation: problems of legal regulation). Moscow, 2013.
11. Macintosh A. [Proceedings of the 37th Hawaii International Conference on System Sciences]. Available at: <http://www.yandex.ru/search/?lr=68&clid> (Date of access: 03.12.2017).

Коротко об авторах

Зими́на Наталья Владимировна, канд. полит. наук, доцент кафедры государственного, муниципального управления и политики, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия. Область научных интересов: политические науки, государственное и муниципальное управление, муниципальное право
ziminanv2010@yandex.ru

Ку́харский Артем Николаевич, аспирант кафедры государственного, муниципального управления и политики, Забайкальский государственный университет, г. Чита, РФ. Область научных интересов: система управления, информационная безопасность
beydina@inbox.ru

Новикова Анна Владимировна, канд. полит. наук, доцент кафедры государственного, муниципального управления и политики, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия. Область научных интересов: политические науки, государственное управление
beydina@inbox.ru

Briefly about the authors

Natalia Zimina, candidate of political sciences, associate professor, State, Municipal Management and Policy department, Transbaikal State University, Chita, Russia. Sphere of scientific interests: political science, state and municipal management, municipal law

Artem Kukharsky, postgraduate student, State, Municipal Management and Policy department, Transbaikal State University, Chita, Russia. Sphere of scientific interests: control system, information security

Anna Novikova, candidate of political sciences, associate professor, State, Municipal Management and Policy department, Transbaikal State University, Chita, Russia. Sphere of scientific interests: political science, public administration

Образец цитирования

Зимина Н. В., Кухарский А. Н., Новикова А. В. Усовершенствование систем местного самоуправления в рамках организационно-кадрового обеспечения муниципального управления // Вестн. Забайкал. гос. ун-та. 2018. Т. 24. № 3. С. 83–92. DOI: 10.21209/2227-9245-2018-24-3-83-92.

Zimina N., Kukharskiy A., Novikova A. Improvement of local self-government systems in organization and staffing of municipal management // Transbaikal State University Journal, 2018, vol. 24, no. 3, pp. 83–92. DOI: 10.21209/2227-9245-2018-24-3-83-92.

Статья поступила в редакцию: 06.03.2018 г.
Статья принята к публикации: 28.03.2018 г.

УДК 316.47

DOI: 10.21209/2227-9245-2018-24-3-93-102

ГАРМОНИЗАЦИЯ ГЕНДЕРНЫХ ОТНОШЕНИЙ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПРОЦЕССА ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

HARMONIZATION OF GENDER RELATIONS AS A COMPONENT OF DEMOCRATIC TRANSFORMATION PROCESS

*Н. П. Романова, Забайкальский государственный университет, г. Чита
vromanow@yandex.ru*

N. Romanova, Transbaikal State University, Chita

В настоящее время демократические преобразования общества проходят под знаком утверждения принципов гендерной демократии. Достижение гендерного равенства становится важнейшим показателем развития стран. Проблемная ситуация, обсуждаемая в статье, состоит в существовании противоречий между законодательно закрепленными принципами гендерного равенства и реальной социальной ситуацией. Принципы гендерного равенства автором толкуются более широко и рассматриваются в контексте развития демократического общества и трансформации его в гармоничное гражданское общество. Гендерное неравенство в современном мире понимается как проблема, затрагивающая как женщин, так и мужчин. Историко-сопоставительный анализ гендерных отношений, как ведущий методологический прием, позволил проследить историческую трансформацию взглядов на социальный аспект взаимоотношений полов. Сделан вывод, что гендерные исследования в этой сфере очень важны для выработки этических норм представления образов мужчины и женщины, лишенных дискриминации по признаку пола, построенных на основе партнерства между мужчинами и женщинами и обретения гармонии в общественной и частной жизни

Ключевые слова: демократические преобразования; гендерная демократия; гармоничное гражданское общество; социальное неравенство; маскулинность; феминность, гендерные стереотипы; социальные роли; патриархальная идеология

At the present time, democratic transformations of society are under the sign of affirming the principles of gender democracy. Achieving gender equality is becoming an important indicator of countries' development. The problematic situation discussed in the article is the existence of contradictions between the legislatively fixed principles of gender equality and the real social situation. Principles of gender equality are interpreted more widely by the author and are considered in the context of a democratic society development and its transformation into a harmonious civil society. Gender inequality in the modern world is understood as a problem, affecting both women and men. The historical and comparative analysis of gender relations, as the leading methodological device, made it possible to trace the historical transformation of views on the social aspect of the relationship between the sexes. It is concluded that gender studies in this area are very important for the development of ethical standards for the representation of images of men and women that are not discriminated against on the basis of gender, built on the basis of partnership between men and women and gaining harmony in public and private life

Key words: democratic transformation; gender democracy; harmonious civil society; social inequality; masculinity; femininity, gender stereotypes; social roles; patriarchal ideology

Введение. В современном мировом обществе процессы демократических преобразований и развития гражданского общества не теряют своей актуальности, а международный статус государства зависит и определяется их результатами. Демократические преобразования считаются в настоящее время самой востребованной моделью развития общества. Многие политики и руководители государств рассматривают демократические преобразования как панацею от большинства назревших и долго не решавшихся проблем. Однако в то же время они отдают себе отчет, что сами по себе принципы демократии не могут разрешить назревшие социально-экономические проблемы, а лишь создают «...необходимые политические институты и практики, при применении которых возможны наименее болезненные для общества пути решения накопившихся задач в интересах широких социальных слоев» [2. С. 179].

На протяжении нескольких последних десятилетий эти процессы проходят под знаком утверждения принципов гендерной демократии. В одном из руководящих международных документов – Программе развития ООН – гендерная демократия трактуется как система волеизъявления мужчин и женщин в гражданском обществе как равных в правах и возможностях, что законодательно закреплено и реально обеспечено политико-правовыми принципами и действиями при формировании общественных и государственных структур.

Гендерная демократия трактуется как принцип, обеспечивающий женщинам равные условия с мужчинами, в правах [3]:

– голосовать на всех выборах и публичных референдумах и избираться во все публично избираемые органы;

– участвовать в формулировании и осуществлении политики правительства и занимать государственные должности, а также осуществлять все государственные функции на всех уровнях государственного управления;

– участвовать в деятельности неправительственных организаций и ассоциаций,

занимающихся проблемами общественной и политической жизни страны.

Достижение гендерного равенства становится важнейшим показателем развития каждой страны. Организация Объединенных Наций относит эту проблему к разряду глобальных и рекомендует государствам изменять существующие гендерные модели, сохраняющие систему неравных ценностей и двойных стандартов. Большинство международных документов, касающихся прав и свобод человека, провозглашают принципы гендерного равенства (Декларация прав человека (1948), Конвенция ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (1979), Декларации ООН об искоренении насилия в отношении женщин (1993).

Нами принципы гендерного равенства понимаются более широко и рассматриваются в контексте развития демократического общества и трансформации его в гармоничное гражданское общество. Исходя из понимания гармонии как нечто целостного, согласованного, непротиворечивого, сбалансированного, мы рассматриваем гармоничное общество, в котором отношения его членов основаны на уважении, корректности и других факторах, обеспечивающих бесконфликтность и комфортность его существования.

Гармоничное гражданское общество базируется на высокой степени развития общей и политической культуры каждого из его членов, а следовательно, и общества в целом. В таком обществе неприемлемы негативная личностная критика, т.е. нападки на личность партнера, вместо позитивной критики того, что он делает. Также неприемлемы демонстрация презрительного отношения к человеку, игнорирование его мнения, выраженные в любой форме [6; 7; 8].

Проблемная ситуация, обсуждаемая в статье, состоит в существовании противоречий между законодательно закрепленными принципами гендерного равенства и реальной социальной ситуацией. Статусные и ценностные соотношения женской и мужской групп общества практически во

всех сферах общественной жизни находятся в дисбалансе, полны противоречий, что приводит к сохранению гендерного неравенства.

Материалы и методы решения проблемы. Общее понимание гендерного неравенства основано на характеристике социального устройства, согласно которой мужчины и женщины обладают устойчивыми различиями и вытекающими из них неравными возможностями в обществе.

Нами разделяется понимание гендерного неравенства, приведенное в работе Е. А. Стрельник [10]: «как расхождение статусных позиций женщин и мужчин в различных сферах жизнедеятельности общества, обусловленное воздействием гендерного фактора (гендерной социализации, гендерных ролей, гендерных стереотипов, дискриминационных практик) на возможности формирования и реализации социального потенциала индивида».

Гендерное неравенство — составляющая более общей проблемы — социального неравенства, продуцирующего условия, когда люди не имеют одинакового доступа к социальным благам, что обуславливает возникновение противоречий между возможностями личности и возможностью их реализовать.

Как пишет И. Р. Чикалова, «...В обществе никогда не бывает полного гендерного согласия или абсолютного гендерного конфликта. Согласие и конфликт — неизбежные атрибуты социальной реальности» [11].

Неравенство в обществе существовало всегда, начиная с первых ступеней истории. В «примитивных обществах» (эпоха дописьменной культуры) главными ценностями выступали сила, мужество, красота, религиозные познания, практические умения, которые реализовывались в возможности участия в принятии решений, распределении ресурсов и прочее. В силу врожденных особенностей эти ценности принадлежали мужчинам и способствовали возникновению социальных ролей, норм поведения, формированию и закреплению мужских гендерных стереотипов. В со-

временном мире гендерные предрассудки и стереотипы ослабевают и уходят в прошлое, однако латентная предубежденность остается, что часто является препятствием в достижении подлинного равноправия мужчин и женщин в обществе.

Гендерное неравенство в современном мире не следует рассматривать только как сугубо женскую проблему. Женская проблематика проявляется в оправдании изначального неравенства статусов мужчин и женщин, навязывании зависимости от мужчин, в несоблюдении политических прав женщин, при вхождении женщин в науку, сложностях участия в бизнесе, особенно крупном, при найме и увольнении, затрагивает дискриминацию женщин в оплате труда. Мужчины сталкиваются с дискриминацией, когда пытаются исполнять традиционно женские роли, такие как, например, ведение домашнего хозяйства, ухаживание за детьми, их воспитание и т.п.

Гендерные отношения, понимаемые как отношения между мужчинами и женщинами в обществе, рассматриваются на двух уровнях: макро- (гендерные группы) и микро- (индивид, личность).

В настоящей статье мы сосредоточим внимание на рассмотрении макроуровня гендерных отношений, оставив вне поля рассмотрения гармонизирующие взаимоотношения между мужчинами и женщинами, как индивидами, т.е. не будем касаться таких духовных категорий, как любовь, уважение, симпатия, доверие, сопереживание и т.п.

Ведущим методологическим приемом является историко-сопоставительный анализ этого уровня гендерных отношений.

Результаты. Эмансипаторский пафос XX в. изменил положение женщины во всех сферах ее жизнедеятельности, выдвигнув ценность автономии в разряд практически абсолютных. Свобода в определении жизненных стратегий женщин надломил дискриминационные стереотипы. Результатом практического опыта стала трансформация представлений о взаимоотношениях мужчин и женщин.

Положение женщины существенно изменилось как в семье, так и в социуме. П. Сорокин усматривал в этом эволюционный процесс развития человеческого общежития. Ученые не оставили без внимания новации, проявляющиеся в жизни мужчины и женщины. В поиске ответов на проблему взаимоотношений полов активизировались гендерные исследования, в основе которых лежит понятие «гендер», введенный в оборот феминистками для обозначения социальных различий между мужчинами и женщинами.

Разграничение пола и гендера явилось фундаментальным основанием и стало платформой для дискуссий и выработки научных концепций. Ранее в отечественной исследовательской литературе предпринимались попытки анализа гендерной перспективы в целом, при этом термин «гендер» либо не использовался вообще, либо им обозначались исключительно женские исследования [12].

На Западе гендерные исследования лишь в 80-е гг. XX в. отделились от женских исследований. Предметом гендерных исследований явились существующие в данном обществе представления о различиях между мужчинами и женщинами. Благодаря гендерным исследованиям, в научный оборот вошли такие понятия, как «маскулинность» (мужественность) и «феминность» (женственность). Гендерные исследования занимаются стереотипами поведения людей, принадлежащими к тому или другому полу. Гендерные стереотипы формируются с детства на основе господствующих в данной культурной среде норм о поведении мужчины и женщины. Традиционное их понимание сводится к противопоставлению мужских качеств (сила, мужество, рассудительность) женским (слабость, капризность, рассудительность, дисциплинированность). Однако гендерные исследования рассматривают социальные роли безотносительно к мужчинам и женщинам, т.е. безотносительно к половой принадлежности.

На разных этапах исторического развития и в разных социальных условиях

мужчины и женщины определялись настолько своеобразно, что объяснить это только биологическими различиями было невозможно. Разброс в социальных ролях значительно обширнее, чем физиологические различия. Мужские и женские роли конструируются и определяются социально. Социальные отношения между полами обуславливаются не только биологическими различиями. Гендерные отношения пронизывают все общественное устройство. Они накладывают отпечаток на язык, быт, чаи, домоустройство.

В гендерных исследованиях отражается анализ не только женских проблем (в отличие от феминистских), но и мужских. Прошедший этап женской эмансипации выдвинул необходимость изучения «мужского вопроса». Процесс гармонизации гендерных отношений является частью демократического процесса. В связи с этим в настоящее время актуальной проблемой является достижение равенства полов как одного из универсальных принципов в области прав человека. Универсальное неравенство в понимании проблем различия полов предполагает изживание стереотипов. Речь идет о принципиальном изменении понимания взаимоотношения мужчин и женщин в современном обществе. Однако общественное сознание далеко не всегда готово к отказу от традиционных стереотипов. В этом отношении российская история являет уникальный пример регресса общественно значимых ценностей к откровенно патриархатным, к возрождению «биологической» аргументации в определении социальных ролей. Основой этого традиционализма считают общественное мнение.

В течение длительного периода общественная и научная мысль прошла несколько этапов развития представлений о сути половых различий между мужчиной и женщиной.

Для античности характерно иерархическое восприятие мира: боги, люди, животные, растения. В этой иерархии люди не считаются равными между собой. Неравноценность мужчин и женщин мотивировалась их «различной природой». Женщины

считались низшими по природе. Происходит всплеск широкого интереса к проблеме равенства полов.

Аристотель считал, что единственным смыслом разделения полов является природное предназначение женщины — рождение детей [1]. Отношение Платона к проблеме пола было нетипичным для античности. Он выдвинул идею «разделения» изначально целостной природы человека на два пола и вплотную подошел к идее равенства полов. Иногда Платона называют «первым античным феминистом» [5].

С появлением христианства выработался иной взгляд на разделение полов. Высокое отношение к женщине (в лице Девы Марии) — это отчасти новационный взгляд на разделение полов. Основываясь на христианской точке зрения, Кристина Пизанская писала, что «Бог сотворил совершенно одинаковые, равноблагие и благородные души и для мужского, и для женского тела», хотя при этом «повелел, чтобы мужчина и женщина служили ему, выполняя разные обязанности, но при этом помогали и поддерживали друг друга... Каждому полу он дал особые способности и склонности, соответствующие их предназначению» [4].

В этот период возникают первые научные теории равенства полов, а также появляются различные утопические трактаты («Золотая книга» английского мыслителя Томаса Мора; «Город Солнца» итальянца Томмазо Кампанеллы).

Философов Нового времени также занимает проблема пола. Ж.-Ж. Руссо не считал женщину неполноценным существом. В романе-трактате «Эмиль, или О воспитании» он писал, что человеческая природа едина и «во всем, что не относится к полу, женщина равна мужчине» [9]. При этом Ж.-Ж. Руссо утверждал, что у женщины и мужчин разные добродетели: женщине следует быть стыдливой, кокетливой, хитрой, мужчине — добросовестным, прямым.

Средневековое понимание женственности и мужественности было продолжено романтиками. В частности, Ф. Шлегель считал, что женственность и мужественность представляют собой не характери-

стики отдельных полов, а два принципа, которые вместе образуют целостную человеческую личность. Интерес к проблемам пола издавна проявляли и русские мыслители. В 60-х гг. XIX в. началось активное обсуждение этой темы в России. В отечественном научном дискурсе нашли отражение подходы, которые ранее разрабатывались на Западе. Тема пола нашла отражение в русской публицистике. Всю историю человечества Н. Г. Чернышевский рассматривал с позиции равенства полов. Русская журналистика в лице, например, Марии Цебриковой также обращалась к тематике равноправия мужчин и женщин. Не только в научном дискурсе, но и в журналистике осмысление гендерных отношений становится чрезвычайно важным элементом социальных преобразований в российском обществе. Устойчивый интерес исследователей и дискурсивная открытость позволяют легитимизировать столь актуальную в современном социуме проблему. Наука обогатилась работами, анализирующими взаимоотношения мужчин и женщин, придала импульс данной проблеме.

Социально-экономические преобразования в России радикально изменили все стороны человеческого общежития и в первую очередь создали новации в отношениях мужчин и женщин. Всемирная конференция по правам человека (Вена, 1993) впервые в истории человечества провозгласила полное и равное участие как мужчин, так и женщин в политической, гражданской, экономической, общественной и культурной жизни на национальном, региональном и международном уровнях. В Конституции РФ 1993 г. правам, свободам посвящена целая глава. При этом конституция провозглашает, что права и свободы человека и гражданина в нашей стране являются правами прямого действия.

Согласно ст. 19-й Конституции РФ, государство гарантирует равенство прав и свобод независимо от пола, национальности, расы, языка, имущественного и должностного положения, отношения человека к религии. Применительно к проблемам гендерного равноправия в третьей части

ст. 19-й Конституции РФ это положение получило свою конкретизацию, где указывается, что как мужчины, так и женщины имеют не только равные права и свободы, но и равные возможности их реализации. Несмотря на то, что названные нормы не отражают истинного положения мужчин и женщин в нашей стране, она может служить руководством к действию для государственных структур, обязанных выполнять свою социальную функцию.

Нормотворческая деятельность по защите прав и свобод женщины развивалась постепенно. Важное место среди международных документов, касающихся прав женщин, занимают Конвенции и Рекомендации Международной организации труда. Подавляющая часть Конвенций МОТ о труде женщин ратифицирована нашей страной.

Четыре Женевских Конвенции по гуманитарному праву заслуживают особого упоминания. Конвенции запрещают какую-либо дискриминацию по мотивам пола и провозглашают гармонизацию отношений между мужчинами и женщинами как часть демократического процесса. Равенство между мужчинами и женщинами предполагает учет интересов обоих социально-демократических групп общества. В то же время оно вовсе не означает их идентичность или уподобление друг другу. Суть равенства между мужчинами и женщинами заключается в двух аспектах [13]:

- 1) социальная сущность рода (мужского или женского);
- 2) отношения между полами.

Разделение человечества на мужской и женский род обусловлено полом и распределением характерных для каждого пола функций, ролей, задач в общественной и частной жизни. Оно носит, прежде всего, культурный характер и имеет свои особенности в зависимости от времени, места и включает как индивидуальное, так и социальное измерение. Важную роль в моделировании условий жизни играют общественно-политические структуры. Часто они воспроизводят явное неравенство между полами. Проблема кроется в иерархии,

которая ставит мужчин на более высокий уровень по отношению к женщинам.

Принцип равноправия полов предполагает и право на различия, необходимость учитывать характерные для мужчин и женщин отличительные черты, отражающие принадлежность к иному социальному классу, религии, этносу, расе.

Изменение подхода к равенству полов тех общественных структур, которые моделируют несбалансированные властные взаимоотношения между мужчинами и женщинами, возможно, позволит добиться ощутимого успеха в становлении сложившейся ситуации, добиться большего равновесия между приоритетами и ценностями, свойственными каждому из полов. Необходимы новые дефиниции, которые дали бы основу для создания отношений партнерства между мужчинами и женщинами, равновесия в общественной и частной жизни. Обществу в своем развитии необходимо учитывать личностные ресурсы всех его членов. Ведь во всех древнейших пантеонах богов мужские и женские божества действовали на паритетных началах, в гармонии друг с другом.

Силой творческого прозрения мыслителям удастся увидеть в обществе то, что назрело и нуждается в преобразовании, чтобы выйти из тупиковой ситуации. Со временем великие идеи становятся основой мировоззрения. Видные теоретики (Тейлор, Тард, Леббок, Летурно, Фрезер) вынуждены признать, что в истории человечества женщине чаще всего отводилась роль самки, в лучшем случае красивой и привлекательной. Однако за последние десятилетия наметился определенный прогресс в достижении равенства полов. Движения женщин за равенство преследовали цель — улучшить положение женщин, гармонизировать их отношения с мужчинами и тем самым обеспечить общественный прогресс.

На первых порах, благодаря движению суфражисток, женщины получили юридические права: на гражданство, на доступ к здравоохранению, образованию, на участие в голосовании и т.п. Женщины расширили масштаб социальных и полити-

ческих преобразований. Они преодолевали препятствия к продвижению на уровень принятия экономических решений. Активное движение женщин явилось способом достижения подлинной гармонии и обеспечения прав человека. Названное явление объединяется понятием «феминизм». Однако в советском государстве это движение получило название «женский вопрос». Были созданы комитеты женщин; изданы законы, позволяющие женщинам иметь равные права с мужчинами. Поэтому «женский вопрос» в советское время был объявлен решенным.

Когда на Западе была разработана концепция гендера, в нашей стране она автоматически была перенесена в разряд «женских проблем». Однако следует настоятельно уточнить, что гендерные проблемы — это, прежде всего, проблемы не только женщин, но и мужчин, проблемы всего общества. Они не сводятся к физиологическим взаимоотношениям и распределению ролей в воспроизводстве населения. Гендерные отношения пронизывают все общественное устройство. Прошедший этап женской эмансипации поставил на авансцену необходимость изучения и «мужского вопроса». Процесс гармонизации гендерных отношений является частью общедемократического процесса. Однако демократизация автоматически не приведет к решению гендерных проблем.

В контексте сказанного следует полагать, что гендерные исследования в этой сфере очень важны для выработки этических норм представления образов мужчины и женщины, лишенных дискриминации по признаку пола, построенных на основе партнерства между мужчинами и женщинами и обретения равновесия в общественной и частной жизни. Равенство между мужчинами и женщинами — существенная составляющая прав человека. Право человека — это принцип, который следует формировать и постоянно укреплять, особенно это актуально в условиях рынка и гражданского общества, где прогресс измеряется не гуманитарными, а экономическими понятиями.

В 1995 г. в ходе IV Всемирной конференции ООН по проблемам женщин, которая состоялась в Пекине, в Программе действий одобрена концепция комплексного подхода к гармонизации отношений между полами. Комплексный подход предполагает организацию гендерной политики таковой, чтобы тема равенства между мужчинами и женщинами была инкорпорирована во все области и на все уровни. Действующие лица, осуществляющие комплексный подход к решению проблемы равенства полов, определяют приоритеты, в которых равенство между мужчинами и женщинами выступает как основа демократических процессов в России и улучшения качества жизни.

Достижение полного гендерного равенства возможно лишь при наличии определенных механизмов реализации прав и свобод человека. В реализации прав и свобод женского населения доминирующую роль играет интеграция интересов женщин, учет их интересов во всех стадиях выработки конкретных направлений государственной политики. Однако данная задача представителями государственных структур реализуется слабо. Выдвижение новых идей в реализации социальных и иных прав женщин в России принадлежит пока неправительственным организациям и научным работникам.

В странах устоявшейся демократии женщины активно интегрируются в институты власти и политический процесс. Основываясь на мировом опыте, можно выделить факторы, способствующие решению рассматриваемой проблемы:

- 1) неотъемлемым приоритетом партийной политики является политическая партийная квота;
- 2) издание законов, регламентирующих соотношение полов в стране соотношению представительства в списках кандидатов от партий;
- 3) корректировка электоральной системы мажоритарного на пропорциональное представительство.

По мнению многих ученых, пропорциональное представительство женщин в

различных структурах — это шаг к гармонизации гендерных отношений и объективно необходимое условие ликвидации гендерной дискриминации. Достижение равенства партнеров, возможностей мужчины и женщины — проблема государственная. Женщины пока еще не освоили широкое социальное пространство. Адаптация к современным условиям, обеспечение равных шансов для мужчины и женщины связано с большими социальными издержками. Существующие механизмы пока не способны обеспечить абсолютно равные возможности для мужчин и женщин. Асимметричность гендерной системы в России обусловлена все еще патриархатной идеологией, а последняя приходит в противоречие с основными принципами демократии, где чрезвычайно важное место занимает самореализация личности. Возрождение гуманизма и духовности общества и человека напрямую связано с реализацией прогрессивных идей смягчения деструктивных общественных явлений.

В советский период государственная политика в отношении женщин была направлена на вовлечение женщин в политическую и общественную жизнь. Новое законодательство декларировало полное отсутствие дискриминации. Однако законодательные акты сами по себе не способны обеспечить реализацию вопросов равенства полов. Для этого нужны объективные условия и эффективные механизмы контроля за исполнением принимаемых решений. Утверждение, что «женский вопрос» решен, не соответствовало истинному положению дел. В период перестроечных процессов перспектива создания общества равных возможностей в нашей стране была предана забвению. Документы, принятые международным сообществом, касающиеся положения трудящихся женщин; трудящихся женщин с семейными обязанностями; дискриминации женщин в области занятости; равного вознаграждения за равный труд побуждают к принятию таких мер, которые позволили бы женщинам и мужчинам иметь равные возможности.

Для решения поставленных задач Европейский союз разработал программы

действий, где национальная и региональная политика в решении данного вопроса названа приоритетной.

Их деятельность включала:

— внедрение в политику новых методов управления практическими действиями в этой области;

— улучшение условий для образования и профессиональной подготовки женщин;

— определение и учет перспектив их занятости и влияния на нее новых технологий;

— расширение социальной деятельности государств и корпораций по адаптации системы социального обеспечения к происходящим изменениям в трудовых, общественных и семейных отношениях.

В постперестроечный период Правительство РФ приняло ряд законов, указов, постановлений, гарантирующих гендерное равноправие. Однако целостная система повышения роли женщин в России пока не сложилась.

Устранение гендерной асимметрии должно осуществляться Правительством РФ; Комиссией по вопросам улучшения положения женщины при Правительстве РФ; Департаментом по проблемам семьи, женщин и детей Министерства труда и социального развития РФ; Управлением охраны здоровья матери и ребенка Министерства здравоохранения; Комитетом по делам женщин, семьи и молодежи при Государственной Думе, региональными комитетами и комиссиями по делам женщин, семьи и детей. Однако реальных результатов пока недостаточно, ибо документы, в которых предлагаются конкретные меры по ликвидации дискриминации в отношении женщин, носят рекомендательный характер. Объективное общественное положение женщин изменилось мало: дискриминация из открытой стала скрытой, что следует из многочисленных докладов по гендерным исследованиям.

Выводы. Целью гендерных исследований является углубленное понимание роли женщины на мировой арене. Внимание ученых и общественности открывает перспективу равноправия граждан обоого

пола. В ряде стран уже выработаны механизмы регулирования гендерного равенства. Найти грамотные решения для того, чтобы законы были работающим инструментом обеспечения гендерного равенства – не простая задача.

С наступлением XXI в. связаны надежды на лучшее будущее граждан, испытыва-

ющих притеснения и ущемления в правах. О третьем тысячелетии говорят как о грядущей эпохе гендерного равноправия, когда женщины смогут полностью реализовать свои возможности. Это эпоха позитивных процессов, где будет достигнута гармонизация гендерных отношений как часть демократического процесса России.

Список литературы

1. Аристотель. Политика // Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 1983. Т. 4. 830 с.
2. Баранов Н. А. Об эффективности демократии // Актуальные проблемы современного политического процесса: материалы междунар. науч. конф. (15 февр. 2007 г.). СПб.: Балт. гос. техн. ун-т, 2007. Ч. 1. С. 179–185.
3. Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин [Электронный ресурс] // Конвенции и соглашения ООН. Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cedaw.shtml (дата обращения: 10.12.2017).
4. Кристина Пизанская. Из «Книги о Граде Женском» // Пятнадцать радостей брака и другие сочинения французских авторов XIV–XV вв. / под ред. Ю. Л. Бессмертного. М.: АСТ, 1991. С. 223–224.
5. Платон. Государство // Собр. соч.: в 4 т. М.: Мысль, 1994. Т. 3. 654 с.
6. Романова И. В. Адаптация одиноких женщин к посттрудовому периоду жизни. Чита: ЧитГУ, 2004. 189 с.
7. Романова И. В., Романова Н. П., Шарова Т. В. Адаптационные ресурсы женщин: структура, объем, дифференциация // Вестник Забайкал. гос. ун-та. 2012. № 7. С. 73–83.
8. Романова И. В. Категория «образ жизни» в отечественной и зарубежной научной литературе // Вестник Забайкал. гос. ун-та. 2012. № 10. С. 63–79.
9. Руссо Ж.-Ж. Эмиль, или О воспитании [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.litlife.club/bd/?b=157478> (дата обращения: 12.12.2017).
10. Стрельник Е. А. Гендерное неравенство: теоретико-методологические подходы к интерпретации // Социология: теория, методы, маркетинг. 2005. № 4. С. 147–154.
11. Чикалова И. Р. Гендерный подход в науках о человеке и обществе: смещение исследовательских парадигм // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны: навук. зб. – Мінск: БДУ, 2007. Вып. 3. С. 89–100.
12. Чикалова И. Р. Политические стратегии современных женских исследований // Женщина. Образование. Демократия: сб. ст. Минск, 1999. С. 14–26.
13. Шведова Н. А. Интеграция женщин в социально-политический процесс. Опыт США. Опыт Канады // Интеграция женщин в процесс общественного развития. М., 1994. Ч. 1, 11. С. 106–191.

References

1. Aristotle. *Sochineniya: v 4 t.* (Written works: in 4 vol). Moscow: Mysl, 1983. Vol. 4. 830 p.
2. Baranov N. A. *Aktualnye problemy sovremennogo politicheskogo protsesssa: materialy mezhdunar. nauch. konf. (15 fevr. 2007 g.)* (Actual problems of the modern political process: materials of the international. scien. conf. (Feb. 15, 2007)). St. Petersburg: Balt. state. tech. University, 2007. Part 1. P. 179–185.
3. *Konventsii i soglasheniya OON* (Conventions and UN agreements). Available at: http://www.un.org/en/documents/decl_conv/conventions/cedaw.shtml (Date of access: 10.12.2017).
4. Christina of Pisa. *Pyatnadsat radostey braka i drugie sochineniya francuzskih avtorov XIV–XV vv. / pod red. Yu. L. Bessmertny* (Fifteen joys of marriage and other works of French authors XIV-XV centuries / Ed. Yu. L. Bessmertny). Moscow: AST, 1991. P. 223–224.
5. Plato. *Sobr. soch.: v 4-h t.* (Collected edition in the 4 vol.). Moscow: Mysl, 1994. Vol. 3. 654 p.
6. Romanova I. V. *Adaptatsiya odinokih zhenshchin k posttrudovomu periodu zhizni* (Adaptation of single women to the post-labor period of life). Chita: State University, 2004. 189 p.
7. Romanova I. V., Romanova N. P., Sharova T. V. *Vestnik Zabaykal. gos. un-ta* (Transbaikal State University Journal), 2012, no. 7, pp. 73–83.

8. Romanova I. V. *Vestnik Zabaykal. gos. un-ta* (Transbaikal State University Journal), 2012, no. 10, pp. 63–79.

9. Rousseau J.-J. *Ehnil, ili o vospitanii* (Emil, or about education). Available at: <http://www.litlife.club/bd/?b=157478> (Date of access: 12.12.2017).

10. Strelnik E. A. (Sociology: theory, methods, marketing), 2005, no. 4, pp. 147–154.

11. Chikalova I. R. *A source study and special historical disciplines: science. Sat. Vol. 3* (Krynitsavnazstva i spetsyalyaynaya gistorychnyya dyscytsplyny: navuk. zb.). Minsk: BSU, 2007. Issue. 3. P. 89–100.

12. Chikalova I. R. *Zhenshchina. Obrazovanie. Demokratiya: sb. st.* (Woman. Education. Democracy: Collected Art.). Minsk, 1999. P. 14–26.

13. Shvedova N. A. *Integratsiya zhenshchin v process obshchestvennogo razvitiya* (Integration of women in the process of public development). Moscow, 1994. Part 1, 11. P. 106–191.

Коротко об авторе

Briefly about the author

Романова Нелли Петровна, д-р социол. наук, профессор, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия. Область научных интересов: гендерная социология, философия одиночества, деловые коммуникации, управление персоналом
vgromanow@yandex.ru

Nelly Romanova, doctor of sociological sciences, professor, Transbaikal State University, Chita, Russia. Sphere of scientific interests: gender sociology, loneliness philosophy, business communications, personnel management

Образец цитирования

Романова Н. П. Гармонизация гендерных отношений как составляющая процесса демократических преобразований // Вестн. Забайкал. гос. ун-та. 2018. Т. 24. № 3. С. 93–102. DOI: 10.21209/2227-9245-2018-24-3-93-102.

Romanova N. Harmonization of gender relations as a component of democratic transformation process // Transbaikal State University Journal, 2018, vol. 24, no. 3, pp. 93–102. DOI: 10.21209/2227-9245-2018-24-3-93-102.

Статья поступила в редакцию: 02.03.2018 г.

Статья принята к публикации: 16.03.2018 г.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В ЗАБАЙКАЛЬСКОМ КРАЕ

EFFICIENCY OF INTERACTION BETWEEN LOCAL GOVERNMENT AND ENTREPRENEURSHIP IN TRANSBAIKAL REGION

*А. А. Бартош,
Забайкальский
государственный
университет, г. Чита
anna.a.bartosh@gmail.com*

*A. Bartosh,
postgraduate,
Transbaikal State University,
Chita*

*Е. Н. Верхушина,
Читинский филиал
РАНХиГС, г. Чита
e.verkhushina@gmail.com*

*E. Verkhushina,
Chita branch of RANEPA,
Chita*

Статья посвящена эффективности взаимодействия органов власти и малого и среднего бизнеса в муниципальных образованиях в Забайкальском крае. С применением статистических данных обоснована роль малого бизнеса как движущей силы развития территории: обеспечение диверсификации экономики, занятость населения, производство товаров и услуг непосредственно для местного потребления, налоговые поступления в бюджет. Отмечена необходимость применения научного подхода в вопросе оказания поддержки малому предпринимательству, при этом подчеркнута важность изучения данного вопроса в разрезе местного уровня власти. Приведены и проанализированы результаты опроса, участие в котором приняли предприниматели и представители органов местного самоуправления (главы и специалисты администраций муниципальных образований) Забайкальского края. Приводимые в статье в форме диаграмм и таблиц результаты исследования касаются следующих вопросов: прямое взаимодействие представителей власти и бизнеса; каналы осуществляемого взаимодействия; информированность о деятельности организаций инфраструктуры поддержки малого бизнеса; оказываемые меры поддержки; проблемы, препятствующие развитию малого бизнеса, и пути их разрешения. Установлено, что интересы местных органов власти, направленные на экономическое развитие территории, должны быть связаны с предпринимательством. Сделан вывод о наличии существенных противоречий во мнениях представителей бизнеса и местных администраций по вопросам деятельности органов власти. Выявлена низкая степень вовлеченности глав муниципальных образований с предпринимателями. Отмечен ряд проблем взаимодействия власти и бизнеса и предложены способы повышения эффективности данного взаимодействия, в том числе через проведение совместных экспертных мероприятий в муниципальных районах

Ключевые слова: предпринимательство; малый и средний бизнес; местная власть; местное самоуправление; взаимодействие; органы власти; развитие территорий; партнерство; диверсификация экономики; результаты опроса

The article is devoted to the questions of interaction efficiency between administrations and small and medium business in municipalities on the example of the Transbaikal region. With the use of statistical data, the role of small business as the driving force for the development of the territory is justified: through diversification of economy, employment of population, production of goods and services for local consumption, tax revenues to the budget. It is noted that it is necessary to apply a scientific approach in support of small business, while emphasizing the importance of studying this issue in terms of the local level of power. The results of the survey are presented and analyzed; entrepreneurs and representatives of local governments (heads and specialists of administrations of municipalities) of the Transbaikal region were involved in it. The results of the research, presented in the article in the form of diagrams and tables, concern the following issues: direct interaction of government and business;

channels of interaction; awareness of the activities of small business support organizations; rendered support measures; problems that impede the development of small businesses, and ways to resolve them. It is established that the interests of local authorities aimed at economic development of the territory should be related to entrepreneurship. It was concluded that there are significant contradictions in the opinions of representatives of business and local administrations on the issues of the activities of the authorities. A low degree of involvement of heads of municipalities with entrepreneurs was revealed. A number of problems of interaction between government and business were noted, and ways to improve the effectiveness of this interaction were proposed: including through collective expert activities in municipalities

Key words: entrepreneurship; small and medium business; local government; local administration; interaction; bodies of government; territory development; partnership; diversification of the economy; survey results

Введение. В настоящее время становится очевидным, что устойчивое социально-экономическое развитие территории невозможно без осуществления конструктивного взаимодействия органов власти и бизнес-сообщества. Обострение социально-экономических проблем регионов, вследствие длительного экономического кризиса [3], ограниченности бюджетных ресурсов, обуславливает необходимость поиска дополнительных источников финансирования [4], направленных на развитие внутреннего потенциала территории.

В условиях рыночной экономики малый бизнес является основной движущей силой социально-экономического развития через формирование конкурентной среды, обеспечение налоговых отчислений, создание рабочих мест и повышение уровня жизни [9]. Мировая практика показывает, что в экономически развитых странах малыми предприятиями производится свыше половины валового внутреннего продукта [5; 10].

Несмотря на сформированные организационные и правовые основы, в России, согласно данным статистики, доля малого бизнеса в валовом внутреннем продукте составляет около 20 %. В Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 г. (принята распоряжением Правительства РФ от 2 июня 2016 г. № 1083-р) перед органами власти поставлена задача удвоить данный показатель.

В Забайкальском крае тенденции развития малого и среднего предприниматель-

ства схожи с общероссийскими. По данным Министерства экономического развития Забайкальского края, за 2017 г. количество субъектов малого и среднего предпринимательства сократилось на 0,3 %. Среднесписочная численность работников малых и средних предприятий составила 101,8 % к уровню предыдущего года. Наибольшее развитие бизнес получил в торгово-посредническом секторе, нежели в производственном. В то же время наблюдается диспропорция в предпринимательской активности по территории региона [3].

В этой связи отмечается, что вопросы оказания комплексной государственной поддержки малому предпринимательству, формирования благоприятной деловой среды требуют дополнительной научной проработки [8].

Как правило, эффективность взаимодействия и предоставления поддержки малому и среднему бизнесу в Забайкальском крае рассматривается исследователями в разрезе федерального и регионального уровней [2; 4; 6–8]. Однако в создании привлекательных условий для ведения предпринимательской деятельности уровень муниципалитетов приобретает гораздо большее значение. Непосредственная приближенность местных администраций к решению проблем предполагает возможность осуществления обратной связи с ключевыми заинтересованными в развитии территории сторонами. В этой связи для экономического развития муниципалитета важно приобретение местным уровнем власти статуса равноправного партнера для бизнеса

[10], поскольку это позволит реализовать внутренний потенциал и повысить занятость населения.

Методы исследования. Исследование в целях оценки взаимодействия органов власти с представителями бизнес-сообщества проведено в сентябре-ноябре 2017 г. в муниципальных образованиях Забайкальского края методом анкетирования. В опросе приняли участие 248 предпринимателей из муниципальных районов Забайкальского края; 38 глав администраций, из них 22 – главы поселений; 37 специалистов администраций муниципальных образований.

Распределение респондентов-предпринимателей по сферам деятельности в целом соответствует структуре предпринимательской активности в регионе: в наибольшей степени представлена сфера «торговля» – 52,4 %, «бытовые услуги» – 8,5 %, «производство» – 6,5 %, «сельское хозяйство» – 5,2 %.

Вопросы анкеты охватывали широкий круг аспектов взаимодействия предпринимателей и органов власти местного уровня. Аналогичные вопросы задавались как представителям бизнес-сообщества, так и местным администрациям.

Результаты исследования. Наличие канала прямой связи предпринимателей с местной администрацией может служить дополнительной формой гарантии эффективного взаимодействия.

Среди опрошенных предпринимателей 53,2 % респондентов знают специалиста, отвечающего за работу с предпринимателями; 46,7 % ответили отрицательно. При этом все специалисты администраций (100 %) в ходе опроса отметили, что взаимодействуют с предпринимателями.

На вопрос «По Вашему мнению, глава муниципального района (поселения) взаимодействует с предпринимателями лично?» ответы предпринимателей распределились следующим образом: «да» – 47,6 % опрошенных предпринимателей, «нет» – 52,4 %.

Относительно своего взаимодействия с предпринимателями ответы глав распределились следующим образом: 37 глав (97,4 % из числа опрошенных) взаимодействуют (в связи с тем, что на поселенческом уровне отсутствуют специалисты, главы являются теми, кто по полномочиям взаимодействует с предпринимателями напрямую), один из опрошенных ответил, что не взаимодействует с предпринимателями, эти полномочия – у специалистов.

Большинство респондентов-предпринимателей среди каналов взаимодействия отметили личное общение со специалистом администрации (49,2 %) и главой администрации муниципального района (поселения) (56,5 %). При необходимости по телефону к специалисту администрации могут обратиться 33,5 % респондентов, к главе администрации – 35,1 %. В меньшей степени для обращений к специалисту и главе администрации используется канал «электронная почта» – 5,6 и 4,0 % соответственно (рис. 1).

При этом все из предложенных каналов взаимодействия для общения со специалистом выбрали 3,6 % опрошенных предпринимателей, с главой – 2,8 %. Ни один канал взаимодействия не выбрали 39,5 % предпринимателей – обращения к специалисту, 25,4 % – обращения к главе.

Похожим является распределение ответов глав и специалистов местных администраций (рис. 2). Специалисты администраций чаще всего взаимодействуют с предпринимателями по телефону (100 % респондентов) и лично (89,2 % респондентов). Однако главы муниципалитетов считают, что конечные исполнители в большей степени взаимодействуют лично (100 % опрошенных глав), нежели по телефону (76,3 % опрошенных глав). Взаимодействие по каналу «электронная почта» актуально для 75,7 % опрошенных специалистов и редко используется главами муниципалитетов (44,7 %).

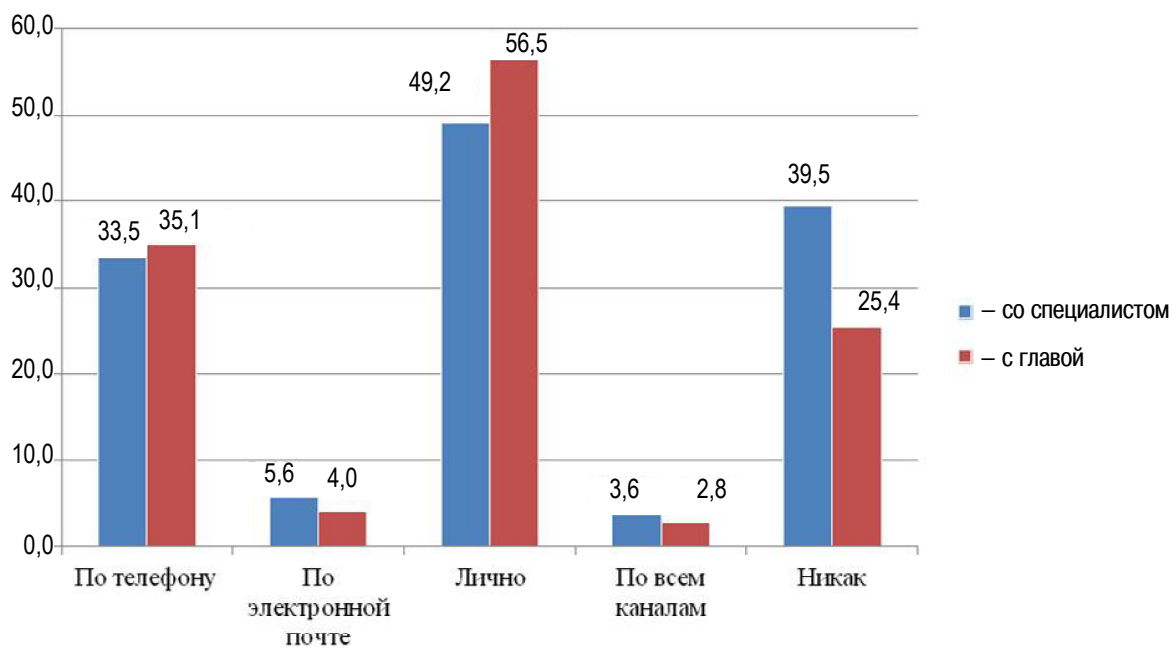

Рис. 1. Использование предпринимателями каналов взаимодействия, %
/ Fig. 1. Channels of interaction used by entrepreneurs, %

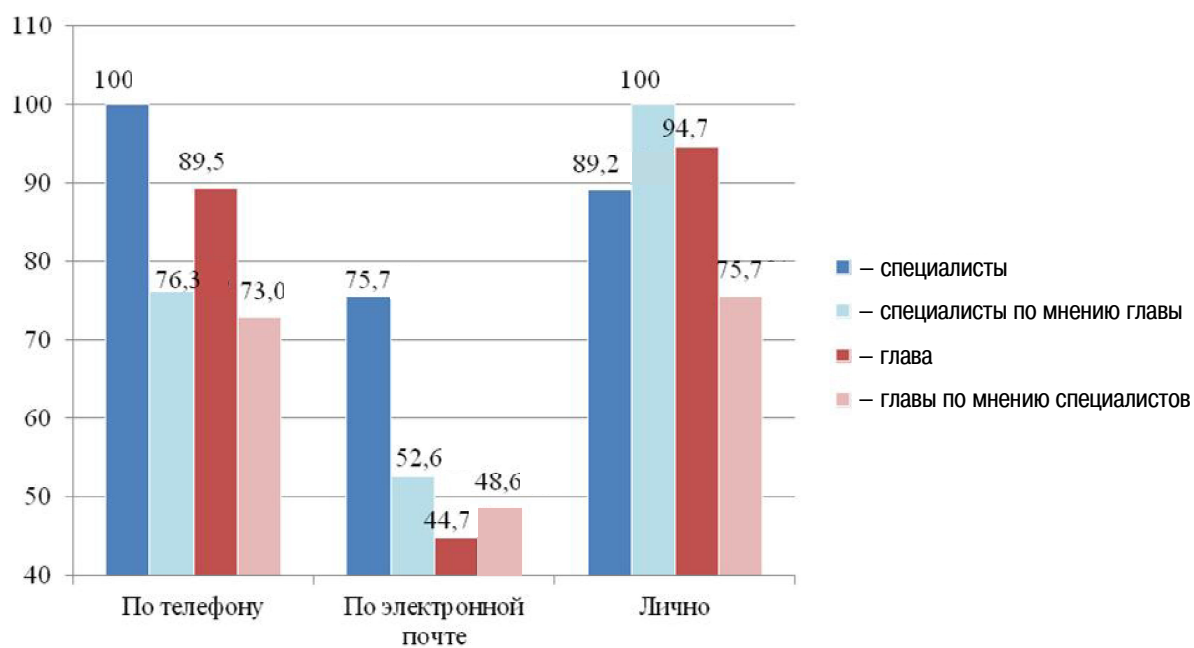

Рис. 2. Использование местными администрациями каналов взаимодействия, %
/ Fig. 2. Channels of interaction used by local governments, %

Отметим, что 55,3 % среди опрошенных глав и 43,2 % специалистов не смогли указать сложности при взаимодействии с предпринимателями.

Остальные назвали:

- низкую мотивацию, активность, безынициативность, слабый отклик;
- отсутствие финансирования;
- низкий уровень компетентности, информированности;
- недоверие к власти, высокую стоимость аренды, отсутствие помещений, пла-

тежеспособность, земельные отношения.

На вопрос о проведении в муниципальном районе (поселении) мероприятий для предпринимателей в 2016–2017 гг.:

– 64,9 % опрошенных предпринимателей ответили, что мероприятия не проводились;

– 35,1 % респондентов ответили утвердительно, при этом 24,6 % опрошенных принимали участие в мероприятиях, 10,5 % – участия не принимали (рис. 3).

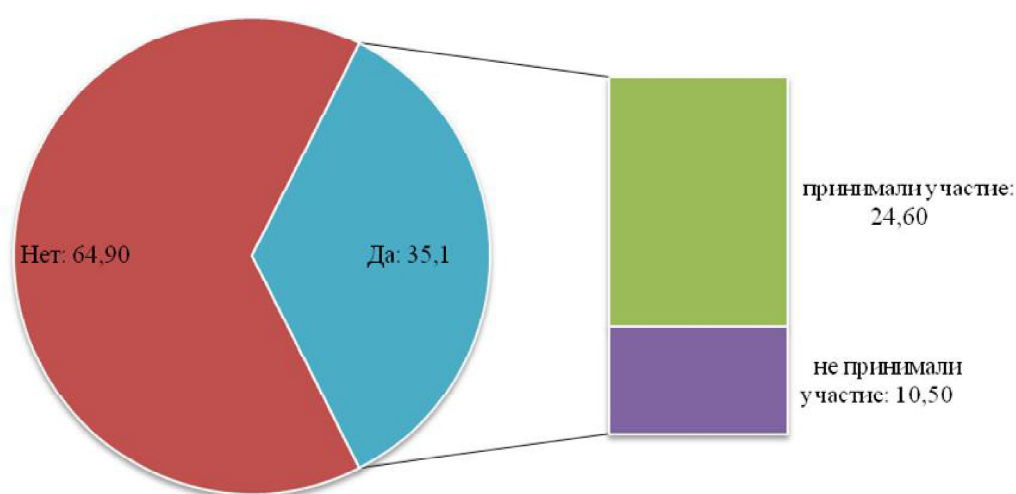

Рис. 3. Проведение мероприятий для предпринимателей в муниципальных образованиях, % /
Fig. 3. Events for entrepreneurs in municipalities, %

В ходе опроса предпринимателям и сотрудникам местных администраций задавался вопрос: «Какие организации инфраструктуры поддержки малого и среднего предпринимательства Вы знаете?». Среди организаций и институтов, представляющих инфраструктуру поддержки малого и среднего предпринимательства, в наибольшей степени опрошенные знают Фонд поддержки малого предпринимательства и

Центр развития бизнеса (табл. 1), что обусловлено расширением микрокредитования среди субъектов предпринимательской деятельности. По сравнению с результатами опроса предпринимателей 2015 г., проведенного авторами, следует отметить повышение узнаваемости ими Фонда поддержки малого предпринимательства и Корпорации развития Забайкальского края.

Таблица 1

Распределение вариантов ответов об информированности о деятельности организаций и институтов, представляющих инфраструктуру поддержки малого и среднего предпринимательства, % / Distribution of answers about entrepreneurs' awareness of the organizations and institutions activities that represent the infrastructure for supporting small and medium-sized enterprises, %

Наименование показателя / Indicator	Предприниматели / Entrepreneurs	Главы / Administration heads	Специалисты / Specialists
Фонд поддержки малого предпринимательства / Small business support fund	41,5	73,6	78,3
Центр развития бизнеса / Business development center	29,8	63,2	81,8
Уполномоченный по защите прав предпринимателей в Забайкальском крае / Business ombudsman of Transbaikal Region	28,6	57,8	75,6
Корпорация развития Забайкальского края / Corporation for development of the Transbaikal Region	27,8	50,0	70,3
Фонд поддержки малого предпринимательства в муниципальных районах / Municipal small business support funds	24,2	31,6	43,2
Забайкальская лизинговая компания / Transbaikal leasing company	17,3	42,1	62,1
Региональный инжиниринговый центр / Regional engineering Center	12,5	21,0	62,1
Гарантийный фонд Забайкальского края / Guarantee Fund of the Transbaikal Region	10,1	44,7	64,8

Однако около 30 % опрошенных предпринимателей не знают ни одной организации инфраструктуры поддержки бизнеса. Информированность специалистов о возможностях поддержки малого бизнеса выше, чем у глав местных администраций.

При обращении за консультацией предприниматели получают различные рекомендации по обращению в организации инфраструктуры поддержки (рис. 4). Отметим, что, несмотря на информированность специалистов о деятельности организаций инфраструктуры поддержки бизнеса, больше половины респондентов-предпринимателей не получали от местных администраций рекомендаций обращаться в указанные организации (66,5 %), а 69,4 % опрошенных не обращались в них. К Уполномоченному по защите прав предпринимателей в Забайкальском крае обращались 5,2 % опрошенных предпринимателей, при этом никому из респондентов не было

рекомендовано обратиться. Обращения в основном касались вопросов проверок контролирующими организациями, тарифов на энергоресурсы, введения онлайн-касс.

Кроме перечисленных организаций, предприниматели обращались в многофункциональные центры, а также в ПАО Сбербанк – 3,2 % опрошенных (рекомендовали к ним обратиться 2,8 % респондентов).

Таким образом, возникает проблема отсутствия координируемой системы взаимосвязей и информирования «бизнес-органы местного управления – организации инфраструктуры поддержки».

В ходе опроса респондентам предложено дать открытый ответ на вопрос: «Какие трудности (проблемы), на Ваш взгляд, препятствуют развитию предпринимательства в Вашем районе (поселении)?». Анализ ответов респондентов позволил выявить укрупненные группы проблем (табл. 2).

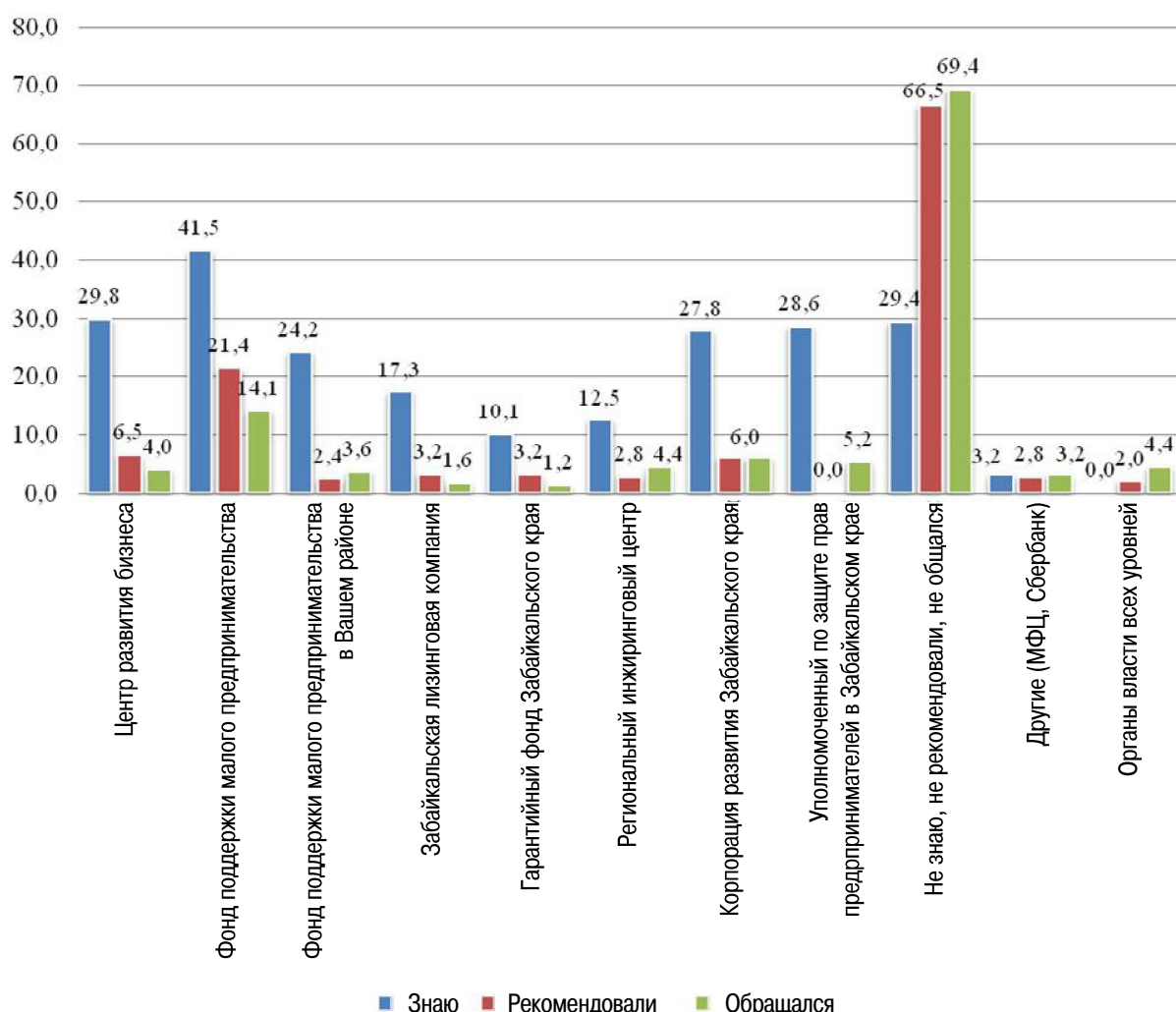

Рис. 4. Результат обращения предпринимателей за консультацией /
Fig. 4. Results of the entrepreneurs' appeal for advice

Мнение об отсутствии проблем в районе (поселении) высказали 33,5% опрошенных предпринимателей, затруднились ответить 1,6 %.

Основными проблемами, по мнению предпринимателей, являются неплатежеспособный спрос, неразвитый рынок сбыта (что выражается в отсутствии у населения денежных средств на приобретение товаров, работ, услуг) – 13,7 %, высокие налоги – 13,3 %, высокие тарифы на энергоресурсы – 9,3 %. Недостаточное взаимодействие органов власти и бизнеса (безразличие чиновников, бюрократизм, отсутствие вни-

мания, помощи и т. д.) в качестве проблемы отметили 8,5 %. Смежной проблемой выступает отсутствие государственной поддержки – 6,5 % респондентов; 7,3 % опрошенных выделили такую проблему, как конкуренция (в том числе со стороны предпринимателей других районов, регионов, иностранных граждан, крупных торговых сетей). При этом в наименьшей степени упомянуты такие проблемы, как проверки контролирующими органами (1,2 %), отсутствие информации (1,2 %), отсутствие кадров (1,6 %), нормативно-правовое регулирование, онлайн-кассы (1,6 %).

Таблица 2

Распределение вариантов ответов предпринимателей о проблемах, препятствующих развитию малого бизнеса в муниципальном образовании, % / Distribution of possible entrepreneurs' answers about problems, hampering the development of small business in the municipality, %

Укрупненная группа проблем / Enlarged group of problems	Доля в общем числе опрошенных предпринимателей / Share in the total number of interviewed entrepreneurs
Неплатежеспособный спрос, неразвитый рынок сбыта / Insolvent demand, undeveloped market	13,7
Высокие налоги / High taxes	13,3
Высоки тарифы на энергоресурсы / High tariffs for energy resources	9,3
Недостаточное взаимодействие органов власти и бизнеса (безразличие чиновников, бюрократизм, отсутствие внимания и т. д.) / Insufficient interaction of government and business (indifference of officials, bureaucracy, lack of attention, etc.)	8,5
Конкуренция (в т.ч. со стороны предпринимателей других районов, регионов, иностранных граждан, крупных торговых сетей) / Competition (including entrepreneurs from other districts, regions, foreign citizens, large trading networks)	7,3
Отсутствие государственной поддержки / Lack of state support	6,5
Высокая арендная плата / High rent	6,5
Неразвитая инфраструктура / Undeveloped infrastructure	4,4
Недостаток собственного финансирования (оборотные средства) / Lack of own financing (working capital)	4,0
Слабое социально-экономическое развитие территории / Weak socio-economic development of the territory	4,0
Недоступность кредитов (в т.ч. высокие ставки) / Inaccessibility of loans (including high rates)	3,6
Отдаленность территории / Distance of the territory	3,2
Нелегалы, иностранцы / Illegals, migrants	2,8
Нормативно-правовое регулирование, онлайн-кассы / Legislative regulation, online cashier	1,6
Отсутствие кадров / Lack of staff	1,6
Отсутствие информации / Lack of information	1,2
Проверки контролирующих органов / Checks of regulatory bodies	1,2
«Дураки и дороги» / "Fools and roads"	0,8

Не смогли назвать трудности или считают, что таковых нет, – 21,1 % опрошенных глав и 10,8 % специалистов.

Среди трудностей главы отметили:

– «отсутствие финансирования», «нет денежных средств», «финансирование» – 21,1 % респондентов;

– «высокие налоги», «налоговая нагрузка» – 15,8 % опрошенных;

– «удаленность» – 13,2 %;

– «высокие тарифы», «стоимость ГСМ» – 13,2 % респондентов.

Специалисты преимущественно считают, что развитию предпринимательства препятствуют высокие тарифы, стоимость ГСМ (27,0 %). Также доминируют ответы «отсутствие финансирования», «низкая покупательская способность» (по 16,2 %). Среди единичных ответов: «высокая кадастровая стоимость», «высокая аренда», «от-

сутствие рынков для сбыта сельхозпродукции», «нелегальное предпринимательство», «приграничная зона», «удаленность», «отсутствие инвесторов», «плохие дороги» и т. п.

Таким образом, можно сделать вывод о некотором единстве проблем, мешающих развитию предпринимательства в районах [2]: налоги, высокие тарифы на энергоресурсы и ГСМ, низкая покупательская способность населения, недостаток денежных средств.

Особый интерес представляет распределение ответов на вопрос об ожиданиях предпринимателей от работы органов власти. Половина респондентов-предпринимателей (50,0 %) отметила отсутствие ожиданий от действий властей (рис. 5). При этом 4,0 % опрошенных выразили негативное мнение о деятельности власти («власти не верю»), 3,2 % указали ответ «не мешать».

Рис. 5. Рейтинг проблем, препятствующих развитию бизнеса в муниципалитете, по мнению предпринимателей, % / Fig. 5. Rating of problems, impeding the development of business in the municipality according to entrepreneurs, %

В наибольшей степени опрошенные предприниматели ожидают от власти взаимодействия и взаимопомощи (12,1 %); 8,1 % респондентов отметили необходимость социально-экономического развития территории в части повышения инвестиционного климата, создания рабочих мест и повышения уровня и качества жизни населения. Эффективной работы органов власти (снижения бюрократизма, повышения компетентности, ускорения решения проблем) ожидают 8,1 % опрошенных.

Финансовой поддержки в форме грантов и субсидий ожидают 7,3 %, снижения налогов и обязательных платежей — 6,9 %. Неожиданным предложением со стороны предпринимателей-респондентов стало ограничение конкуренции со стороны предпринимателей с других муниципальных районов, регионов, в том числе крупных торговых сетей, ларьков и т. д. — 3,2 % опрошенных. Наиболее низкий рейтинг у следующих укрупненных групп ответов респондентов: «благоустройство территории»

(2,0 %), «доступные кредитные ресурсы» (1,6 %), «отмена (перенос) введения онлайн-касс» (1,6 %), «снижение (сдерживание) тарифов» (1,6 %), «информационная поддержка» (1,6 %), «упрощение процедур торговли алкогольной продукцией» (1,2 %), «снижение числа проверок» (0,8 %).

На вопрос об ожиданиях предпринимателей о работе органов власти не смогли ответить на вопрос 34,2 % опрошенных глав администраций и 32,4 % специалистов. Большинство глав говорили общими словами («благоприятных условий», «поддержки», «взаимодействия», «понимания») или в целом об ожиданиях населения («рост зарплат», «рабочие места»); 21,1 % глав и 45,9 % специалистов считают, что предприниматели ожидают имущественной, финансовой поддержки; 13,2 % глав и 13,5 % специалистов ответили, что предпринимателям необходима информационная, консультационная поддержка. Также среди специалистов встречались единичные ответы: «развитие приграничных территорий», «помощь в оформлении документов», «незамедлительная реакция и помощь», «благоприятные условия», «поддержка инициатив».

При этом главы муниципальных образований и специалисты местных администраций не смогли выделить приоритетные проекты для развития территории, отметив стандартные направления: сельское хозяйство, туризм, деревообработку, социальную инфраструктуру и т. п. Свыше половины (55,3 %) опрошенных глав и 45,9 % специалистов не смогли назвать поддерживаемые проекты в их муниципальных образованиях.

Таким образом, мнения респондентов по поводу ожиданий от работы органов власти разделились. Наличие противоречий в понимании интересов ключевых стейкхолдеров (заинтересованных лиц) развития территорий означает необходи-

мость осуществления консолидации усилий общественности, региональных и местных властей, а также бизнес-сообщества для проведения эффективного диалога.

Выводы. Очевидно, что интересы местных органов власти с позиции жизнедеятельности местного сообщества напрямую должны быть связаны с развитием предпринимательства [1], поскольку предприятия малого бизнеса обеспечивают диверсификацию экономики муниципалитета и занятости населения, производят товары и услуги непосредственно для местного потребления.

В целом по результатам опроса следует отметить низкую степень вовлеченности глав муниципальных образований во взаимодействие с предпринимателями. Об этом свидетельствует как низкая активность при сборе анкет, так и низкая информативность собранных анкет.

Многие главы и специалисты не видят потенциала развития малого бизнеса для своих территорий, что проявилось в отсутствии ответов и их формальности на вопросы о приоритетных и поддержанных проектах.

Негативным фактором является и то, что половина предпринимателей ничего не ожидают от местной власти. С учетом ответов глав и специалистов можно говорить об автономном развитии предпринимательства в районах.

Считаем, что, поскольку в настоящее время органами местного самоуправления ведется подготовка стратегий развития муниципальных образований, актуальным является проведение «проектных лабораторий» («фокус-групп») отдельно по каждому муниципальному району (особенно отстающим по уровню социально-экономического развития и депрессивному), объединяющее глав, специалистов в сфере муниципальной экономики и предпринимателей для выявления приоритетных проектов и механизмов взаимодействия.

Список литературы

1. Анненкова А. А., Дорохова Ю. В., Гришина А. Н. Содействие развитию малого предпринимательства на территории муниципальных образований // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. № 4. С. 163–173.
2. Беляев Д. А., Малышев Е. А. Роль малого предпринимательства в социально-экономическом развитии национальной экономики // Вестник Забайкал. гос. ун-та. 2017. № 11. С. 85–91.
3. География Сибири в начале XXI века: в 6 т. Т. 6. Восточная Сибирь / гл. ред. В. М. Плюсин. Новосибирск: Гео, 2016. 397 с.
4. Копытова Е. Д. К вопросу о взаимодействии власти, бизнеса и общества в решении задач развития территорий // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10, № 5. С. 197–215.
5. Кох Л. В., Куневич К. А. Критерии отнесения предприятий к категории малых // Вестник Забайкал. гос. ун-та. 2017. № 3. С. 111–125.
6. Малое предпринимательство в России. Становление и факторы развития. Обеспечение конкурентоспособности и эффективность. Государственная поддержка и экономическая безопасность / В. Ю. Буров [и др.]. Чита: ЗабГУ, 2017. 236 с.
7. Малышев Е. А., Беляев Д. А. Развитие и поддержка малого предпринимательства в Забайкальском крае // Новая экономическая реальность, кластерные инициативы и развитие промышленности (INPROM-2016): материалы междунар. науч.-практ. конф. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2016. С. 129–134.
8. Разгулина Е. Д. Партнерские отношения органов власти и бизнеса в регионе: состояние и проблемы // Вопросы территориального развития. 2014. № 9. С. 1–9.
9. Lewis P., Neiman M. *Custodians of Place: governing the growth and development of cities*. Georgetown University Press, 2009.
10. *Local Government Management: current issues and best practices* / edited by D. J. Watson, W. L. Hassett. Routledge, 2015.

References

1. Annenkova A. A., Dorokhova Yu. V., Grishina A. N. *Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk* (Srednerussky Bulletin of Social Sciences), 2015, no. 4, pp. 163–173.
2. Belyaev D. A., Malyshev E. A. *Vestnik Zabaykal. gos. un-ta* (Transbaikal State University Journal), 2017, no. 11, pp. 85–91.
3. *Geografiya Sibiri v nachale XXI veka: v 6 t. T. 6. Vostochnaya Sibir* / gl. red. V. M. Plyusnin (Geography of Siberia at the beginning of the XXI century: 6 volumes. Vol. 6. Eastern Siberia / Ch. Ed. V.M. Plyusnin). Novosibirsk: Geo, 2016. 397 p.
4. Kopytova E. D. *Srednerusskie ekonomicheskie i sotsialnye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* (Economic and social changes: facts, trends, forecast), 2017, vol. 10, no. 5, pp. 197–215.
5. Kokh L. V., Kunevich K. A. *Vestnik Zabaykal. gos. un-ta* (Transbaikal State University Journal), 2017, no. 3, pp. 111–125.
6. *Maloe predprinimatelstvo v Rossii. Stanovlenie i faktory razvitiya. Obespechenie konkurentosposobnosti i effektivnost. Gosudarstvennaya podderzhka i ekonomicheskaya bezopasnost* / V. Yu. Burov [i dr.] (Small business in Russia. Formation and development factors. Ensuring competitiveness and efficiency. State support and economic security / V. Yu. Burov [and others]). Chita: ZabGU, 2017. 236 p.
7. Malyshev E. A., Belyaev D. A. *Novaya ekonomicheskaya realnost, klasternye initsiativy i razvitie promyshlennosti (INPROM-2016): materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* (New economic reality, cluster initiatives and development of industry (INPROM-2016): materials of the international. scientific-practical. conf.). St. Petersburg: Publishing house of Polytechnic. Univ., 2016. P. 129–134.
8. Razgulina E. D. *Voprosy territorialnogo razvitiya* (Issues of territorial development), 2014, no. 9, pp. 1–9.
9. Lewis P., Neiman M. *Custodians of Place: governing the growth and development of cities* [Custodians of Place: governing the growth and development of cities]. Georgetown University Press, 2009.
10. *Local Government Management: current issues and best practices* / edited by D. J. Watson, W. L. Hassett [Local Government Management: current issues and best practices / edited by D. J. Watson, W. L. Hassett]. Routledge, 2015.

Коротко об авторах

Бартош Анна Александровна, аспирант, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия. Область научных интересов: социально-экономические проблемы и перспективы развития, монопрофильные муниципальные образования, региональная экономика, стратегирование
anna.a.bartosh@gmail.com

Верхушина Екатерина Николаевна, заместитель директора Читинского филиала РАНХиГС, г. Чита, Россия. Область научных интересов: развитие малого и среднего предпринимательства, стратегирование, развитие компетенций государственных и муниципальных служащих
e.verkhushina@gmail.com

Briefly about the authors

Anna Bartosh, postgraduate, Transbaikal State University, Chita, Russia. Sphere of scientific interests: socio-economic problems and development prospects, single-industry municipalities, regional economy, strategic planning

Ekaterina Verkhushina, deputy director of the Chita branch of RANEPА, Chita, Russia. Sphere of scientific interests: development of small and medium-sized businesses, strategic development, development of competencies of state and municipal employees

Образец цитирования

Бартош А. А., Верхушина Е. Н. Эффективность взаимодействия органов местного самоуправления и предпринимательства в Забайкальском крае // Вестн. Забайкал. гос. ун-та. 2018. Т. 24. № 3. С. 103–114. DOI: 10.21209/2227-9245-2018-24-3-103-114.

Bartosh A., Verkhushina E. Efficiency of interaction between local government and entrepreneurship in Transbaikal Region // Transbaikal State University Journal, 2018, vol. 24, no. 3, pp. 103–114. DOI: 10.21209/2227-9245-2018-24-3-103-114.

Статья поступила в редакцию: 06.03.2018 г.
Статья принята к публикации: 28.03.2018 г.

УДК 11.15.45

DOI: 10.21209/2227-9245-2018-24-3-115-125

**ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО ДЕЛЕГИРОВАНИЮ ПОЛНОМОЧИЙ МЕСТНОГО
САМОУПРАВЛЕНИЯ КАК ИННОВАЦИОННАЯ ПРОБЛЕМА С УЧЕТОМ
МЕЖДУНАРОДНОЙ И РОССИЙСКОЙ СПЕЦИФИКИ**

**PROPOSALS FOR THE DELEGATION OF LOCAL SELF-GOVERNMENT POWERS
AS AN INNOVATIVE PROBLEM BASED ON INTERNATIONAL AND RUSSIAN
SPECIFICS**

*Т. Е. Бейдина,
Забайкальский
государственный
университет,
г. Чита
beydina@inbox.ru*

*T. Beydina,
Transbaikal State
University, Chita*

*С. В. Бейдин,
Забайкальский
государственный
университет,
г. Чита
beydina@inbox.ru*

*S. Beydin,
Transbaikal State
University, Chita*

*К. И. Гальнис,
Забайкальский
государственный
университет,
г. Чита
beydina@inbox.ru*

*K. Galynis,
Transbaikal State
University, Chita*

*А. В. Новикова,
Забайкальский
государственный
университет,
г. Чита
beydina@inbox.ru*

*A. Novikova,
Transbaikal State
University, Chita*

Рассматривается проблема делегирования полномочий, которая предполагает передачу полномочий государственного, регионального и муниципального уровней. Характеризуются принципы делегирования, инновационный характер и особенности делегирования муниципалитетов. Показаны механизмы решения вопросов местного значения. Отмечено, что на практике нечеткость формулировок, их неопределенность приводит к различным неблагоприятным последствиям. Проблемы делегирования полномочий очень специфичны для РФ, здесь должны учитываться как международный, так и инновационный уровни. В настоящее время продолжается реформа местного самоуправления, направленная на учет региональных особенностей при разграничении полномочий между различными уровнями публичной власти и органами местного самоуправления. Однако этот процесс все чаще принимает модернизационный, инновационный характер ввиду отсутствия в российской действительности подобного аналогового и информационного опыта управления. В статье анализируется делегирование полномочий на уровень городских и сельских поселений, определена специфика Забайкальского края, заключающаяся в приграничности и недостатке финансовых ресурсов для осуществления полномочий. Перспективными могут быть различные проявления договорной формы сотрудничества, когда под решения конкретных совместных задач местного значения в долевым выражении могут выделяться средства из бюджетов разных уровней. Даны рекомендации относительно улучшения делегирования полномочий в Забайкальском крае: необходимо использовать собираемые собственные средства самообложения жителей – разовые платежи, равные для всех жителей муниципалитета; увеличивать объем межбюджетных трансфертов и поддержку местных инициатив; развивать формы межмуниципального сотрудничества

Ключевые слова: делегирование полномочий; местное самоуправление; Забайкальский край; инновации; сельские и городские поселения; муниципалитеты; кадровые проблемы; государственные полномочия; концессионные соглашения; муниципально-частное партнерство; межмуниципальное сотрудничество

The article deals with the problem of subsidiarity, which implies devolution of powers to the state, regional and municipal levels. The principles of delegation, innovative nature and features of delegation to municipalities are characterized. The article notes the mechanisms for the resolution of local issues. In practice, the vagueness of language and their uncertainty leads to various adverse consequences. The problems of authority delegation are very specific for the Russian Federation and should be taken into account both at international and innovative levels. At present, the reform of local self-government is continuing, aimed at taking into account regional peculiarities in the division of powers between different levels of public authority and local self-government bodies. However, this process is increasingly taking a modernizing, innovative character due to the lack of similar, analog and information management experience in Russian reality. The article examines the delegation of authority to the level of urban and rural settlements and specifics in Zabaykalsky Krai, consisting of the borderline and the lack of financial resources for the exercise of authority. Perspective can be a manifestation of various contractual forms of cooperation, when a joint address specific local issues in equity terms, can be allocated funds from the budgets of different levels. In the article the findings to improve the delegation of authority in Zabaykalsky Krai are given: it is necessary to use the collected own means of self-taxation of residents - one-time payments equal for all residents of the municipality; increase the volume of intergovernmental transfers and support of local initiatives; develop forms of inter-municipal cooperation

Key words: delegation of authority; local government; Zabaykalsky Krai; innovation; urban and rural settlements; municipalities; personnel problems; public authority; concession agreement; municipal-private partnership; intermunicipal cooperation

Введение. В современном темпе жизни руководителю порой не хватает времени на выполнение некоторых важных задач. Для этого руководитель может передать (делегировать) часть своих полномочий сотруднику или другому управляющему для выполнения поставленных задач. Поэтому понятие «делеги́рование» существует как в индивидуальном, так и групповом (коллективном) вариантах. Делегирование как термин используется в теории менеджмента и управления, означает передачу части функций руководителя другим управляющим или сотрудникам для достижения цели организации. Технологии делегирования полномочий между ее различными уровнями исследовались как зарубежными [17; 18], так и отечественными учеными. Так, например, Г. Р. Латфуллин, О. Н. Громова полагают, что делегирование – это всегда постановка целей перед кем-то и одновременно предоставление средств для их достижения при сохранении ответственности за получение качественных результатов. Наделение полномочиями – это часть процесса поощрения персонала к развитию профессиональных навыков и знаний в области решения проблем развития организации; предполагает обеспечение работников ресурсами, властью и информацией для эффективного выполнения задания [6].

Кроме того, делегирование предполагает передачу полномочий государственного, регионального и муниципального уровней.

Цель статьи: обобщить теорию и обосновать практические выводы по передаче полномочий на муниципальные уровни, в том числе по средствам самообложения граждан, инновационному обеспечению муниципальных проектов, расширению объёма межбюджетных трансфертов и концессионных соглашений.

Методология исследования. Согласно управленческому подходу, делегирование – это передача задач и полномочий лицу, которое принимает на себя ответственность за их выполнение (М. Мескон, М. Альберт, Ф. Хедоури). Принципы и проблемы делегирования исследовались такими учёными, как Г. Б. Баканов, Г. Р. Латфуллин, О. Н. Громова [6], В. И. Кнорринг [5] и др. Предметом делегирования выступают задачи и полномочия. По формам выделяют два типа передачи полномочий: линейные и аппаратные. Линейное (вертикальное) делегирование выполняется по иерархическим уровням управления. Аппаратное (горизонтальное) – имеет консультативный, рекомендательный характер и реализуется, как правило, на одном иерархическом уровне. Делегирование полномочий может носить постоянный или временный харак-

тер. Принцип делегирования полномочий состоит в передаче руководителем части возложенных на него полномочий, прав и ответственности своим компетентным сотрудникам. Главная практическая ценность принципа состоит в том, что руководитель освобождает свое время от менее сложных повседневных дел, рутинных операций и может сконцентрировать усилия на решении задач более сложного управленческого уровня, при этом, что весьма важно для руководителя, обеспечивается соблюдение нормы управляемости. Одновременно этот метод является целенаправленной формой повышения квалификации сотрудников, способствует мотивации их труда, проявлению инициативы и самостоятельности [5]. Процесс делегирования полномочий является очень важным, так как он представляет собой передачу части функций руководителя и возложение их на другое лицо.

Процесс делегирования имеет ряд особенностей, которые должны учитываться. Руководитель может делегировать не все свои функции, есть перечень функций, которые должны оставаться непосредственно за руководителем, а именно: постановка целей и задач, стратегии и контроль.

В теории управления по отношению к процессу делегирования сформулированы два основных положения.

Полномочия делегируются должности, а не индивиду, чем обеспечивается устойчивость организационных структур по отношению к изменениям их кадрового состава.

Делегируются только полномочия, а не ответственность. Это является прямым следствием единоначалия: конечную ответственность несет руководитель (в случае провала полномочий – исполнитель). Исполнитель тоже будет отвечать, но перед руководителем (перед тем, кто делегировал ему полномочия). Ответственность поэтому может быть не делегирована, а только возложена [8].

Совершенно очевидно, что управленческий подход связан с психологическим. В работе «Психология менеджмента» Н. Е. Раевская выделила ряд принципов делегирования полномочий:

- скалярный. От четкости линий полномочий (от исполнителей до высшего руководителя) зависит эффективность системы внутриорганизационной коммуникации и функционирования организации;

- принцип абсолютной ответственности. Абсолютной является ответственность за результаты своей работы, которую несут подчиненные перед своим начальником, а он не может уклониться от ответственности за организацию их деятельности;

- паритета полномочий и ответственности. Ответственность за действия не может быть ни больше, ни меньше той, которая вытекает из делегированных полномочий;

- принцип единоначалия. Подотчетность одному начальнику уменьшает вероятность возникновения противоречий в исполнении и повышает чувство личной ответственности за результаты;

- принцип уровня полномочий. Руководители должны сами принимать решения, входящие в их компетенцию, а не направлять их «наверх» [Там же].

Проблему делегирования полномочий можно рассматривать и с позиции инновационного подхода. Инновационная деятельность предполагает различные виды работ по созданию новшеств, однако она имеет большой процент риска, а делегирование полномочий может лишь усугубить ситуацию, ведь выбор некомпетентного сотрудника или недостаточный контроль за выполнением поставленной задачи могут привести к сбою всей системы.

Управляя организацией или корпорацией, у руководителя иногда не хватает времени, опыта или знаний на решение некоторых задач. Именно тогда возникает необходимость делегирования части своих полномочий. Но руководитель должен понимать, что не все свои полномочия можно делегировать и не всем. Управляющий должен грамотно и ответственно подойти к выбору сотрудника, на которого хотел бы возложить решение поставленных целей и задач, ведь от компетентности сотрудника напрямую зависит успех решения этих задач.

Термин «инновация» происходит от латинского слова *novatio* – «изменение,

обновление», что в сочетании с приставкой *in* можно перевести как «в направлении изменений». В мировой экономической литературе инновация интерпретируется как превращение потенциального научно-технического прогресса в реальный, воплощающийся в новых продуктах и технологиях [15]. Инновации характеризуются более высоким технологическим уровнем, новыми потребительскими качествами товара или услуги по сравнению с предыдущим продуктом.

В отечественной и зарубежной научной литературе представлено множество определений понятия «инновация». Для уточнения данного термина выделим несколько определений, характеризующих инновацию с различных позиций:

– инновация – это процесс реализации новой идеи в любой сфере жизнедеятельности человека, способствующий удовлетворению существующей потребности на рынке и приносящий экономический эффект [14];

– инновация – это разработка и внедрение нового, ранее не существовавшего, с помощью которого старые, известные элементы придают новые очертания экономике данного бизнеса;

– инновация – это не всякое новшество или нововведение, а только такое, которое значительно повышает эффективность действующей системы, т. е. применено на практике [7].

Анализ приведенных определений термина «инновация» позволяет констатировать, что на современном этапе распространены три основные точки зрения и инновация представлена как:

– конечный результат – новшества (новый продукт, изделие, процессы, технологии, методы, услуги и т. п.);

– творческий процесс, направленный на разработку новых видов изделий, технологий, процессов, методов, услуг, организационно-технических и социально-экономических управленческих решений производственного, экономического, административного и другого характера в сфере организации, экономики и управления производством;

– процесс внедрения в производство новых изделий, элементов, технологий, подходов, методов, качественно отличных от предшествующего аналога и обладающих более высоким научно-техническим потенциалом, новыми потребительскими качествами.

Данные управленческие, психологические и инновационные подходы характеризуют как индивидуальный, так и коллективный уровни с позиций органов местного самоуправления.

Проблема делегирования полномочий в коллективном варианте не отрегулирована до конца, и, как отмечает О. Л. Савранская, «остальные полномочия с учетом соблюдения баланса интересов могут решаться органами местного самоуправления как поселений, так и муниципальных районов» [11].

Согласно данным субъектов РФ, в 49 регионах муниципальные районы передали часть полномочий по решению вопросов местного значения на исполнение поселениям с финансовым обеспечением в объеме 12,8 млрд р., что составило в среднем 2,7 % к общим расходам бюджетов этих муниципальных районов. С учетом того, что передача осуществлялась в отдельных муниципальных районах и по ограниченному числу вопросов местного значения, в 31 регионе удельный вес составил менее 1 %. Вместе с тем в отдельных регионах передача носила массовый характер.

Так, в муниципальных районах Республики Коми указанная передача составила 10,1 %, Хакасии – 10,9 %, Мордовии – 30,6 %, Нижегородской области – 32,2 % расходов местных бюджетов. В 2008 г. количество регионов, в которых осуществлялась передача полномочий муниципальных районов поселениям, возросло до 57. При этом по плановым показателям значительно снизилась средняя по России доля расходов по переданным полномочиям в объеме расходов муниципальных образований до 1,53 % в связи со снижением общего объема переданных полномочий до 12 млрд р. В 40 регионах она составила менее 1 %, в 13 регионах – 1...5 %. Самые высокие ана-

лизируемые показатели составили: в Белгородской области – 5,31 %, Республике Дагестан – 7,96 %, Республике Коми – 14,53 % и Республике Мордовия – 28,85 %.

Более масштабная передача полномочий по решению вопросов местного значения происходит с поселенческого уровня на уровень муниципальных районов. В 2007 г. в 54 регионах городские поселения передали отдельные полномочия муниципальным районам и в 61 регионе полномочия передавали сельские поселения, в 2008 г. соответственно в 61 и 62 регионах. Следствием укрепления экономической самостоятельности поселений является сокращение объемов и перечня передаваемых на исполнение муниципальным районам вопросов местного значения поселений (за исключением случаев, когда передача экономически обоснована и более эффективно исполняется на районном уровне) [3].

Одной из ключевых проблем развития местного самоуправления в Российской Федерации является слабая экономическая основа, проявляющаяся в недостаточности собственных налоговых, неналоговых доходов для решения вопросов местного значения, и, как следствие, высокая доля безвозмездных поступлений. Данная ситуация зачастую обостряется недофинансированием передаваемых на муниципальный уровень государственных полномочий [16].

Для разрешения подобных финансовых диспропорций могут использоваться разные технологии, способствующие снижению расходных обязательств или же увеличивающие собственные доходы местных бюджетов, в том числе концессионные соглашения по обеспечению тепло-, водоснабжения и водоотведения. Такая практика, безусловно, позволяет снизить расходы местных бюджетов на решение отдельных вопросов местного значения, но перспективными являются расширение круга объектов соглашений, включение в их число дорожной инфраструктуры, транспорта общего пользования, применение антикризисного управления. Значимость антикризисных мер неоднократно подчеркивали А. Н. Кухарский, С. В. Бейдин: «В настоя-

щее время антикризисное управление РФ представлено системой управленческих мероприятий, направленных на поддержание равновесия национальной экономики, включая отдельные экономические системы и различные хозяйствующие субъекты» [2].

Снижению и перераспределению расходов бюджетов муниципальных образований могут способствовать также отдельные инструменты межмуниципального сотрудничества (отраженные в гл. 9 и ч. 4 ст. 8. ФЗ № 131). Среди таковых в законе отмечаются ассоциативные формы (советы, ассоциации, союзы муниципальных образований), договорные формы (соглашение о намерениях, договор о совместных действиях, создание совместных рабочих групп и др.), организационно-хозяйственные формы (создание автономных НКО, фондов, учреждение хозяйственных обществ в форме ООО, ЗАО).

Относительно ассоциативных форм следует отметить, что их наличие так или иначе проявляется во всех субъектах РФ посредством создания советов, ассоциаций муниципальных образований регионов и участия в межрегиональных, национальных объединениях (Единое общероссийское объединение муниципальных образований, Ассоциация городов Поволжья, Ассоциация малых и средних городов России, Ассоциация сибирских и дальневосточных городов, Ассоциация сельских муниципальных образований и городских поселений и т. д.). Роль данной формы сотрудничества сводится, как правило, к обмену опытом, продвижению интересов муниципальных органов власти. Перспективными могут быть различные проявления договорной формы сотрудничества, когда под решения конкретных совместных вопросов местного значения в долевом выражении могут выделяться средства из бюджетов сторон. Примером подобного инструмента является соглашение о межмуниципальном сотрудничестве и взаимодействии между Алексеевским и Среднеахтубинским муниципальными районами Волгоградской области от 28 сентября 2011 г.

Более перспективной для совместного решения общих вопросов местного значения, но обладающей сложностями в реализации, является организационно-хозяйственная форма взаимодействия. Анализ российской практики показывает, что формируемые в рамках такого сотрудничества межмуниципальные организации создаются для совместного управления жилым и нежилым фондом, эксплуатации дорог, теплосетей, электросетей и для решения других вопросов местного значения. Причем данная кооперация, как правило, идет в рамках муниципального района как совместное учреждение организации районным и поселенческими (поселенческим) органами власти. Например, ООО «Маралихинское межмуниципальное тепловодоснабжающее предприятие», учрежденное органами власти поселения и муниципального района в Алтайском крае [12]. Действуя таким образом, муниципальные образования могут снижать издержки на выполнение схожих вопросов местного значения. Однако более обширному развитию межмуниципального сотрудничества мешает ряд негативных факторов: недостаточно разработанная нормативно-правовая база, отсутствие компетентных специалистов в данной сфере, противоречивые интересы муниципальных образований и т. д.

В русле стратегии снижения расходов местного самоуправления на решение отдельных вопросов местного значения может использоваться такой инструмент инициативного бюджетирования, как программа поддержки местных инициатив, предполагающая софинансирование проектов, выдвигаемых, как правило, заинтересованной группой граждан муниципального образования. Основную долю софинансирования данных проектов возлагает на себя регион, в котором происходит реализация данной программы, но часть средств поступает также от жителей, частных инвесторов муниципального образования и муниципального бюджета. Схожая по данной схеме взаимодействия программа в Забайкальском крае уже реализуется, однако распространяет

свое действие на сельские территории и ограниченный круг поддерживаемых проектов: создание и обустройство зон отдыха, спортивных и детских игровых площадок; сохранение и восстановление природных ландшафтов, историко-культурных памятников; поддержка национальных культурных традиций, народных промыслов и ремесел. Как следствие, целесообразным, на наш взгляд, является распространение практики поддержки местных инициатив на жителей городских муниципальных образований и увеличение круга возможных видов поддерживаемых проектов.

Если рассматривать стратегию пополнения доходных статей бюджетов муниципальных образований, то в данном случае перспективным может быть активное использование средств самообложения граждан как элемента неналоговых доходов (ст. 56 ФЗ № 131). Этот инструмент в Забайкальском крае не имеет распространения. По данным Избирательной комиссии края, он реализовывался лишь в Чернышевском районе в 2013 и в 2016 гг. [9]. Для перелома такой тенденции, по нашему мнению, в Забайкальском крае целесообразно воспользоваться опытом регионов, субсидирующих такие сборы. Так, например, в Пермском крае, начиная с 2014 г., на один рубль собранных через средства самообложения граждан средств из бюджета региона выделяют 5 р., в Томской области на каждый собранный посредством самообложения граждан рубль из бюджета региона выделяется 3 р. Подобный опыт можно использовать для создания регионального фонда самообложения граждан в Забайкальском крае.

В Федеральном законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» № 131 предусматриваются межмуниципальные соглашения о передаче части полномочий между органами местного самоуправления муниципального района и органами местного самоуправления входящих в данный район поселений (ч. 4 ст. 15).

Безусловно, существуют проблемы слабой бюджетной обеспеченности сель-

ских поселений, слабости связей между селениями и городской властью. Забайкальский регион имеет приграничную специфику и высокие риски муниципалитетов. Как отмечено в «Анализе состояния местного самоуправления в Забайкальском крае», «самым большим по численности населения является городской округ город Чита (краевой центр региона), численность населения которого на 1 января 2016 г. составляла 343,5 тыс. человек (31,7 % от общей численности населения Забайкальского края). К наиболее проблемным районам Забайкальского края относятся Каларский, Тунги́ро-Олекминский, Тунгокоченский – северные, самые незаселенные, экономически слабо развитые и наиболее удаленные от основных экономических центров края районы» [1].

Согласно данным рейтинга муниципальных образований Забайкальского края, к «муниципальным образованиям с высоким качеством управления муниципальными финансами относятся семь муниципальных образований: г. Чита, Газимуро-Заводский район, ЗАТО п. Горный, г. Краснокаменск и Краснокаменский район, Нерчинско-Заводский, Сретенский и Тунги́ро-Олекминский районы.

К муниципальным образованиям с надлежащим качеством управления муниципальными финансами относятся 17 муниципальных образований: Агинский, Александрово-Заводский, Балейский, Борзинский, Дульдургинский, Забайкальский, Калганский, Карымский, Могочинский, Петровск-Забайкальский, Приаргунский, Тунгокоченский, Улётовский, Хилокский, Читинский, Шелопугинский районы, п. Агинское.

К муниципальным образованиям с низким качеством управления муниципальными финансами относятся 11 муниципальных образований: Акшинский, Каларский, Красночико́йский, Кыринский, Могойтуйский, Нерчинский, Оловя́ннинский, Ононский, Чернышевский, Шилки́нский районы, г. Петровск-Забайкальский» [10].

По результатам мониторинга передачи полномочий по решению вопросов местного значения в районах Забайкальского края

среди наиболее часто передаваемых полномочий отметим следующие:

1) организация ритуальных услуг и содержание мест захоронения (заключено 272 соглашения с сельскими поселениями в 25 муниципальных районах – 83,0 % от всех сельских поселений Забайкальского края);

2) организация сбора и вывоз бытовых отходов и мусора (252 соглашения в 24 муниципальных районах – 76,3 %);

3) обеспечение проживающих в поселениях и нуждающихся в жилых помещениях малоимущих граждан жилыми помещениями, организация строительства и содержания муниципального жилищного фонда, создание условий для жилищного строительства, осуществление муниципального жилищного контроля, а также иных полномочий органов местного самоуправления в соответствии с жилищным законодательством (231 соглашение в 22 муниципальных районах – 70,2 %);

4) организация в границах поселения электро-, тепло-, газо- и водоснабжения населения, водоотведения, снабжения населения топливом в пределах полномочий, установленных законодательством Российской Федерации» (227 соглашений в 24 муниципальных районах – 68,8 %);

5) участие в предупреждении и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций в границах поселения» (214 соглашений в 20 муниципальных районах – 64,8 %);

6) создание условий для массового отдыха жителей поселения и организация обустройства мест массового отдыха населения, включая обеспечение свободного доступа граждан к водным объектам общего пользования и их береговым полосам (184 соглашения в 18 муниципальных районах – 55,8 %) [1].

Произошло значительное сокращение финансирования передаваемых полномочий и остается острой проблема нехватки квалифицированных кадров в органах местного самоуправления. «В крае около 3800 муниципальных служащих, из них только 64 % имеют высшее образование» [Там же].

Существует проблема делегирования полномочий, которая имеет международный характер. Одним из направлений конституционной реформы в Великобритании в отношении обеспечения реального разделения властей стал процесс делегирования властных полномочий от центра на места. По мнению Е. А. Устюжаниновой, «делегированное управление рекомендовано Королевской комиссией по конституционным вопросам в 1973 г. В настоящее время принято законодательство о передаче делегированных полномочий Шотландскому парламенту, Ассамблее Северной Ирландии и в меньшей степени Ассамблее Уэльса. Законодательные положения о делегировании полномочий трем территориям имеют многие общие черты, но и важные отличия в отношении каждого региона. Модели деволюции в Великобритании отличаются одна от другой. Наибольшие полномочия имеет Шотландия, Уэльсу делегируются лишь административные полномочия» [13]. Таков международный опыт.

По нашему мнению, при делегировании части своих полномочий руководителям должны учитываться следующие обстоятельства:

– поставленные цели и задачи должны определять объем делегируемых полномочий, а полномочия сотрудника, которому делегировали, должны быть достаточными для выполнения поставленных задач;

– делегируемые полномочия должны осуществляться в четкой последовательности, а исполнитель должен быть хорошо осведомлен о том, что от него требуется.

Кроме того, необходимо выделить четкие границы делегируемых полномочий.

Выводы. Делегирование полномочий предполагает финансовое обеспечение в

том числе часто передаваемых полномочий муниципалитетов: по содержанию мест захоронения, вывозу мусора, поддержанию жилищного фонда муниципалитета, организации массового отдыха, энергоснабжению населения.

Для осуществления делегирования полномочий муниципальным образованиям целесообразно использовать не только местные бюджеты, но и собираемые собственные средства самообложения жителей – разовые платежи, равные для всех жителей муниципалитета. Необходимо создавать резервы развития, в том числе фонды региональных средств самообложения жителей, эффективно управлять собственностью, расширять налоговую базу по местным сборам.

Необходимо более эффективно привлекать инвестиции по муниципальным проектам, поддерживать малый бизнес на территориях, расширять концессионные соглашения по строительству платных автомобильных дорог, совместному использованию муниципальных заводов, увеличивать объем межбюджетных трансфертов и поддержку местных инициатив.

Следует развивать формы межмуниципального сотрудничества: ассоциативные формы (советы, ассоциации, союзы муниципальных образований), договорные формы (соглашение о намерениях, договор о совместных действиях, создание совместных рабочих групп и др.), организационно-хозяйственные формы (создание автономных НКО, фондов, учреждение хозяйственных обществ в форме ООО, ЗАО).

Необходимо повышать квалификацию муниципальных служащих путем проведения выездных семинаров.

Список литературы

1. Бартош А. А., Брезгин В. С. Доклад о состоянии местного самоуправления Забайкальского края [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.journal-discussion.ru/publication.php?id=1802> (дата обращения: 02.12.2017).
2. Бейдин С. В., Кухарский А. Н. Антикризисное управление в социально-экономической сфере с учетом антироссийских санкций // Вестник Забайкал. гос. ун-та, 2016. Т. 22, № 10. С. 55–60.
3. Зубаревич Н. О дефектах реформы и вреде фискальных приоритетов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2017/06/28/699631-chto> (дата обращения: 08.12.2017).

4. Карчевская С. Вопросы, связанные с реализацией межмуниципальных соглашений по передаче части отдельных полномочий между муниципальным районом и поселениями [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.bujet.ru/article/54344.php> (дата обращения: 03.12.2017).
5. Кнорринг В. И. Теория, практика и искусство управления [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.lib.sale/teoriya-upravleniya-besplatno/printsip-delegirovaniyapolnomo-chiy.html> (дата обращения: 03.11.2017).
6. Латфуллин Г. Р., Громова О. Н. Организационное поведение [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.studfiles.net/preview/4593340/page:54/> (дата обращения: 09.09.2017).
7. Милославский И. Новизна с последствиями [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pandia.ru/text/78/436/51790.php> (дата обращения: 5.11.2017).
8. Раевская Н. Е. Психология менеджмента [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.lib.sale/osnovyi-menedjmenta-besplatno/protsessyi-delegirovaniya-polnomochiy.html> (дата обращения: 12.01.2018).
9. Реестр выборов и референдумов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.zabkrai.vyboru.izbirkom.ru/region/zabkrai> (дата обращения: 18.12.2017).
10. Рейтинг муниципальных образований Забайкальского края за 2015 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.мин-фин.зabayкальскийкрай.рф/u/files/minfin_zabkrai/finreform/sover_mo/presentation.pptx (дата обращения: 04.11.2017).
11. Савранская О. Л. Проведение исследования по изучению вопросов, связанных с выбором наиболее адекватного способа осуществления органами местного самоуправления своих функций по организации предоставления услуг гражданам [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.federalism.ru/docs/rt_09.06_sav.doc (дата обращения: 23.11.2017).
12. Сведения о государственной регистрации юридических лиц, индивидуальных предпринимателей, крестьянско-фермерских хозяйств [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.egrul.nalog.ru/> (дата обращения: 23.12.2017).
13. Устюжанинова Е. А. Модели делегирования полномочий: опыт Великобритании // Сравнительное правоведение. 2015. № 9. С. 100–109.
14. Уткин Э. А., Морозова Н. И., Морозова Г. И. Инновационный менеджмент. М.: АКАЛИС, 1996. 207 с.
15. Чернов С. А. Роль инноваций в преодолении предприятием экономического кризиса // Ученые записки Рос. гос. соц. ун-та. 2010. № 1. С. 102–104.
16. Шайхутдинов А. Ф. Проблемы финансового обеспечения органов местного самоуправления при реализации отдельных государственных полномочий в России // Молодой ученый. 2017. № 3. С. 481–483.
17. Montesquieu C. The spirit of the laws. Chapter 6. Of the Constitution of England [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.etext.lib.virginia.edu/etextbin/to...public-&part=137&division=div2> (дата обращения: 15.09.2017).
18. R Anderson v Secretary of State for the Home Department. UKHL 46 // Fordham M. Judicial Review Handbook. Fifth Edition. Hart Publishing Ltd. Oxford, 2008. P. 71.

References

1. Bartosh A. A. Brezgin V. S. *Doklad o sostoyanii mestnogo samoupravleniya Zabaykalskogo kraja* (Report on the state of local self-government of the Transbaikalian Region). Available at: <http://www.journal-discussion.ru/publication.php?id=1802> (Date of access: 02.12.2017).
2. Beydin S. V., Kukharsky A. N. *Vestnik Zabaykal. gos. un-ta* (Transbaikalian State University Journal), 2016, vol. 22, no. 10, pp. 55–60.
3. Zubarevich N. *O defektah reformy i vrede fiskalnykh prioritetrov* (On the defects of reform and harm of fiscal priorities). Available at: <http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2017/06/28/699631-cto> (Date of access: 08.12.2017).
4. Karchevskaya S. *Voprosy, svyazannye s realizatsiyey mezhmunitsipalnykh soglasheniy po peredache chasti otdelnykh polnomochiy mezhdununitsipalnym rayonom i poseleniyami* (Issues related to the implementation of intermunicipal agreements on the transfer of certain powers between the municipal area and settlements). Available at: <http://www.bujet.ru/article/54344.php> (Date of access: 03.12.2017).
5. Knorring V. I. *Voprosy, svyazannye s realizatsiyey mezhmunitsipalnykh soglasheniy po peredache chasti otdelnykh polnomochiy mezhdununitsipalnym rayonom i poseleniyami* (Theory, practice and art of management). Available at: <http://www.lib.sale/teoriya-upravleniya-besplatno/printsip-delegirovaniyapolnomo-chiy.html> (Date of access: 03.11.2017).
6. Latfullin G.R., Gromova O.N. *Organizatsionnoe povedenie* (Organizational behavior). Available at: <http://www.studfiles.net/preview/4593340/page:54/> (Date of access: 09.09.2017).

7. Miloslavsky I. *Novizna s posledstviyami* (Novelty with consequences). Available at: <http://www.pandia.ru/text/78/436/51790.php> (Date of access: 5.11.2017).
8. Raevskaya N. Ye. *Psihologiya menedzhmenta* (Psychology of management). Available at: <http://www.lib.sale/osnovyi-menedjmenta-besplatno/protsessyi-delegirovaniya-polnomochiy.html> (Date of access: 12/01/2018).
9. *Reestr vyborov i referendumov* (Register of elections and referenda). Available at: <http://www.zabkray.vybory.izbirkom.ru/region/zabkray> (Date of access: 18.12.2017).
10. *Reyting munitsipalnykh obrazovaniy Zabaykalskogo kraya za 2015 g.* (Rating of municipalities of the Transbaikal Region for 2015). Available at: http://www.minfin.zabaykalskykraj.rf/u/files/minfin_zabkray/fi_nreform/sovereign_no/presentation.pptx (Date of access: 04.11.2017).
11. Savranskaya O.L. *Provedenie issledovaniya po izucheniyu voprosov, svyazannykh s vyborom naibolee adekvatnogo sposoba osushchestvleniya organami mestnogo samoupravleniya svoih funktsiy po organizatsii predostavleniya uslug grazhdanam* (Conducting a study on the issues related to the selection of the most appropriate way of exercising by local governments their functions to organize the provision of services to citizens). Available at: http://www.federalism.ru/docs/rt_09.06_sav.doc (Date of access: 23.11.2017).
12. *Svedeniya o gosudarstvennoy registratsii yuridicheskikh lits, individualnykh predprinimateley, krestyansko-fermerskih hozyaystv* (Information on state registration of legal entities, individual entrepreneurs, peasant farms). Available at: <http://www.egrul.nalog.ru> (Date of access: 23.12.2017).
13. Ustyuzhaninova E. A. *Sravnitelnoe pravovedenie* (Comparative jurisprudence), 2015, no. 9, pp. 100–109.
14. Utkin E. A., Morozova N. I., Morozova G.I. *Innovatsionny menedzhment* (Innovative management). Moscow: AKALIS, 1996. 207 p.
15. Chernov S.A. *Uchenye zapiski Ros. gos. soc. un-ta* (Scientific notes of the Russian State University), 2010, no. 1, pp. 102–104.
16. Shaykhtudinov A. F. *Molodoy ucheny* (Young Scientist), 2017, no. 3, pp. 481–483.
17. Montesquieu C. The spirit of the laws. Chapter 6. Of the Constitution of England [The spirit of the laws. Chapter 6. Of the Constitution of England]. Available at: <http://www.etext.lib.virginia.edu/etcbin/to...public-&part=137&division=div2> (Date of access: 15.09.2017).
18. Fordham M. *Judicial Review Handbook. Fifth Edition. Hart Publishing Ltd* [Fordham M. Judicial Review Handbook. Fifth Edition. Hart Publishing Ltd]. Oxford, 2008. P. 71.

Коротко об авторах

Бейдина Татьяна Евгеньевна, д-р полит. наук, профессор, зав. кафедрой государственного, муниципального управления и политики, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия. Область научных интересов: политические науки, государственное управление, система государственного и муниципального управления
beydina@inbox.ru

Бейдин Сергей Владимирович, канд. полит. наук, доцент кафедры государственного, муниципального управления и политики, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия. Область научных интересов: политические науки, государственное управление, система государственного и муниципального управления
beydina@inbox.ru

Гальник Кирилл Игоревич, канд. социол. наук, доцент кафедры государственного, муниципального управления и политики, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия. Область научных интересов: социальные науки, государственное и муниципальное управление
beydina@inbox.ru

Новикова Анна Владимировна, канд. полит. наук, доцент кафедры государственного, муниципального управления и политики, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия. Область научных интересов: политические науки, государственное управление
beydina@inbox.ru

Briefly about the authors

Tatyana Beydina, doctor of political sciences, professor, head of State, Municipal Administration and Policy department, Transbaikal State University, Chita, Russia. Sphere of scientific interests: political science, public administration, system of state and municipal government

Sergey Beydin, candidate of political sciences, associate professor, State, Municipal Management and Policy department, Transbaikal State University, Chita, Russia. Sphere of scientific interests: political science, public administration, system of state and municipal government

Kirill Galynis, candidate of sociological sciences, associate professor, State, Municipal Management and Policy department, Transbaikal State University, Chita, Russia. Sphere of scientific interests: social sciences, state and municipal government

Anna Novikova, candidate of political sciences, associate professor, State, Municipal Management and Policy department, Transbaikal State University, Chita, Russia. Sphere of scientific interests: political science, public administration

Образец цитирования

Бейдина Т. Е., Бейдин С. В., Гальнис К. И., Новикова А. В. Предложения по делегированию полномочий местного самоуправления как инновационная проблема с учётом международной и российской специфики // Вестн. Забайкал. гос. ун-та. 2018. Т. 24. № 3. С. 115-125. DOI: 10.21209/2227-9245-2018-24-3-115-125.

Beidina T., Beidin S., Galynis K., Novikova A. Proposals on the delegation of local self-government powers as an innovative problem based on international and Russian specifics // Transbaikal State University Journal, 2018, vol. 24, no. 3, pp. 103-113. DOI: 10.21209/2227-9245-2018-24-3-115-125.

Статья поступила в редакцию: 07.03.2018 г.
Статья принята к публикации: 15.03.2018 г.

УДК 338; 348; 631

DOI: 10.21209/2227-9245-2018-24-3-126-133

АГРОТУРИЗМ КАК ФАКТОР ДИВЕРСИФИКАЦИИ ЭКОНОМИКИ РЕГИОНОВ С НИЗКИМ ПРОМЫШЛЕННЫМ ПОТЕНЦИАЛОМ

AGROTOURISM AS A FACTOR IN THE DIVERSIFICATION OF THE ECONOMY OF REGIONS WITH LOW INDUSTRIAL POTENTIAL

*М. С. Оборин, Пермский институт (филиал) Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, г. Пермь
recreachin@rambler.ru*

M. Oborin, Perm Institute (branch) of the Russian Economic University named after G.V. Plekhanov, Perm

Рассматривается агротуризм как фактор развития социально-экономического пространства регионов с низким промышленным потенциалом. Тема статьи соответствует актуальным научным направлениям формирования устойчивого роста субъектов РФ на основе имеющихся преимуществ и перспективных направлений диверсификации. Отмечено, что проблема развития депрессивных территорий является значимой для регионов страны по нескольким причинам. В первую очередь это тот потенциал, который не используется для повышения социально-экономических показателей и уровня жизни. Другой аспект проблемы заключается в преимуществах регионов с неразвитой промышленностью для формирования сферы услуг. Мировой опыт свидетельствует, что основой динамичного роста аграрного, экологического туризма является экологически благополучная окружающая среда, производство продуктов питания высокого качества, неосвоенные территории, на которых возможно развитие соответствующей инфраструктуры. Выявлены тенденции развития агротуризма и его влияние на регионы с низким промышленным потенциалом как фактора, способного качественно улучшить структуру экономики за счет ее диверсификации. В исследовании применялись сравнительный, системный и ситуационный подходы, моделирование социально-экономических процессов. Рассмотрены основные направления влияния аграрного туризма на экономику регионов с различным потенциалом, в том числе с низким уровнем развития промышленности; приведены прогнозные данные по развитию изучаемого вида туризма в стране, определен его комплексный вклад в сопутствующие отрасли экономики субъектов РФ. Сделан вывод, что агротуризм оказывает положительное влияние на рост экономики регионов, усиливая положение экономически благополучных субъектов РФ и снижая риски депрессивных регионов за счет диверсификации

Ключевые слова: промышленный потенциал; агротуризм; диверсификация; сфера услуг; занятость; малые хозяйства; тенденции развития агротуризма; субъекты Российской Федерации; методы

Agrotourism is considered as a factor in the development of socio-economic space of regions with low industrial potential. The topic of the article corresponds to the relevant scientific fields of sustainable growth development of the constituent entities of the Russian Federation on the basis of existing strengths and promising areas of diversification. The problem of depressed areas development is significant for the regions of the country for several reasons. First of all, it is a potential that is not used to improve socio-economic indicators and living standards. Another aspect of the problem lies in the advantages of regions with underdeveloped industry for the formation of the service sector. World experience shows that the basis for rapid growth of agricultural, eco-tourism is ecologically safe environment, food production of high quality, undeveloped territory, which may develop the relevant infrastructure. The trends of development of agro-tourism and its influence on regions with low industrial potential as a factor capable of qualitatively improving the structure of the economy due to its diversification have been revealed. The comparative, systemic and situational approaches, modeling of socio-economic processes are used in

the study. The main directions of agrarian tourism influence on the economy of regions with different potentials, including low level of industrial development, are considered; the forecast data on the development of the studied type of tourism in the country are given, its complex contribution to the accompanying branches of the economy of the subjects of the Russian Federation is defined. It is concluded that agrotourism has a positive effect on the growth of the economy of the regions, strengthening the position of economically sound subjects of the Russian Federation and reducing the risks of depressed regions due to diversification

Key words: industrial potential; agro-tourism; diversification; service sector; employment; small farms; trends of agrotourism development; subjects of the Russian Federation; methods

Введение. Регионы с низким промышленным потенциалом входят в зону риска, требуют государственной поддержки и зачастую существуют за счет донорских районов. В научной литературе представлены разные трактовки понятия «промышленный потенциал региона». В работах конца XX – начала XXI вв. промышленный потенциал характеризуется как совокупность имеющихся в распоряжении у системы ресурсов [3; 12]. В работах текущего десятилетия промышленный потенциал представлен как совокупность максимальных возможностей предприятий и организаций региона создавать и реализовывать конкурентоспособный качественный продукт [6; 15]. Современный подход демонстрирует, что для формирования потенциала необходимо не столько наличие ресурсов, сколько умение ими грамотно управлять.

По мнению ряда авторов, на региональном уровне именно промышленный потенциал играет ключевую роль в обеспечении занятости, удовлетворении внутреннего спроса и разностороннем развитии территории [4; 11; 16]. Однако низкий промышленный потенциал не всегда является признаком неразвитости и в результате приводит к депрессивности территорий. Развитая сфера услуг способна обеспечить региону определенную степень независимости и самодостаточности. Для регионов, специализирующихся на агропромышленности и не имеющих ресурсов для развития прочих отраслей, очень высоки отраслевые, ценовые, экономические и природно-климатические риски. Поиск и внедрение новых источников дохода для подобных территорий – необходимое условие долгосрочной стабильности региональной экономики.

Методы исследования. Сравнительный анализ является методом оценки состояния социально-экономических процессов, позволяет выявить сильные и слабые стороны развития объекта исследования, сформулировать рекомендации. Системный и ситуационный подходы способствуют изучению агротуризма в аспекте региональной ситуации и общих экономических тенденций формирования услуг данного вида с учетом мирового опыта. Моделирование социально-экономических процессов является способом построения прогнозов влияния аграрного туризма на диверсификацию экономики регионов РФ.

Результаты работы и область их применения. Развитие агротуризма в регионе – фактор, способный содействовать развитию смежных отраслей, таких как транспорт, пищевая промышленность, народные ремесла, и, следовательно, стать неким импульсом для диверсификации региональной экономики. Чтобы понять, как агротуризм может повлиять на экономику региона и ее диверсификацию, рассмотрим сущность данного термина:

– спортивные, оздоровительные, культурно-развлекательные мероприятия, нацеленные на создание благоприятных социальных условий в сельской местности (прежде всего, занятость сельского населения), повышение активности сельскохозяйственного производства (за счет перераспределения капитала), обеспечение оптимальной конкурентной среды на туристском рынке (на базе развития рыболовства и рыбоводства, производства дичи для спортивной охоты) [4];

– предпринимательская активность туристических фирм и сельского населения

по привлечению гостей на сельские территории с целью отдыха и приобретения навыков при изучении народных ремесел, участие в различных видах сельской деятельности, а также в реализации услуг и продукции местного производства [5];

– сопутствующая отрасль сельского хозяйства, обеспечивающая занятость сельского населения и привлеченного контингента для увеличения объемов основного производства и личных доходов граждан с элементами отдыха и рекреации [6];

– вид туризма, предполагающий посещение туристами действующей фермы (отеля) агропредприятия или личного подсобного хозяйства, расположенного в сельской местности [1].

Диверсификация экономики посредством развития непромышленных отраслей – действенный и «мягкий» метод развития территории, не требующий кардинальной смены спецификации региона. Основными задачами диверсификации региональной экономики являются: создание новых рабочих мест, сокращение издержек от убыточных производств, развитие предпринимательских структур в регионе. Воз-

можность и темпы осуществления диверсификации экономики регионов обусловлены комбинацией сдерживающих и стимулирующих факторов.

Успешными примерами развития агротуризма являются такие регионы Российской Федерации, как Воронежская, Ивановская, Липецкая, Орловская, Тульская и Ярославская области [1; 2]. Несмотря на достаточно скромный уровень развития и популяризации этого вида отдыха в стране, по данным на 2014 г., объекты аграрного туризма имеются в более чем 60 субъектах Российской Федерации.

По данным международного независимого института аграрной политики, потенциал агротуризма в России в ближайшие 10–15 лет оценивается в 50 млрд р. [8]. Данные по ожидаемой выручке представлены на рис. 1. Достижение представленных показателей будет сопровождаться ростом количества рабочих мест в сельских территориях на 60 тыс.

В 2015 г. доля выручки от аграрного туризма в доходах российских фермерских хозяйств составляет не более 1 %, в то время как в европейских странах – около 40 %.

Рис. 1. Динамика ожидаемой выручки от аграрного туризма, 2016-2030 гг., млрд р. [7] / Fig. 1. Dynamics of the expected revenue from agrarian tourism, 2016-2030, billion rubles [7]

Данные государственных и региональных программ развития аграрного туризма говорят о масштабных планах и перспективах развития этого сектора в стране. Однако отсутствие полноценной официальной статистики не позволяет оценить степень реализации программ и стратегий.

Краснодарский край также активно участвует в развитии агротуризма. В 2017 г. край признан лидером в данном направлении: создано более 100 объектов агротуризма в 24 городах; реализуется проект «Школа агротуризма», помогающий представителям бизнеса получать необходимые знания по организации объектов агротуризма; создана Ассоциация агротуризма. Краснодарский край один из первых принял участие в реализации проекта Федерального агентства по туризму «Гастрономическая карта России». На официальном сайте Министерства курортов, туризма и олимпийского наследия Краснодарского

края размещена карта объектов агротуризма в регионе. На карте представлено, какого рода объекты агротуризма функционируют в крае, а также четко определено, в каком районе или городе можно посетить определенный объект (пасеку, чайную плантацию и др.) (рис. 2).

Согласно данным карты, базы отдыха размещены в 15 районах, винные туры – в 5 районах, объекты рыболовства – в 13 районах, а конные прогулки – в 10 районах Краснодарского края.

В условиях стагнации традиционного сельского хозяйства агротуризм может стать мощным инструментом поддержки малых и средних хозяйств. Аграрный туризм, обеспечивая диверсификацию бизнеса, повышает его устойчивость, является эффективным инструментом продвижения сельской продукции, особенно экологически чистых, натуральных продуктов.

Рис. 2. Карта объектов агротуризма Краснодарского края [9; 14] /
Fig. 2. Map of agrotourism objects of the Krasnodar Region [9; 14]

Агротуризм также можно рассматривать как важный фактор социального развития сельских территорий. Экономическая отдача от туристской деятельности сказывается и на социальной обстановке региона:

- сокращается миграция из сельской местности;
- прекращается «забрасывание» сельских земель;
- появляется возможность «дать вторую жизнь» историческим зданиям;
- развиваются языковые и коммуникационные навыки местного населения [10].

Потенциальный вклад агротуризма как фактора диверсификации в экономики регионов можно проанализировать, исходя из структуры их ВРП. Валовый региональный продукт регионов, не обладающих крупным промышленным потенциалом, состоит преимущественно из поступлений от сельскохозяйственной деятельности,

обрабатывающих производств, торговли, услуг транспорта, связи и строительства. Экономика регионов имеют исключительно индивидуальные структуры. Статьи формирования ВРП, представленные на сайтах службы статистики регионов, в большинстве своем аналогичны, однако доля их вклада в региональный продукт в каждом регионе различна. Есть регионы, большую долю доходов которых формируют одна-две отрасли. К примеру, валовый продукт Липецкой области, по данным 2015 г., на 41 % состоит из обрабатывающих производств, 13 % составляет сельское хозяйство, 11 % – торговля, доля прочих источников не превышает 9 % [13]. Активное развитие аграрного туризма может значительно снизить зависимость региональной экономики от обрабатывающих производств, т. е. способствовать диверсификации. Сопоставление структуры ВРП Липецкой области в 2012 и 2015 гг. представлено в таблице.

Сопоставление структуры ВРП Липецкой области (2012 и 2015 гг.) [13] / Comparison of the GRP structure of the Lipetsk Region (2012 and 2015) [13]

Вид деятельности / Kind of activity	Доля в ВРП, % / Share in GRP, %	
	2012	2015
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство / Agriculture, hunting and forestry	8,4	12,6
Обрабатывающие производства / Manufacturing enterprises	39,2	40,6
Строительство / Building	12,7	8,8
Оптовая и розничная торговля / Wholesale and retail trade	10,7	10,6
Транспорт и связь / Transport and communication	6,5	4,0
Операции с недвижимостью / Operations with real estate	5,4	8,3
Государственное управление / Public administration	4,5	4,0
Прочие виды деятельности / Other activities	12,6	11,1

Динамика структурных изменений в валовом продукте области за рассмотренный период демонстрирует отсутствие ярко выраженных положительных сдвигов в плане диверсификации. Однако рост доли сельского хозяйства – признак возрастающей перспективности развития аграрного туризма, а возможно, и результат его имплементации. Такая плодотворная основа для роста, как успешный АПК, в дальнейшем будет только способствовать увеличе-

нию вклада сельского туризма в экономику региона.

Экономика Краснодарского края значительно отличается, доля ни одного из источников ВРП не превышает 17 % [9]. При этом край также использует аграрный туризм для диверсификации экономики. Подробная структура ВРП по видам деятельности представлена на рис. 3.

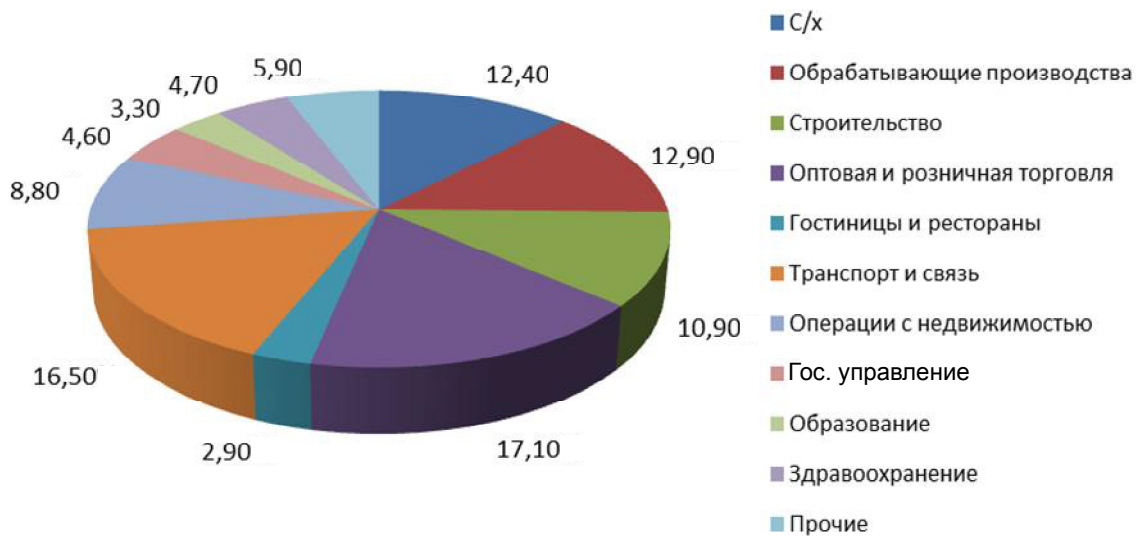

Рис. 3. Структура ВРП Краснодарского края по данным на 2016 г. [9] / Fig. 3. Structure of GRP of the Krasnodar Region according to data for 2016 [9]

Несмотря на достаточно диверсифицированную экономику, региональное правительство уделяет должное внимание обеспечению долгосрочной устойчивости региона посредством развития новых отраслей, в частности, аграрного туризма. Следует отметить, что в данных официальной статистики, а также в представленной структуре регионального продукта по видам деятельности агротуризм, как и туризм в целом, не выделяется. Однако можно предположить, что его вклад присутствует в показателях сельского хозяйства, гостиничного и ресторанного бизнеса, транспорта и прочих смежных отраслей.

Выводы. Агротуризм является динамично развивающейся сферой услуг: увеличение оборота на мировом рынке на 10...12 %; на российском – 2...3 %. Сла-

бый экономический рост в субъектах РФ должен быть поддержан отраслями, которые не требуют значительных вложений и модернизации, в то же время максимально способствуют улучшению социально-экономической ситуации. В связи с этим агротуризм имеет большой потенциал, так как развитые и депрессивные территории обладают базой для формирования данного вида социально-экономической деятельности в той или иной степени. Опыт регионов свидетельствует, что положительный эффект обеспечивается как для населения субъектов страны, так и роста сопутствующих отраслей экономики. Рост сельскохозяйственной специализации территорий с различным уровнем экономического положения объективно располагает к диверсификации на основе агротуризма.

Список литературы

1. Аналитический обзор Международного независимого института аграрной политики [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.eskrynnik.ru/repository/instdocs/7/> (дата обращения: 17.11.2017).
2. Ассоциация содействия развитию агротуризма [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.agritourism.ru/media/uploads/documents/5_2_.pdf (дата обращения: 13.12.2017).
3. Баканач О. В., Гаус К. В. Типология регионов РФ по уровню развития промышленного потенциала // Проблемы совершенствования организации производства и управления промышленными предприятиями: сб. науч. тр. Самара, 2012. № 1. С. 15–21.
4. Беспарточный Б. Д., Хромова А. В. Агротуризм: терминология и сущностные характеристики // Известия Юго-Западного гос. ун-та. 2014. № 4. С. 117–122.

5. Дубиничева Л. В., Советов П. М. Агротуризм в развитии сельских территорий // Экономика региона: проблемы и перспективы развития. 2009. Вып. 46. С. 48–55.
6. Казначеева С. Н., Челнокова Е. А., Коровина Е. А. Аграрный туризм как одно из перспективных направлений индустрии туризма [Электронный ресурс] // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2017. № 3. Режим доступа: <https://www.cyberleninka.ru> (дата обращения: 27.12.2017).
7. Концепция развития сельского туризма в России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.mniap.rf/rural-tourism/> (дата обращения: 23.11.2017).
8. Международный независимый институт аграрной политики [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.mniap.rf/rural-tourism/> (дата обращения: 16.12.2017).
9. Министерство курортов, туризма и олимпийского наследия Краснодарского края [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.map.kurortkuban.ru/> (дата обращения: 23.11.2017).
10. Оборин М. С. Особенности организации системы природопользования и хозяйствования на курортно-рекреационных территориях // Вестник Дагестан. гос. техн. ун-та. 2014. Т. 35, № 4. С. 183–192.
11. Осипов Д. Г. Совершенствование оценки промышленно-производственного потенциала региона [Электронный ресурс] // Вестник Чувашского университета. 2008. Режим доступа: <https://www.cyberleninka.ru/article/n/sovershenstvovanie-otsenki-promyshlennno-proizvodstvennogo-potentsiala-regiona> (дата обращения: 12.12.2017).
12. Смирнова И. В. Агротуризм – новое направление в развитии сельских территорий [Электронный ресурс] // Вестник Марийского гос. ун-та. 2014. Режим доступа: <https://www.cyberleninka.ru/article/n/agroturizm-novoe-napravlenie-v-razviti-i-selskih-territoriy> (дата обращения: 24.12.2017).
13. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Липецкой области [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.lipstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/lipstat/ru/statistics/ (дата обращения: 19.10.2017).
14. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Краснодарскому краю и Республике Адыгея [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.krsdstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/krsdstat/ru/statistics/grp/ (дата обращения: 15.11.2017).
15. Трясин М. М., Оборин М. С. Роль и место АПК в развитии экономики региона (на примере Пермского края) // Вестник АПК Ставрополя. Сер. Экономика. 2015. № 3. С. 233–236.
16. Nagy H., Káposzta J. A new challenge to be faced: regional inequalities // Bulletin of the Szent Istvan University. Gödöllő, 2004. P. 163–173.

References

1. Analiticheskiy obzor Mezhdunarodnogo nezavisimogo instituta agrarnoy politiki (Analytical review of the International Independent Institute of Agrarian Policy). Available at: <http://www.eskrynnik.ru/repository/instdocs/7/> (Date of access: 17.11.2017).
 2. Assotsiatsiya sodeystviya razvitiya agroturizma (Association for the promotion of agrotourism development). Available at: http://www.agritourism.ru/media/uploads/documents/5_2_.pdf (Date of access: 13.12.2017).
 3. Bakanach O. V., Gaus K.V Problemy sovershenstvovaniya organizatsii proizvodstva i upravleniya promyshlennymi predpriyatiyami: sb. nauch. tr. Samara (Problems of improving the organization of production and management of industrial enterprises: Collected articles. Samara), 2012, no. 1, pp. 15–21.
 4. Bespotochko B. D., Khromova A. V. Izvestiya Yugo-Zapadnogo gos. un-ta (News of the South-Western State University), 2014, no. 4, pp. 117–122.
 5. Dubinicheva L. V., Sovetov P. M. Ekonomika regiona: problemy i perspektivy razvitiya (The economy of the region: problems and development prospects), 2009, vol. 46, pp. 48–55.
 6. Kaznacheeva N. N., Chelnokova E. A. Mezhdunarodny zhurnal prikladnyh i fundamentalnyh issledovaniy (International Journal of Applied and Fundamental Research). 2017. № 3. Available at: <https://www.cyberleninka.ru> (Date of access: 27.12.2017).
 7. Kontseptsiya razvitiya selskogo turizma v Rossii (Concept of rural tourism development in Russia). Available at: <http://www.mniap.rf/rural-tourism> (Date of access: 23.11.2017).
 8. Mezhdunarodny nezavisimy institut agrarno politiki (International independent institute of agrarian policy). Available at: <http://www.mniap.rf/rural-tourism/> (Date of access: 16.12.2017).
 9. Ministerstvo kurortov, turizma i olimpiyskogo naslediya Krasnodarskogo kraya (Ministry of Resorts, Tourism and Olympic Heritage of the Krasnodar Region). [Available at]: <http://www.map.kurortkuban.ru/> (Date of access: 23.11.2017).
 10. Oborin M. S. Vestnik Dagestan. gos. tekhn. un-ta (Bulletin of Dagestan. State Tech. University), 2014, vol. 35, no. 4, pp.183–192.
-

11. Osipov D. G. Vestnik Chuvashskogo universiteta. 2008 (Bulletin of the Chuvash University. 2008). Available at: <https://www.cyberleninka.ru/article/n/sovershenstvovanie-otsenki-promyshlennoproizvodstvennogo-potentsiala-regiona> (Date of access: 12.12.2017).
12. Smirnova I. V. Vestnik Mariyskogo gos. un-ta. 2014 (Bulletin of Mariysk State University. 2014). Available at: <https://www.cyberleninka.ru/article/n/agroturizm-novoe-napravlenie-v-razvitii-selskih-territoriy> (Date of access: 24.12.2017).
13. Territorialny organ Federalnoy sluzhby gosudarstvennoy statistiki po Lipetskyj oblasti (Territorial authority of the Federal State Statistics Service for the Lipetsk region). Available at: http://www.lipstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/lipstat/ru/statistics/ (Date of access: 19.10.2017).
14. Territorialny organ Federalnoy sluzhby gosudarstvennoy statistiki po Krasnodarskomu krayu i Respublike Adygeya (Territorial organ of the Federal State Statistics Service for the Krasnodar Region and the Republic of Adygea). Available at http://www.krsdstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/krsdstat/ru/statistics/grp/ (reference date: 15.11.2017).
15. Tryastin M. M., Oborin M. S. Vestnik APK Stavropoliya. Ser. Ekonomika (Bulletin of the agro-industrial complex of Stavropol. Ser. Economy), 2015, no. 3, pp. 233–236.
16. Nagy H., Káposzta J. Bulletin of the Szent Istvan University. Gödöllő [Bulletin of the Szent Istvan University. Gödöllő, 2004, pp. 163–173.

Коротко об авторе

Briefly about the author

Оборин Матвей Сергеевич, д-р экон. наук, профессор кафедры экономического анализа и статистики, Пермский институт (филиал) Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова; профессор кафедры мировой и региональной экономики, экономической теории, Пермский государственный национальный исследовательский университет; профессор кафедры менеджмента, Пермский государственный аграрно-технологический университет им. академика Д. Н. Прянишникова, г. Пермь, Россия; профессор кафедры управления и технологий в туризме и сервисе, Сочинский государственный университет, г. Сочи, Россия. Область научных интересов: региональная экономика, рынок продовольственных товаров, сельский туризм, экономика АПК, сфера услуг
recreachin@rambler.ru

Matvey Oborin, doctor of economic sciences, professor, Economic Analysis and Statistics department, Perm Institute (branch) of the Plekhanov Russian University of Economics, Perm, Russia; professor, World and Regional Economics, Economic Theory department, Perm State National Research University, Perm, Russia; professor, Management department, Perm State Agrarian and Technological University named after academician D. N. Pryanishnikov, Perm, Russia; professor, Management and Technology in Tourism and Service department, Sochi State University, Sochi, Russia. Sphere of scientific interests: regional economy, market of food products, rural tourism, agribusiness economy, services sector

Образец цитирования

Оборин М. С. Агротуризм как фактор диверсификации экономики регионов с низким промышленным потенциалом // Вестн. Забайкал. гос. ун-та. 2018. Т. 24. № 3. С. 126–133. DOI: 10.21209/2227-9245-2018-24-3-126-133.

Oborin M. Agrotourism as a factor in the diversification of the economy of regions with low industrial potential // Transbaikal State University Journal, 2018, vol. 24, no. 3, pp. 126–133. DOI: 10.21209/2227-9245-2018-24-3-126-133.

Статья поступила в редакцию: 06.03.2018 г.
Статья принята к публикации: 29.03.2018 г.

УДК 334.012.64

DOI: 10.21209/2227-9245-2018-24-3-134-142

АНАЛИЗ СОСТОЯНИЯ И ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В ЗАБАЙКАЛЬСКОМ КРАЕ

THE ROLE OF SMALL BUSINESS IN THE SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE NATIONAL ECONOMY

*А. А. Ронис,
Забайкальский
государственный
университет, г. Чита
ronis_al@mail.ru*

*A. Ronis,
Transbaikal State University,
Chita*

*Д. А. Беляев,
Забайкальский
государственный
университет, г. Чита
WarrioRbel@mail.ru*

*D. Belyaev,
Transbaikal State University,
Chita*

*Е. А. Малышев,
Забайкальский
государственный
университет, г. Чита
eamalyshev@mail.ru*

*E. Malyshev,
Transbaikal State University,
Chita*

В статье приведен анализ экономического состояния и динамики развития малого предпринимательства в регионе. Отмечено, что сектор предпринимательства является стратегической сферой интересов государства, будучи основным источником финансирования бюджета разного уровня и экономического развития. Рассмотрены проблемы и риски, препятствующие увеличению доли малого предпринимательства в Забайкальском крае. Выделены и проанализированы основные экономические показатели и их влияние на развитие предпринимательства в регионе. Результаты проведенного исследования показывают необходимость развития сектора малого предпринимательства. Однако его самостоятельное развитие, без государственного участия, в условиях недобросовестной конкуренции, высокой концентрации административных барьеров, ограниченного доступа к различным ресурсам в виде кредитов, государственной поддержки не имеет перспективы. Поэтому эффективное государственное регулирование малого предпринимательства посредством необходимого перераспределения полномочий между уровнями власти, через совершенствования механизмов налогового, финансового, административного управления способно создать устойчивый сектор национальной экономики с высокой степенью отдачи. Отмечено, что в процессе развития сектора малого предпринимательства воздействию подвергается окружающая экономическая и социальная среда, а именно: совершенствуется экономическое законодательство, формируется гражданское общество. Представители малого предпринимательства осознают свою социальную ответственность перед обществом, поэтому институты государственного регулирования не только играют важную роль в создании эффективного сектора малого предпринимательства, но и способствуют развитию культуры предпринимательства, присущей цивилизованному обществу. Авторами сделан вывод о перспективности роста малого предпринимательства на территории Забайкальского края

Ключевые слова: региональная экономика; малое предпринимательство; среднее предпринимательство; выручка; субъекты малого предпринимательства; социально-экономические показатели; Забайкальский край; индивидуальные предприниматели; микропредприятия

In the article the analysis of an economic condition and dynamics of small business development in the region is resulted. It was noted that the business sector is a strategic sphere of state interests, being the main source of financing of the budget of different levels and economic development. Problems and risks that prevent the increase of small business share in the Transbaikal Region are examined. The main economic indicators and their influence on the development of entrepreneurship in the region were singled out and analyzed. The results of the research show the need for the small business sector development. However, its independent development, without state participation, in conditions of unfair competition, high concentration of administrative barriers, limited access to various resources in the form of loans, state support has no prospects. Therefore, effective state regulation of small business through the necessary redistribution of powers between levels of power, through the improvement of the mechanisms of tax, financial, administrative management can create a stable sector of the national economy with a high degree of return. It is noted that in the process of the small business sector development, the surrounding economic and social environment is exposed, namely: economic legislation is being improved, civil society is being formed. Representatives of small businesses are aware of their social responsibility to society; therefore, state regulation institutions not only play an important role in creating an effective small business sector, but also contribute to the development of an entrepreneurial culture inherent in a civilized society. The authors concluded that the growth of small business in the territory of the Transbaikal Region is promising

Key words: regional economy; small business; medium business; receipts; subjects of small business; socio-economic indicators; Transbaikal region; individual entrepreneurs; microenterprises

Введение. Успешность развития национальной экономики России находится в прямой зависимости от качества региональной экономики. Эффективное взаимодействие федеральных и региональных властей способно вывести экономику России на качественно иной уровень развития [11]. Экономика регионов РФ развивается неравномерно [10] в силу географической протяженности, разных климатических

условий, неравномерности распределения полезных ископаемых и трудовых ресурсов [2]. Забайкальский край является одним из стратегических регионов национальной экономики. Ряд статистических данных (табл. 1) свидетельствует о Забайкальском крае как об экономически развивающемся регионе и необходимости его дальнейшего развития.

Таблица 1 / Table 1

**Социально-экономические показатели некоторых регионов /
Socio-economic indicators of some regions**

Регион / Region	Площадь на 1 янв. 2018 г., тыс. км ² / Area is 1 Jan. 2018, thousand sq. km	Доля региона в общей площади РФ, % / Share of the region in the total area RF, %	Население на 1 янв. 2018 г., тыс. чел. / Population for 1 January. 2018, thousands of people	Доля населения в общей численности, % / Share of population in the total number, %	ВРП на 1 янв. 2018 г., млн р. / GRP on January 1. 2018, million r.	Доля региона в общем ВРП, % / Region's share in total GRP, %
Забайкальский край / Transbaikal region	431,9	2,52	1085,2	0,75	227582,4	0,45
Москва / Moscow	2,6	0,00015	12 108	8,36	10 577 810	21,19
Московская область / Moscow region	44,3	0,26	7 134	4,92	2 440 283	4,89
Тюменская область / Tyumen region	1 464,2	8,56	3 546	2,45	4 618 711	9,25
Приморский край / Primorsky region	164,7	0,96	1 939	1,36	555 018	1,11
Алтайский край / Altay region	168	0,98	2 391	1,67	370 555	0,74

Исходя из данных табл. 1, можно сделать вывод, что Забайкальский край аккумулирует на своей территории меньше 1 % всего населения России, что говорит не только об экономической, но и социальной неразвитости региона. ВРП Забайкальского края на 1 января 2018 г. составил 227582,4 млн р., или 0,45 % от суммарного ВРП по всем субъектам РФ. Показатель ВРП регионов РФ представлен с учетом того, что по площади Забайкальский край входит в первую тридцатку регионов, что позволяет говорить о необходимости развития национальной экономики. Забайкальский край расположен в восточной части России и, обладая достаточными трудовыми ресурсами, имеет возможность привлекать наибольшие инвестиционные средства, увеличивая свой валовой региональный продукт.

Такие регионы, как Москва, Тюменская область, Московская область,

Санкт-Петербург, образуют 40,71 % всего валового регионального продукта. Остальные 79 субъектов РФ консолидируют 59,29 % ВРП, что свидетельствует об экономических «перекосах» в развитии регионов в европейской части России [8] и необходимости развития в восточной части страны. Такая структура ВРП, при которой четыре региона обеспечивают 40 % данного показателя, является неэффективной, когда возникает угроза не только развитию национальной экономики, но и целостности государства. Поэтому экономическое выравнивание развития региональной экономики является общей задачей федеральных и региональных властей. Только эффективная работа в данном направлении позволит изменить экономическую структуру ВРП, что положительным образом скажется на общем состоянии экономики России.

Динамика экономического развития Забайкальского края представлена на рис. 1.

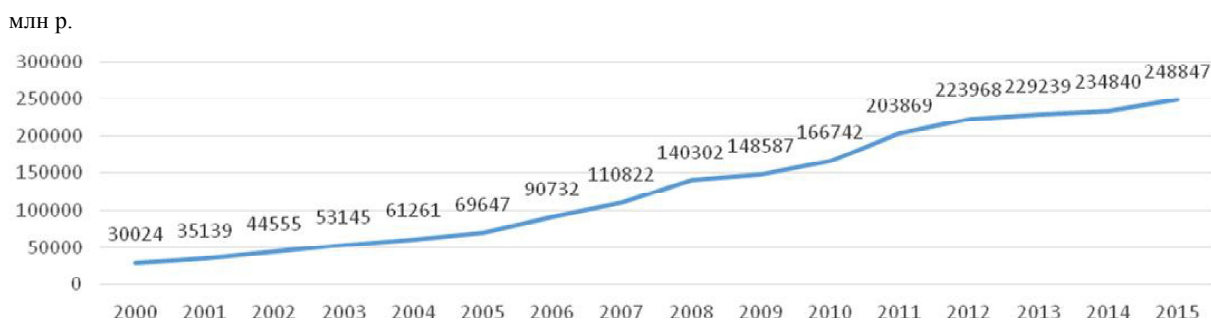

Рис. 1. Динамика развития экономики Забайкальского края / Fig. 1. Dynamics of economic development of the Transbaikal Region

Исходя из данного рис. 1, можно говорить о стабильном экономическом развитии региона и постоянном увеличении доли ВРП в общей сумме данного показателя. Забайкальский край на протяжении пятнадцати лет показывает стабильное экономическое развитие с хорошим среднегодовым темпом роста валового регионального продукта (15,47 %), что позволяет судить о качественной работе органов региональной власти в социально-экономическом направлении.

Результаты исследования. Состояние экономики Забайкальского края игра-

ет важную социально-экономическую роль в национальной экономике, нарушение функционирования которой может привести к экономическому дисбалансу. Повышается значимость экономической структуры региона, поэтому с целью сохранения высоких темпов социально-экономического развития необходимо развивать сбалансированную структуру экономической модели. Поскольку экономика Забайкальского края по показателю ВРП является социально значимой для России, то обладает дополнительным потенциалом для последующего роста. Малое предпринимательство,

используя свои преимущества, вносит неоценимый вклад в социально-экономическое развитие региона [4].

Значимость субъектов малого предпринимательства в количественном выражении отражена в табл. 2. По состоянию на 1 января 2016 г. доля малого предпринимательства (юридических лиц) в общем количестве предпринимательства об-

ласти составляет 48,77 %, что отражает стратегическое значение данного сектора экономики. Составляя половину предпринимательского сектора, субъекты малого предпринимательства оказывают влияние на экономику региона, сбалансированность бюджетного процесса, социальное положение и т. д.

Таблица 2 / Table 2

**Количество предприятий в Забайкальском крае на 1 января 2016 г. /
Number of enterprises in the Transbaikal Region for January 1, 2016**

Субъекты малого предпринимательства	Количество
Предприятия (юридические лица), всего (ед.) / Enterprises (legal entities), total (units)	31763
Малые предприятия / Small enterprises	8091
Индивидуальные предприниматели / Individual entrepreneurs	23672

Динамика развития малого предпринимательства Забайкальского края в период 2014–2016 гг. представлена на рис. 2.

Рис. 2. Динамика развития малого предпринимательства Забайкальского края в период 2014–2016 гг. / Fig. 2. Dynamics of small business development in the Transbaikal Region in the period 2014-2016

Формирование данного тренда происходит исключительно благодаря росту количества малых и микропредприятий [3]. Количество индивидуальных предпринимателей находилось в состоянии упадка на протяжении 2014–2016 гг., что свидетельствует об отсутствии государственного стимулирования в виде государственной поддержки, эффективного регулирования данного сектора, проводимой стимулирующей налоговой политики и т. д. Данная

динамика в развитии субъектов малого предпринимательства носит резко отрицательный характер и оказывает негативное влияние на развивающуюся экономику Забайкальского края.

В условиях жесткой конкуренции на внутреннем, межрегиональном, международном рынках необходимо учитывать позиции малого предпринимательства при выработке государственной политики в области социально-экономического развития,

налогообложения, взаимодействия государственной власти и субъектов предпринимательства [9].

Оборот субъектов малого предпринимательства (юридические лица) области составляет 85201 млн р., или 59,9 % от общего оборота предпринимательства региона (табл. 3). Данный показатель в несколько раз больше общегосударственного показателя,

который составляет 21,6 %, что позволяет говорить о наиболее эффективном регулировании со стороны региональных властей. При 25 %-ной доле в общем количестве субъектов предпринимательства малый сектор экономики консолидирует больше половины всей выручки предпринимательства, что является достаточным показателем [7].

Таблица 3 / Table 3

**Оборот предпринимательства Забайкальского края на 1 января 2015 г., млн р.
Business turnover in the Transbaikal Region for January 1, 2015, million rubles**

Субъекты малого предпринимательства	Оборот, млн р.
Малые предпринимательства (юридические лица), в том числе / Turnover of small business (legal entities), including	142069
Малые предприятия / Small enterprises	85201
Индивидуальные предприниматели / Individual entrepreneurs	56868

Таким образом, можно сделать вывод, что в масштабе государства органы региональной власти демонстрируют эффективные меры регулирования и по показателям не уступают государствам с развитой экономикой.

Структура малого предпринимательства Забайкальского края состоит из 25,4 % малых и микропредприятий и 74,6 % индивидуальных предпринимателей. Структурообразующими компонентами сектора малого предпринимательства являются микропредприятия и индивидуальные предприниматели, консолидирующие 93 % общего количества предприятий Забайкальского края.

Однако малые и микропредприятия при удельном весе в 25 % консолидируют 60 % выручки. Доля индивидуальных предпринимателей составляет лишь 39,4 % выручки при удельном весе в общем количестве малых предприятий в 74,6 %. Наиболее эффективными субъектами малого предпринимательства (относительно выручки) являются малые предприятия [6]. В результате произведенных расчетов на

одно малое и микропредприятие приходится 10530 млн р. оборота, в свою очередь, на одного индивидуального предпринимателя приходится 2402 млн р. Выявлено, что индивидуальные предприниматели при высоких количественных показателях имеют низкие показатели по выручке, что свидетельствует об отсутствии необходимых условий создания и развития субъектов малого предпринимательства [1]. Анализ приведенных данных позволяет говорить о необходимости принятия мер для дальнейшего развития сектора малого предпринимательства.

Субъекты малого предпринимательства Забайкальского края имеют показатели выше средних значений по России, что, безусловно, является положительной характеристикой [5], однако выделения на общем негативном фоне развития малого предпринимательства явно недостаточно, чтобы заявлять об успешном создании данного сектора.

На рис. 3 представлена отраслевая структура экономики малого предпринимательства Забайкальского края.

Рис. 3. Структура малого предпринимательства Забайкальского края в разрезе видов деятельности / Fig. 3. Structure of small business of the Transbaikal Region in terms of types of activities

Показана структура малого предпринимательства в разрезе видов экономической деятельности без учета индивидуальных предпринимателей. Наибольший удельный вес в структуре малого предпринимательства имеет сектор торговли — 36 %, сектор реальной экономики, обрабатывающие производства составляют 7 % в общем количестве. Сектор «Операции с недвижимым имуществом» занимает второе место в отраслевой структуре данного сектора экономики Забайкальского края и составляет 19 % в общем количестве субъектов малого предпринимательства. Отраслевая структура сегмента малого предпринимательства Забайкальского края несбалансированная и неэффективная. При условии отсутствия создания реального продукта в сфере торговли и операций с недвижимым имуществом структура малого предпринимательства Забайкальского края приобретает иной характер. В результате объединения сферы торговли и операций с недвижимым имуществом, по

признаку отсутствия создания реального продукта, суммарная доля данных секторов экономики может составлять больше половины от общего количества субъектов малого предпринимательства. Данные вычисления показывают профессиональную экономическую направленность сектора малого предпринимательства в Забайкальском крае, включающую торговлю, торговые отношения, предоставление услуг, т. е. экономику, не создающую реального продукта. С точки зрения структурного построения экономика малого предпринимательства области является неэффективной и низкокачественной. Например, если количество субъектов малого предпринимательства, занятых в сфере торговли и предоставлении услуг, составляет 36 %, то доля таких предприятий в общем годовом обороте равна 55 %.

Экономическая структура малого предпринимательства в Забайкальском крае в разрезе полученной выручки представлена на рис. 4.

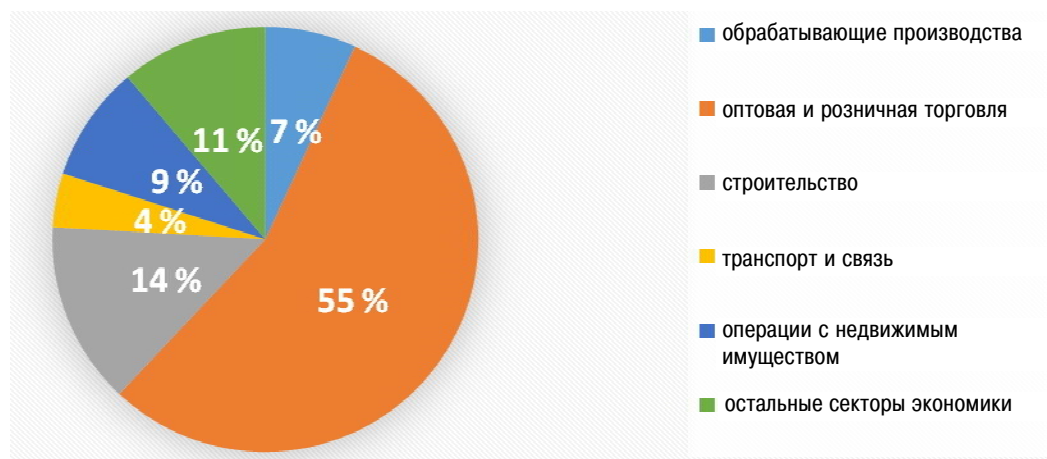

Рис. 4. Структура малого предпринимательства Забайкальского края в разрезе полученной выручки / Fig. 4. Structure of small business in the Transbaikal Region in terms of the collected proceeds

Диаграмма отражает зависимость экономики малого предпринимательства Забайкальского края от сектора торговли, который консолидирует 55 % выручки от общего оборота субъектов малого предпринимательства.

Выводы. Таким образом, можно констатировать, что отраслевая структура сегмента малого предпринимательства Забайкальского края имеет дисбаланс как в количественном, так и в качественном выражении в сторону сектора торговли, носит четко выраженный характер торговой, посреднической направленности.

В целом сектор малого предпринимательства, если не учитывать неэффектив-

ную отраслевую структуру, имеет неплохие показатели. Однако при детальном изучении возникает множество вопросов о дальнейшем существовании данного сегмента экономики области. Субъекты малого предпринимательства способны аккумулировать на своих предприятиях до 80 % трудовых ресурсов, что доказано мировой практикой. Предприятия малых форм в Забайкальском крае не дотягивают даже до общегосударственного показателя по численности занятых в 16,59 % и показывают результат в 13,06 % от общего числа экономически активного населения области.

Список литературы

1. Боробов В. Н. Рыночная экономика и ее государственное регулирование: предмет исследования и преподавания // Российское предпринимательство. 2001. Т. 2, № 10. С 33–36.
2. Бухвальд Е. М., Виленский А. В. Развитие и поддержка малого бизнеса // Вопросы экономики. 2002. № 7.
3. Дадашев А. З., Гловацкая Н. Г. Эффективность поддержки малого предпринимательства // Вопросы экономики. 2002. № 7. С. 126–139.
4. Гусов А. З. Социальная ответственность предпринимательства и социальная политика государства // Предпринимательство и государство: сб. тр. М.: Российская академия предпринимательства, 2005.
5. Жук А. Государственная поддержка предприятий малого и среднего бизнеса в условиях кризиса // Мировое и национальное хозяйство. 2009. № 10–11.
6. Коровин И. С. Региональные особенности интеграции малого бизнеса и корпораций с учетом интересов территорий // Экономические науки. 2010. Т. 73, № 12. С. 116–119.
7. Малое предпринимательство в России: прошлое, настоящее и будущее / под ред. Б. Г. Ясина, А. Ю. Чепуренко, В. В. Буева. М.: Либеральная Миссия, 2003. 220 с.

8. Малышев Е. А., Кашурников А. Н. Использование механизма государственно-частного партнерства для развития стратегии региона // Стратегическое управление ресурсами в регионах: материалы международного науч.-практ. конф. (14-17 сент. 2014 г.). Улан-Удэ, 2014. Т. 1. С. 97-100.
9. Малышев Е. А., Сокол-Номоконов Э. Н., Ронис А. А. Применение кластерной политики по организации экономического развития западных районов Забайкальского края: методические подходы // Вестник Забайкал. гос. ун-та. 2013. № 11. С. 139–147.
10. Dixit A. Entry and exit decisions under uncertainty // *Journal of Political Economy*. 1989. Vol. 97, No. 3. P. 620-638.
11. Intriligator M. A New economic policy for Russia // *Economics of Transition*. 1994. Vol. 5. No. 1. P. 225-227.

References

1. Borobov V. N. *Rossiyskoe predprinimatelstvo* (Journal of Russian Entrepreneurship), 2001, vol. 2, no. 10, pp. 33–36.
2. Bukhvald E. M., Vilensky A. V. *Voprosy ekonomiki* (Issues of economics), 2002, no. 7.
3. Dadashev A.Z., Glovatskaya N. G. *Voprosy ekonomiki* (Questions of economics), 2002, no. 7, pp. 126–139.
4. Gusov A. Z. *Predprinimatelstvo i gosudarstvo: sb. tr.* (Entrepreneurship and the state: collected articles.). Moscow: Russian Academy of Entrepreneurship, 2005.
5. Zhuk A. *Mirovye i natsionalnoye hozyaystvo* (World and national economy), 2009, no. 10–11.
6. Korovin I. S. *Ekonomicheskie nauki* (Economic sciences), 2010, no. 12, pp. 116–119.
7. *Maloe predprinimatelstvo v Rossii: proshloe, nastoyashchee i budushchee / pod red. B. G. Yasina, A. Yu. Chepurenko, V. V. Bueva* (Small business in Russia: the past, the present and the future / Ed. B. G. Yasin, A. Yu. Chepurenko, V. V. Buyev). Moscow: Liberal Mission, 2003. 220 p.
8. Malyshev E. A., Kashurnikov A. N. *Strategicheskoye upravleniye resursami v regionah: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (14-17 sent. 2014 g.)* (Strategic management of resources in the regions: materials of the international. scientific-practical. Conf. (14-17 September 2014)). Ulan-Ude, 2014. Vol. 1. P. 97–100.
9. Malyshev E. A., Sokol-Nomokonov E. N., Ronis A. A. *Vestnik Zabaiykal. gos. un-ta* (Transbaikalian State University Journal), 2013. no. 11, pp. 139–147.
10. Dixit A. *Journal of Political Economy* [Journal of Political Economy], 1989, vol. 97, no. 3, pp. 620–638.
11. Intriligator M. A. *Economics of Transition* [Economics of Transition], 1994, vol. 5, no. 1, pp. 225–227.

Коротко об авторах

Ронис Александр Александрович, канд. экон. наук, доцент, Забайкальский государственный университет, г. Чита. Область научных интересов: новая экономическая география, экономический рост; региональная экономика; территориальное размещение производства, мировая экономика, эффективность экономических систем, экономика энергетики, лесопромышленные кластеры
ronis_al@mail.ru

Беляев Дмитрий Александрович, аспирант, Забайкальский государственный университет, г. Чита. Область научных интересов: новая экономическая география, экономический рост; региональная экономика; территориальное размещение производства, мировая экономика, эффективность экономических систем, экономика энергетики, лесопромышленные кластеры
WarrioRbel@mail.ru

Малышев Евгений Анатольевич, д-р экон. наук, профессор, Забайкальский государственный университет, г. Чита. Область научных интересов: новая экономическая география, экономический рост; региональная экономика; территориальное размещение производства, мировая экономика, эффективность экономических систем, экономика энергетики, лесопромышленные кластеры
eamalyshev@mail.ru

Briefly about the authors

Alexander Ronis, candidate of economic sciences, associate professor, Transbaikal State University, Chita. Sphere of scientific interests: new economic geography, economic growth; regional economy; territorial distribution of production, world economy, efficiency of economic systems, energy economics, timber clusters

Dmitry Belyaev, postgraduate, Transbaikal State University, Chita. Sphere of scientific interests: new economic geography, economic growth; regional economy; territorial distribution of production, world economy, efficiency of economic systems, energy economics, timber clusters

Eugeny Malyshev, doctor of economic sciences, professor, Transbaikal State University, Chita. Sphere of scientific interests: new economic geography, economic growth; regional economy; territorial distribution of production, world economy, efficiency of economic systems, energy economics, timber clusters

Образец цитирования

Ronis A. A., Belyaev D. A., Malyshev E. A. Анализ состояния и динамика развития малого предпринимательства в Забайкальском крае // Вестн. Забайкал. гос. ун-та. 2018. Т. 24. № 3. С. 134–142. DOI: 10.21209/2227-9245-2018-24-3-134-142.

Ronis A., Belyaev D., Malyshev E. The role of small business in the socio-economic development of the national economy // Transbaikal State University Journal, 2018, vol. 24, no. 3, pp. 134–142. DOI: 10.21209/2227-9245-2018-24-3-134-142.

Статья поступила в редакцию: 06.03.2018 г.
Статья принята к публикации: 28.03.2018 г.

**Перечень требований и условий публикации статей в научном журнале
«Вестник Забайкальского государственного университета»**

1. Правила публикации статей в журнале

1.1. Материал, предлагаемый для публикации, должен являться оригинальным, неопубликованным ранее в других печатных изданиях. Рекомендованный объем статьи – 0,5...1 печ. л. (8...16 с.). Публикация статьи платная – 335 р. за одну страницу машинописного текста (интервал 1,5; размер шрифта – 14). Оплата производится после утверждения текста статьи редакционным советом. Для сотрудников ЗабГУ, аспирантов и докторов всех вузов публикация статей – за счет средств университета. Почтовые услуги за пересылку авторского экземпляра составляют 200 р. (реквизиты для оплаты можно найти по ссылке http://zabgu.ru/php/page.php?query=rekvizity%27_zabgu в платеже необходимо отметить «за услуги РИК»). Копию квитанции об оплате высылать на электронный адрес rik-romanova-chita@mail.ru.

1.2. Редакционная коллегия оставляет за собой право на научное и литературное редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта. За точность воспроизведения имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор. Присланные рукописи авторам не возвращаются.

1.3. Редакция научного журнала «Вестник Забайкальского государственного университета» осуществляет независимое рецензирование статей. Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в редакцию (с пометкой «исправленная») в течение 10 дней, в противном случае она будет отклонена. Доработанный вариант статьи рецензируется и рассматривается заново.

1.4. Материалы статьи предоставляются:

- а) по электронной почте: rik-romanova-chita@mail.ru;
- б) на почтовый адрес: 672039, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30, Забайкальский государственный университет, редакция журнала «Вестник Забайкальского государственного университета»;
- в) непосредственно в редакцию (корпус 01, каб. 320).

По вопросам публикации статей обращаться к главному редактору журнала – Романовой Нелли Петровне – по тел.: (3022) 21-88-73; факс (3022) 41-64-44; E-mail: rik-romanova-chita@mail.ru

2. Комплектность и форма предоставления авторских экземпляров

2.1. Предоставляемые материалы должны содержать:

- научное направление;
- шифр УДК;
- фамилию, имя, отчество автора (соавторов) (полностью) (на русском и английском языках);
- название статьи (на русском и английском языках);
- аннотацию – 200–250 слов (на русском и английском языках). В аннотации должны быть отражены: предмет, тема, цель работы; метод или методология проведения работы; результаты работы и область их применения; выводы. По аннотации читатель должен определить, стоит ли обращаться к полному тексту статьи для получения более подробной, интересующей его информации;
- ключевые слова – не менее 10 (на русском и английском языках);
- основную часть. Текст статьи должен иметь следующую структуру: введение; методология и методика исследования; результаты исследования и область их применения; выводы.
- список литературы (не более чем 5-летней давности) 15 источников (правила оформления см. в п. 2.4);
- сведения об авторе (авторах): фамилия, имя, отчество, ученая степень, ученое звание, занимаемая должность, место работы, город, страна, контактный телефон и e-mail, почтовый адрес с индексом (для отправления журнала) (на русском и английском языках);
- научные интересы автора (авторов) (на русском и английском языках);
- цветную фотографию автора (авторов) на белом фоне (деловой стиль) в электронной версии в формате *.JPG, *.BMP или *.TIFF, размер файла до 1 MB;
- рецензию научного руководителя, консультанта или специалиста, занимающегося темой заявленного исследования (оригинальная или электронная версия);
- экспертное заключение о возможности опубликования статьи в открытой печати (сканированная копия) (образец – на сайте www.zabgu.ru);
- результат оригинальности текста, проверенного на плагиат желательно в системе «Антиплагиат» (info@antiplagiat.ru) (необходимо предоставить сведения об оригинальности текста).

2.2. Общие правила оформления текста

Статью на электронном носителе следует сохранять под именем, соответствующим фамилии первого автора, набирается в программе Microsoft Office Word.

Рекомендуется соблюдать следующие установки:

Параметры страницы: верхнее и нижнее поля – 2,5 см, левое – 3 см, правое – 1 см; ориентация – книжная; перенос – автоматический. Абзацный отступ – 1,25 см. Нумерация страниц – на нижнем поле. Шрифт – Times New Roman, размер – 14 пт, межстрочный интервал – 1,5. Формат бумаги – А4.

Для акцентирования элементов текста рекомендуется использовать курсив. Выделение текста жирным шрифтом и подчеркивание не допускается.

2.3. Формулы, рисунки, таблицы

При использовании формул (кроме заголовка статьи и аннотации) рекомендуется применять Microsoft Equation 3 при установках: элементы формулы — курсивом; для греческих букв и символов — шрифт Symbol, для остальных элементов — Times New Roman (использование букв русского алфавита в формуле нежелательно). Размер символов: обычный — 14 пт, крупный индекс — 10 пт, мелкий индекс — 7 пт, крупный символ — 18 пт, мелкий символ — 14 пт. Экспозиции элементов формул в тексте следует оформлять в виде формул. Пояснение значений символов и числовых коэффициентов рекомендуется приводить непосредственно под формулой в той же последовательности, в которой они даны в формуле. Формулы следует нумеровать порядковой нумерацией арабскими цифрами в круглых скобках, например, $A = a \cdot v$, (1). Ссылки в тексте на порядковые номера формул оформляют в скобках, например, ... в формуле (1).

Рисунки необходимо выполнять с разрешением 300 dpi; предоставлять в виде отдельных файлов с расширением *.JPG, *.BMP, *.TIFF и распечаткой на бумаге формата А4 с указанием имени файла. Изображения должны допускать перемещение в тексте и возможность изменения размеров. Схемы и графики выполнять во встроенной программе MS Word или в MS Excel с предоставлением исходного файла. Рисунки следует нумеровать арабскими цифрами сквозной нумерацией. Если рисунок один, он не нумеруется. Рисунки необходимо предоставлять в цветном виде. Название рисунков должно быть на русском и английском языках.

Таблицы должны иметь тематические и нумерационные заголовки и ссылки на них в тексте. Тематические заголовки должны отражать их содержание, быть точными, краткими, размещены над таблицей. Таблицу следует располагать непосредственно после абзаца, в котором она упоминается впервые. Таблицу с большим количеством строк допускается переносить на другую страницу. Заголовки граф, как правило, записывают параллельно строкам таблицы; при необходимости допускается перпендикулярное расположение заголовков граф.

Текстовое оформление таблиц в электронных документах: шрифт Times New Roman или Symbol, 12 кегль. Таблицы не нужно прикреплять в отдельных документах. Заголовок и содержание таблиц предоставлять на русском и английском языках. Английская версия содержания таблиц оформляется через слэш (/).

2.4. Список литературы

Ссылки на источники в тексте статьи следует оформлять в квадратных скобках в соответствии с нумерацией в списке литературы, который для оригинальной статьи — не менее 10 источников.

Список литературы необходимо составлять в алфавитном порядке. Алфавитный порядок ссылок нумеруется. Не допускается выносить ссылки из текста вниз полосы. В списке литературы не должно быть наименований учебной литературы, диссертаций и литературы без авторства (конституция, законы, о них только говорится в тексте). Самоцитирование не допускается. В списке должно быть не менее двух источников на иностранном языке.

Список литературы предоставлять в двух вариантах: на русском языке (ГОСТ 7.0.5. – 2008. Библиографическая ссылка), а также НЕОБХОДИМО повторять русскоязычный список литературы полностью в романском алфавите (для зарубежных баз данных), согласно следующим требованиям:

– авторы (транслитерация), название источника (транслитерация, курсивом; в круглых скобках перевод на английский язык), выходные данные с обозначениями на английском языке либо только цифровые. Заглавия статей опускаются, т.к. в аналитической системе они не используются (достаточно указать название журнала) (подробная информация оформления библиографического списка см. на сайте www.zabgu.ru).

Пример описания статьи из журналов:

Polyanchikov Yu.N., Bannikov A.I., Kurchenko A.I. Vestn. Saratovsk. Gos. Tekhn. Univ. (Saratovsk State Technical University), 2007, no. 1 (23), P. 21-24.

Материалы конференций:

Usmanov T.S., Gusmanov A.A., Mullagalin I.Z., Muhametshina R.Ju., Chervyakova A.N., Sveshnikov A.V. Trudy 6 Mezhdunarodnogo Simpoziuma «Novye resursosberegayushchie tekhnologii nedropol'zovaniya i povysheniya neftegazootdachi» (Proc. 6th Int. Technol. Symp. “New energy saving subsoil technologies and the increasing of the oil and gas impact”). Moscow, 2007, P. 267-272.

Книги (монографии, сборники, материалы конференций в целом):

Nenashev M.F. Poslednee pravitel'stvo SSSR [Last government of the USSR]. Moscow, Krom Publ., 1993. 221 p.

Ссылка на Интернет-ресурс:

Pravila Tsitirovaniya Istochnikov (Rules for the Citing of Sources) Available at: <http://www.scribd.com/doc/1034528/> (accessed 7 February 2011)

2.5. Правила транслитерации

На сайте <http://www.translit.ru/> можно бесплатно воспользоваться программой транслитерации русского текста в латиницу.

Редакция оставляет за собой право отклонять статьи, не отвечающие указанным требованиям.

Наши награды

Содержание

Науки о Земле

Оборин М. С. Оценка возможности использования потенциальных природных лечебных ресурсов в курортно-рекреационной деятельности региона.....	4
Павленко Ю. В. Природные полимеры: новая парадигма эволюции Земли.....	15
Соколова О. Е., Потапова Е. В. Методика определения геморобности озелененных территорий	26

Политология

Барышная Н. А., Самохвалов Н. А. Отношение молодежи России к образованию и науке на современном этапе	32
Бейдина Т. Е., Попов Ю. А. Дефиниции «политический процесс», «политические изменения», «политическое развитие» в научном дискурсе	39
Денисов Ю. В. Реализация непосредственной демократии в России	50
Жиляева М. С. Этнокультурная компетентность будущих специалистов социальной сферы: динамика развития коммуникативного компонента	63
Жукова А. А., Романова И. В. Политика высшего образования в Дальневосточной Республике	72
Зими́на Н. В., Тумуров Ж. Т. Актуальные проблемы регистрации политических партий и их региональных отделений	77
Зими́на Н. В., Кухарский А. Н., Новикова А. В. Усовершенствование систем местного самоуправления в рамках организационно-кадрового обеспечения муниципального управления	83
Романова Н. П. Гармонизация гендерных отношений как составляющая процесса демократических преобразований	93

Экономические науки

Бартош А. А., Верхушина Е. Н. Эффективность взаимодействия органов местного самоуправления и предпринимательства в Забайкальском крае.....	103
Бейдина Т. Е., Бейдин С. В., Галынис К. И., Новикова А. В. Предложения по делегированию полномочий местного самоуправления как инновационная проблема с учетом международной и российской специфики	115
Оборин М. С. Агротуризм как фактор диверсификации экономики регионов с низким промышленным потенциалом.....	126
Ронис А. А., Беляев Д. А., Малышев Е. А. Анализ состояния и динамика развития малого предпринимательства в Забайкальском крае.....	134

Contents

Earth sciences

Oborin M. Possibility Assessment of Using Potential Natural Curative Resources in the Resort and Recreational Activities of the Region	4
Pavlenko Yu. Natural Polymers: a New Paradigm of the Earth Evolution	15
Sokolova O., Potapova E. Method of Determining the Hemerability of Green Areas	26

Politology

Baryshnaya N., Samokhvalov N. The Attitude of Russian Youth to Education and Science at the Present Stage.....	32
Beydina T., Popov Yu. Definitions "Political Process", "Political Changes", "Political Development" in the Scientific Discourse	39
Denisov Yu. Implementation of Direct Democracy in Russia	50
Zhilyaeva M. Ethno-Cultural Competence of Future Specialists in the Social Sphere: Dynamics of the Communicative Component	63
Zhukova A., Romanova I. Policy of Higher Education in the Far East Republic	72
Zimina N., Tumurov Zh. Actual Problems of the Registration of Political Parties and Their Regional Offices	77
Zimina N., Kukharsky A., Novikova A. Improvement of Local Self-Government Systems in Organization and Staffing of Municipal Management.....	83
Romanova N. Harmonization of Gender Relations as a Component of Democratic Transformation Process	93

Economics

Bartosh A., Verkhushina E. Efficiency of Interaction between Local Government and Entrepreneurship in Transbaikal Region.....	103
Beydina T., Beydin S., Galinis K., Novikova A. Proposals for the Delegation of Local Self-Government Powers as an Innovative Problem Based on International and Russian Specifics	115
Oborin M. Agrotourism as a Factor in the Diversification of the Economy of Regions with Low Industrial Potential.....	126
Ronis A., Belyaev D., Malyshev E. The Role of Small Business in the Socio-Economic Development of the National Economy	134

ВЕСТНИК

ЗАБАЙКАЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

2018

Том 24. № 3

Главный редактор Н. П. Романова
Литературный редактор А. А. Рыжкова
Технический редактор И. В. Петрова
Подписано в печать 16.04.2018
Дата выхода в свет 19.04.2018
Форм. бум. 60 x 84 1/8
Печать цифровая
Уч.-изд. л. 13,2
Тираж 500 экз. (1-й з-д 1–100 экз.)

Бум. тип. № 2
Гарнитура основного
текста «Bodoni»
Усл. печ. л. 17,2
Заказ № 18051

Отпечатано в ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет»

672039, Забайкальский край, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30